58/6301

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Часть двадцать седьмая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

1829.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Апрѣля 30 дня 1829 года.

Ценсоръ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.

№ 9. Май.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

О ДРАМАТИЧЕСКОЙ ЛИТТЕРАТУРѢ

новыхъ народовъ. Соч. Бар. Экштейна.

(Статья 2-я).

III. Религіозные предметы, житія святыхъ, также народные фарсы, вмѣстѣ съ характерными ролями масокъ: вотъ первыя начала драматической музы новой Европы. Впослѣдствіи, Романтическая Поэзія служила основаніемъ театральнымъ представленіямъ Испанцовъ и Англичанъ, но басни для сцены были заимствованы не изъ эпическихъ предметовъ среднихъ вѣковъ; если-же иногда, и какъ-бы въ родѣ исключенія, онѣ были избираемы изъ рыцарскихъ поэмъ, то никогда не извлекались изъ старинныхъ Германскихъ эпопей; главнымъ источникомъ ихъ были сказки, въ прозѣ и въ стихахъ, извѣстныя подъ именемъ сказаній (fabliaux) во Франціи, и новеллъ (Novelas) въ Италіи и въ Испаніи. Декамеронъ Боккачіо и подобныя собранія его подражателей, весьма извѣстныя и переведенныя

почти на всѣ Европейскіе языки, дали драматическимъ авторамъ болѣе матеріяловъ. Надобно сказать и то, что предметы въ оныхъ богаты и обильны противоположностями и противорѣчіями, достойными сцены.

Театръ у Грековъ и Индійцовъ, вначалѣ основанъ былъ на эпопеѣ и изъ нея почерпалъ свои самые народные и важные предметы. Но эпическія поэмы Германцовъ были рѣзко запечатлѣны идолопоклонствомъ и по одному этому уже неприличны для новаго театра. Сверхъ сего, въ продолженіе нѣкотораго времени онѣ пришли въ забвеніе и мѣсто ихъ заняла новая эпическая поэзія, воспѣвавшая рыцарскіе подвиги: она также была въ свою очередь забыта и замѣнилась литературою романовъ, для высшихъ классовъ, и литературою сказаній и новеллъ для среднихъ классовъ общества. Впрочемъ, и естественно что предметы для Драматической Поэзіи были избираемы изъ самыхъ уважаемыхъ, извѣстныхъ и любимыхъ публикою басенъ. Въ позднѣйшее время, историческая драма у новыхъ сообщила театру характеръ народной истины, котораго не могла придать ему эпическая поэзія, давно угасшая.

Романтизмъ, какъ основаніе Драматическаго Искусства у новыхъ, имѣетъ свой идеалъ, такъже какъ и Классицизмъ, служащій главнымъ основаніемъ того-же искусства у Грековъ. Въ семъ отношеніи, братья Шлегели представили истин-

ную теорію того и другаго, и пояснили истину своихъ выводовъ превосходными сравненіями изъ области искусствъ. Они уподобляютъ театръ древнихъ, относительно его формъ и размѣровъ, благороднымъ изваяніямъ Фидія, а театръ новыхъ возвышеннымъ произведеніямъ Рафаэля, и сравниваютъ два различные рода Архитектуры: древнихъ храмовъ Греціи и Христіанскихъ соборныхъ церквей, наименованныхъ готическими.

Въ искусствѣ древнихъ преимуществуетъ форма. Благородство, идеальность, чистота формы, совершенство красоты, согласіе частей, способствующее общности созданія: вотъ къ чему особенно стремились они. Напротивъ въ искусствѣ новыхъ господствуетъ душа. Ихъ искусство, какъ религія, отъ которой оно происходитъ, стремится къ безконечному, не ограничиваясь конечнымъ Эллинскаго язычества; въ немъ все живописно; можно было-бы сказать, что оно стремится выразить невыразимое. Отъ сего различія происходятъ разнородныя совершенства. Причина сего заключается не только въ понятіи объ искусствѣ, происходящемъ отъ различія религіи, но еще и во взглядѣ на искусство съ различной точки зрѣнія въ отношеніи къ національности, съ одной стороны Эллинской, съ другой Германской. Вся Европа, прежде бывшая Латинская, нынѣ сдѣлалась Германскою, ибо сѣверные народы основали всѣ государства южныя

и внесли въ среду ихъ свой духъ, свой собственный характеръ и свой вкусъ, различно измѣненный временемъ; если-же нынѣ господствуетъ характеръ Германскій, хотя и подъ различными условіями, на сѣверѣ и на югѣ Европы, то, что нужды, Романскимъ-ли или Нѣмецкимъ языкомъ говорятъ народы. Классицизмъ у нихъ есть уже направленіе ложное; единая истинная ихъ народность заключается въ Романтизмѣ; иными словами, у нынѣшнихъ Европейцовъ другое происхожденіе, другіе нравы, и, болѣе всего, другое вѣрованіе, отличные отъ древнихъ; слѣдовательно литтература ихъ должна носить на себѣ другой отпечатокъ, должна имѣть другое выраженіе.

Слово Романтизмъ, примѣненное Шлегелями къ генію и искуству новыхъ народовъ, для противоположности тому-же у древнихъ, избрано по причинѣ Романскаго языка, ибо элементы новой поэзіи развились, подъ изящными формами, въ лирическихъ и театральныхъ сочиненіяхъ южныхъ народовъ, и именно Итальянцовъ, Испанцовъ и Португальцовъ. Тамъ Романтизмъ господствуетъ не смѣшанный съ языческими идеями, чисто Католическій, между тѣмъ какъ въ сѣверныхъ басняхъ видно еще язычество, столько-же въ эпическихъ сочиненіяхъ древней Германіи, какъ и въ рыцарскихъ поэмахъ Артура и Круглаго Стола: сіи послѣднія особенно запе-

чапілѣны слѣдами друидизма, хотя, въ теченіе времени, онѣ приняли оттѣнки совершенно христіанскіе. Изъ всего сказаннаго нами выходитъ, что Романтическій характеръ поэзіи, и особенно театральной поэзіи Испанцовъ и Англичанъ, основывается на положительныхъ, достовѣрныхъ событіяхъ, и что въ теоріи онаго нѣтъ ничего темнаго, неопредѣленнаго; слѣдственно всякая неясность, въ семъ отношеніи, происходитъ отъ невѣжества тѣхъ людей, которые говорятъ о Классицизмѣ и Романтизмѣ вкось и вкривь, не зная основательно различныхъ литературъ, отъ чего имъ легко и умствовать по своему (*).

Утвердивъ идеи наши на истинной природѣ новой Драматической Поэзіи, и особенно на томъ, что есть въ ней заимствованнаго отъ романовъ, новеллъ, сказокъ и сказаній, мы отличимъ теперь два соединенные элемента ея: одинъ, народный, отъ другаго, болѣе идеальнаго, сходнаго съ нравами высшихъ классовъ, въ коихъ существуютъ какая-то нѣжность, вѣжливость и рыцарская пріятность, составляющія придворный духъ, противоположный народному. Они болѣе всего смѣшаны въ Комедіи, и по одному этому сочиненія Шекспира и Кальдерона, обрабатывавшихъ сей родъ, высоко отличаются

(*) Сей послѣдній періодъ не худо было-бы затвердить нашимъ Классическимъ Критикамъ. *Пр. Пер.*

отъ сочиненій позднѣйшихъ авторовъ. Въ нынѣшней Комедіи слишкомъ много прозы, потому что она, такъ-же какъ Комедія Аѳинскаго театра, усовершенствованная Менандромъ и бывшая предметомъ подражанія Теренція, представляетъ намъ обыкновенныя жизненныя событія. Напротивъ Романтическая Комедія исполнена поэзіи: она не отвергаетъ даже самыхъ чудесныхъ изобрѣтеній. Она, какъ Трагедія Англичанъ и Испанцовъ, основывается на новеллѣ или романѣ; она отличается только складомъ и смотритъ на предметы съ веселіемъ и пріятностью, не разсуждая о нихъ строго и во всей ихъ глубокости. Она представляетъ веселую игру ума и не заботится о пошлой, прозаической вѣроятности. Какъ ни безразсудна была-бы она, но если она послѣдовательна сама себѣ, вѣрна своимъ собственнымъ законамъ; если въ ней есть поэзія, веселость, то для нея все прилично. Но по самому этому, всего труднѣе сочинять Комедіи въ родѣ Шекспировыхъ и Кальдероновыхъ, ибо ихъ должно изобрѣтать по аналогіи духа: въ нихъ нѣтъ мертвой формы для подражанія, и всякій поверхностный списокъ сихъ двухъ великихъ образцовъ будетъ совершенно несносенъ.

Англичане и Испанцы сходствуютъ не только въ комедіи, но и въ трагедіи Романтической, основанной также на романахъ и новеллахъ: таковы трагедіи, Ромео и Юлія, Симбелинъ, Отелло, Шекспировы, и большая часть Испанскихъ траге-

дій. Поэмы сего рода, даже въ сочиненіяхъ сѣвернаго Автора, дышатъ какимъ-то южнымъ геніемъ: онѣ богаты красками; самое ужасное трагическое украшено въ нихъ живописнымъ воображеніемъ, и глубокость созданія не мѣшаетъ разнообразію и легкости въ очертаніи принадлежностей предмета; самыя жестокія страсти въ нихъ поражаютъ непроизвольнымъ, необдуманнымъ или упоительнымъ своимъ чувствомъ; рѣшенія героическихъ лицъ не выказываютъ ни размышленія, ни политики, какъ въ трагедіи исторической; они подобны молніямъ, раздирающимъ лоно темной ночи, и, по выраженію самого Шекспира, исчезаютъ, прежде нежели можно высказать ихъ. Они были. Какъ ни велики восторгъ и упоеніе, коими проникнута поэзія Кальдерона, но при живописи любви, въ немъ южнаго не болѣе, чѣмъ въ пѣвцѣ Ромео. Въ этомъ, Англійская поэзія времени Королевы Елисаветы отражаетъ еще нравы рыцарства и показываетъ вліяніе Итальянской литтературы сего времени на литтературу странъ сѣверныхъ.

Во Франціи есть два рода Драматической Поэзіи, происходящіе отъ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Во первыхъ, родъ классическій, или *такъ называемый* классическій, о которомъ мы еще будемъ говорить, сколько того потребуетъ нашъ предметъ: онъ произошелъ особенно отъ подражанія Сенекѣ и Софонисбѣ Триссина, то есть

самому ложному, манерному и холодному въ направленіи сего рода. Въ тоже время Французская сцена была романтическою, хотя съ самой ранней поры принято было въ ней обычаемъ давать романтическимъ предметамъ формы и размѣры Аристотелевскіе, несходные съ ея природою. Подражаніе Испанцамъ было первою причиною романтическаго направленія небольшой части Французской сцены.

Ротру, котораго не читаютъ нынѣ, воспользовался, по странной привиллегіи, не вездѣ вошедшей въ употребленіе, множествомъ Испанскихъ авторовъ, между прочимъ Рохасомъ, Солисомъ, и другими знаменитыми писателями Кастильской сцены, точно какъ будто сіи писатели принадлежали ему, и какъ будто онъ могъ присвоивать себѣ ихъ пьесы, если не по праву законному, то по праву завоеванія. Такъ дѣйствовать было легко. Нѣкоторыя изъ своихъ драмъ онъ назвалъ траги-комедіями; но такъ поступалъ и самъ великій Корнель. Это названіе показываетъ классическую привычку и совѣсть, а можетъ быть и страхъ автора, что онъ смѣшиваетъ роды, ибо слишкомъ явно, что ни Ротру, ни Корнель никогда не могли дать себѣ отчета объ истинной природѣ соединенія трагическаго съ комическимъ въ Испанскихъ пьесахъ, о которомъ мы говорили выше сего. Корнель даже называлъ

нѣкоторыя свои трагедіи героическими комедіями, по методѣ, принятой Испанцами.

Не упоминая о Ѳомѣ Корнелѣ, который по ничтожности своей не стоитъ замѣчанія, ни о Скарронѣ, постыдно безобразившемъ благороднѣйшія созданія Кастильскаго театра, мы остановимся нѣсколько на Мольерѣ и Корнелѣ, какъ на подражателяхъ сценѣ Испанской. Первый изъ сихъ двухъ знаменитыхъ писателей не могъ примѣниться къ формѣ ея, потому что не понималъ поэтическаго духа оной и почиталъ ее хорошею только по изобрѣтенію. Однако-жь мы, кажется, видимъ въ любовныхъ сценахъ многихъ его комедій, впрочемъ написанныхъ совсѣмъ не въ Испанскомъ родѣ, болѣе поэтическую краску, противоположную съ тѣмъ выраженіемъ любви, какое употребляли его послѣдователи. У него любовь дышитъ какою-то свѣжестью чувства, напоминающею Кастильскихъ авторовъ и показывающею, можетъ быть, долговременную привычку къ красотамъ театра Испанскаго, которыми онъ наслаждался.

Корнель былъ романтикомъ только въ Сидѣ, потому что Донъ Санчъ не входитъ въ число лучшихъ его произведеній. Не смотря на заимствованія у Гюильена де Кастро, онъ великъ и удивителенъ въ семъ сочиненіи, одномъ изъ благороднѣйшихъ и возвышеннѣйшихъ на Французской сценѣ. Замѣчательно, что сей превосходный ге-

ній часто не могъ удержаться, чтобъ не придать своимъ героямъ характера смѣлаго, пылкаго, употребительнаго у поэтовъ Пиренейскаго полуострова, какъ-бы для яснаго доказательства, что онъ не переставалъ обожать ихъ, даже идя въ своемъ искусствѣ другимъ путемъ.

Вольтеръ, иногда съ рѣдкимъ счастіемъ изображавшій рыцарскіе предметы среднихъ вѣковъ, показалъ, въ Альзирѣ, въ Танкредѣ, въ Заирѣ, въ Аделаидѣ Дюгескленъ, какъ естественъ былъ-бы на Французской сценѣ романтическій родъ и какое народное направленіе можно было-бы ему дать, если-бы странные предразсудки не воспротивились тому. Вольтеру не удалось поболѣе перейдти границы искусственныхъ приличій, и потому только сочиненія его не перенеслись въ чистый и простой романтическій элементъ.

Въ Итальянскомъ театрѣ не было ничего романтическаго; по крайней мѣрѣ извѣстно, что рыцарскія чувства и христіанскія понятія не были выражены въ ономъ ни однимъ изъ тѣхъ талантовъ, которые оставляютъ послѣ себя длинную полосу свѣта. Одна Divina Comedia, поэма, столь необыкновенная по своему складу, не подходящая ни подъ какую классификацію, оригинальная какъ готическій куполъ или какъ Индійскій храмъ, напоминаетъ страстными чертами романтическій геній среднихъ вѣковъ, выраженный совершенно драматическимъ образомъ. Ино-

гда Данте можно было-бы сравнивать съ Шекспиромъ, если-бы онъ еще чаще не напоминалъ Историка Тацита. Сжатый, сильный, строгій, разсуждающій подобно Тациту, онъ болѣе исполненъ энтузіазма, онъ плаваетъ въ вышнихъ пространствахъ, какъ житель неба; однимъ словомъ, Данте есть Тацитъ въ поэзіи. Драматическіе поэты Италіи должны-бъ были взять себѣ образцами Франческу, Беатрису, Матильду; они должны-бъ были изучать это множество простодушныхъ и патетическихъ, нѣжныхъ и ужасныхъ, мрачныхъ и прелестныхъ сценъ, созданныхъ Дантомъ, а не подражать древнимъ, которыхъ они нисколько не понимали.

Одинъ элементъ истинной Романтической Поэзіи проявился въ Драматической литературѣ Италіи, но онъ лишенъ размѣровъ, потребныхъ для сцены. Однакожъ прелесть и гармонія стихосложенія, платонизмъ чувствъ, лирическая и вмѣстѣ діалектическая игра ума, плѣняютъ читателя и заставляютъ его любить сей родъ сочиненій. Pastor Fido, Гварини, ибо должно назвать его, эта героическая идиллія, украшенная хорами, достойными по ихъ великолѣпію сравненія съ хорами Греческаго театра; Аминта Тассова, дышащая сладострастіемъ самымъ роскошнымъ, самымъ упоительнымъ и самымъ невиннымъ: вотъ образцы, которые завѣщала намъ Итальянская Талія. Сіи пастушескія, совершенно

идеальныя пьесы, имѣютъ соотвѣтствующее имъ въ Зимней Сказкѣ и Симбелинѣ, Шекспира, въ Комѣ, Мильтона, въ Царицѣ Фей, Спенсера, въ Галатеѣ, Сервантеса, во многихъ эпизодахъ романовъ сего послѣдняго и въ замѣчательнѣйшихъ поэмахъ Португальскихъ. Впрочемъ, пастушескія сцены и описанія никогда не составляютъ основанія въ сочиненіяхъ Шекспира и Кальдерона. Они входятъ въ составъ ихъ, какъ прелестные, милые, веселые или трогательные эпизоды, но общностью сочиненія образуютъ краски мрачныя или величественныя. Гварини и Тассъ, напротивъ, создали цѣлыя поэмы сего рода, блестящія умомъ и поэзіею, но по драматическому дѣйствію безполезныя и совершенно ничтожныя.

Пастухи въ Аминтѣ и Pastor Fido принадлежатъ къ природѣ, совершенно идеальной. Это не ученый родъ Александрійцовъ, которому слѣдовали Ѳеокритъ и Виргилій, первый изъ подражанія природѣ, описанной Гомеромъ, но у него выраженной не столь полно какъ у образца его, другой, плѣняясь земледѣльческою жизнію Римлянъ, но описывая характеры не весьма занимательные. Аминта и Pastor Fido не походятъ также ни на сладкія буколики Геснера, ни на приторное жеманство Фонтенеля; они ближе къ поэмамъ Петрарки, кромѣ формы, которая у Гварини напоминаетъ величественные размѣры древности, а у Тасса является исполненною преле-

сти и простоты. Пастухи въ сихъ двухъ поэмахъ одарены самою утонченною рыцарскою вѣжливостью и простодушіемъ древняго времени. Слогъ сихъ поэмъ украшаетъ мысль, и такъ сказать, опутываетъ ее своими вѣтвями, какъ плющъ, который обвиваетъ и украшаетъ дерево, служащее ему опорою; однимъ словомъ, это придворный, представленный идеальнымъ образомъ духъ, гдѣ платонизмъ идей соединенъ съ чистотою нравовъ. Критикъ безъ предразсудковъ, смѣющійся надъ вздорными классификаціями школы и отвлекающійся отъ формы, дабы читать во глубинѣ сочиненій, отыщетъ аналогію между сочиненіями сего рода и Беренисою Расина, поэта, исполненнаго прелести и чувства, употреблявшаго столь нѣжную и роскошную кисть для изображенія невинныхъ дѣвъ, являющихся въ его сочиненіяхъ.

Драма Тассъ, одно изъ благороднѣйшихъ и самыхъ чистыхъ произведеній Гёте, и даже его Ифигенія, обработаны въ самомъ возвышенномъ стилѣ. Сіи два сочиненія украшены всею роскошью прелести: они созданы въ такомъ-же духѣ, какъ Pastor Fido и Аминта, не смотря на разность изображаемыхъ предметовъ. Спокойствіе и стройность высокой души, въ отзывахъ, образующихъ сладостную гармонію пламенныхъ движеній, гдѣ нѣтъ ничего, несогласнаго съ міромъ идеальной чистоты: вотъ что одушевляетъ сіи произведенія генія. И Софоклъ дышитъ симъ без-

предѣльнымъ спокойствіемъ; но онъ становится важенъ при выраженіи героическихъ ощущеній; онъ обладаетъ какимъ-то сверхъестественнымъ достоинствомъ, возводящимъ его созданія до величайшей трагической высоты. И Кальдеронъ, коихъ, такъ сказать, *объэвиренная* поэзія показываетъ также вдохновенія, погружающія душу въ божественный покой, и Кальдеронъ не остается, столь долго какъ Гварини, Тассъ, Гёте, въ мірѣ созерцательныхъ мечтаній. Испанскій поэтъ освобождается отъ размышленій, дабы явить высокую и пламенную силу дѣятельности, сбивающуюся на бурный характеръ Арабовъ и благородную гордость Кастильцовъ; онъ столько-же театраленъ, сколько не театральны упомянутые платоническіе поэты, создавшіе придворный родъ поэзіи, самый благородный изъ всѣхъ существующихъ. Если-бы Расинъ не вышелъ изъ круга, какой очертилъ онъ себѣ въ Беренисѣ, то и онъ остался-бы всегда сладостнымъ писателемъ для тѣхъ людей, которымъ нравятся нѣжныя и пріятныя картины, но не былъ-бы живописцемъ ни Аталіи, ни двора Неронова.

Эта роскошь кисти, отличающая пастушескія и всѣ принадлежащія къ нимъ по чувству стихотворенія, есть конечно одна изъ принадлежностей романтической музы, воспитанной платоническими и христіанскими идеями. Но геній Драматическаго Искуства имѣетъ и другія тре-

бованія: онъ открываетъ своимъ адептамъ сокровенныя тайны при другихъ условіяхъ. Эклога есть картина драматическая побочнаго разряда, одна изъ многочисленныхъ частей, одно изъ подраздѣленій поэзіи, которыя должны-бъ были существовать не отдѣльно, но составлять группы на заднемъ планѣ великой картины. Однакожъ нѣтъ правила безъ исключенія. Въ самомъ дѣлѣ, кто-бы вздумалъ лишиться Ѳеокрита, не взирая на его ошибки и на Александрійскую, чрезвычайно изысканную форму многихъ его сочиненій? Въ Германіи былъ также поэтъ, весьма несовершенный въ большихъ театральныхъ пьесахъ, но умѣвшій въ своихъ пастушескихъ сочиненіяхъ, состоящихъ изъ безпрерывнаго дѣйствія, геніяльно соединять самые живописные разсказы съ самыми драматическими положеніями. Это былъ Мюллеръ, прозванный живописцемъ, по ремеслу и для отличія отъ другихъ, одноименныхъ съ нимъ писателей. По смѣлости поэтическихъ сочиненій и по чрезвычайной оригинальности, его сравнивали съ Юліемъ Романомъ. Въ немъ есть нѣчто и Рубенсово; вообще мы мало знаемъ писателей, которые-бы живѣе его схватывали природу, вездѣ, поетъ-ли онъ возстаніе отъ сна Адама, Авелеву гибель, Фавновъ и Сатировъ древности, или сельскіе и обычные нравы пастуховъ гористыхъ странъ Пфальца. Въ его поэмѣ: Женевьева Бра-

банпская, есть отрывки рыцарской и вмѣстѣ театральной поэзіи, гдѣ страстное безуміе пѣвца восходитъ до высокаго; въ Ніобеѣ, хотя неправильно написанной, онъ вырывается изъ границъ созерцательности и склада идилліи, приближаясь къ возвышеннымъ древнимъ сочиненіямъ. Тикъ, удивлявшійся ему, самъ не менѣе его простодушенъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ драматическихъ и пастушескихъ сочиненій; но въ немъ менѣе, нежели въ Мюллерѣ, оригинальности.

Прерывая здѣсь разсужденіе наше о романтическомъ элементѣ нѣкоторыхъ изъ новыхъ пастушескихъ сочиненій, и объ отношеніи онаго къ театральнымъ сочиненіямъ, изложимъ еще нѣсколько мыслей объ Итальянской сценѣ.

Карло Гоцци подражалъ многимъ Испанскимъ пьесамъ и между прочимъ нѣсколькимъ Кальдероновымъ; сверхъ сего, онъ вывелъ на сцену множество сказокъ среднихъ вѣковъ, въ родѣ тѣхъ, кои оживилъ Перро и которыми такъ оригинально воспользовался Нѣмецъ Тикъ. Дѣйствующія лица въ театрѣ Гоцци являютъ самый грубый характеръ; Авторъ сей исполненъ комическихъ идей и воображенія. Но, какъ-бы на зло его прекрасному комическому таланту, въ немъ вовсе нѣтъ чувства романтизма: въ немъ только внѣшности, только буквы романтизма, но нѣтъ духу романтическаго. Онъ выше Французскихъ

подражателей Испанскаго театра, если исключимъ Мольера и великаго Корнеля; онъ болѣе Ротру поэтъ, менѣе низокъ нежели Скарронъ грязной памяти; онъ пріятенъ, исполненъ движенія и жизни; но ему не достаетъ внутренняго убѣжденія о геніи предмета; можно думать, что онъ едва вѣритъ ему и занимается имъ шутя. Въ этомъ отношеніи его можно уподобить Аріосту, поэту, украшенному всѣми дарами ума, но никогда не вѣрившему превосходству своего предмета и не возобладавшему романтическимъ элементомъ, потому что онъ шутилъ основаніемъ своей поэмы. Нѣмецъ Виландъ, подражатель Аріоста, человѣкъ также одаренный отличнымъ геніемъ, разсыпалъ, подобно Итальянскому поэту, украшенія сего рода поэзіи, которымъ онъ болѣе всего занимался; но принявъ внѣшности онаго, онъ не проникнулъ въ истинную его природу и не вошелъ глубоко въ таинства сего рода сочиненій.

Элементы романтической театральной поэзіи, заимствованные изъ новеллъ, замѣчательны въ пьесахъ Тика; въ нихъ они пустили даже довольно глубокіе корни; но Поэтъ пренебрегъ формою: представленіе его пьесъ на сценѣ невозможно, и потому не льзя сказать, чтобы у Нѣмцовъ были усовершенствованные образцы Драматическаго Романтизма. Однакожъ Клингеръ пышался въ

юности своей исполнить это. Правда, въ первыхъ сочиненіяхъ его не было вкуса и разсудительности, а послѣ онъ вздумалъ принять философическія ученія осьмнадцатаго вѣка. Другой Нѣмецкій поэтъ, Генрихъ фонъ Клейстъ, показалъ надежды, но ранняя смерть не допустила его осуществить ихъ. Продолжая сіе историческое обозрѣніе, мы видимъ наконецъ знаменитаго Шиллера. Орлеанская Дѣва, единственная пьеса его театра, которую онъ хотѣлъ сдѣлать романтическою, непріятнымъ образомъ отступаетъ отъ различныхъ родовъ. Иногда Шиллеръ показываетъ въ ней краски эпопеи и вызываетъ звуки Греческой элегіи, напримѣръ, въ той сценѣ, гдѣ Дѣва поражаетъ Монгомери; иногда онъ хочетъ обратиться къ строгости историческаго рода, а иногда съ трудомъ изыскиваетъ необычайныя сплетенія, желая придать своему романтизму возможно глубокій смыслъ, но не обладая истиннымъ геніемъ онаго. Гёте, напротивъ, имѣлъ рѣшительную склонность къ Романтической Поэзіи; но онъ не вывелъ на сцену ни одного предмета сего рода, кромѣ Фауста, входящаго въ разрядъ мистерій, и слѣдственно оцѣненнаго уже нами выше сего. Мы не будемъ говорить о незаконномъ романтизмѣ переписчиковъ Англійскаго и Испанскаго театровъ, и, разумѣется, не исключимъ изъ числа ихъ авторовъ безобразныхъ комедій, извѣстныхъ подъ названіемъ Haupt und

Staatsakzionen, игранныхъ съ шестнадцатаго до осьмнадцатаго вѣка нашего лѣтосчисленія, когда Датчанинъ Гольбергъ столь оригинальнымъ образомъ пародировалъ ихъ въ своей праги-комедіи: Улиссъ; не остережемся также исключить приторныхъ и манерныхъ писателей нашего времени, представляющихъ намъ каррикатуру Романтизма. Одинъ Вернеръ стоитъ особеннаго упоминанія, по своему генію и по своимъ невѣроятнымъ странностямъ. Надобно сказать, что никогда, ни одинъ писатель не былъ, столько какъ онъ, лишенъ вкуса и смѣтливости; за то, въ его созданіяхъ часто встрѣчается оригинальность. Впрочемъ, читая его пьесы, находишься точно какъ въ пыткѣ, чувствуя неслыханныя усилія Автора достигнуть своей цѣли, никогда имъ не достигаемой. Прибавимъ, что трагедіи его всегда находятся, какъ Шиллерова Іоанна д'Аркъ, между романтическимъ и историческимъ родомъ, не склоняясь свободно къ тому или къ другому.

IV. Театръ новаго времени, когда на оный переносятъ историческіе предметы, будетъ Классическимъ или Романтическимъ, сообразно характеру предметовъ, то есть сообразно или новой или языческой природѣ оныхъ. У Шекспира и Кальдерона историческая драма совершенно національна: этого преимущества нѣтъ на Французской сценѣ, да и Германская едва-ли можетъ надѣяться на оное. По существу сего рода тра-

гедіи у новыхъ, она должна быть эпическою, хотя и безъ Миѳологіи, что совершенно отличаетъ ее отъ трагедіи, чисто религіозной, прекрасныхъ временъ литтературы Греческой, когда не знали нашей системы истины, заимствуемой изъ исторіи, и когда мистеріи замѣняли существенныя событія.

Всѣ заимствованныя изъ Исторіи Англійской Шекспировы драмы, составляютъ въ общности своей одну, огромную, эпическую, національную поэму, поучительную, какъ Лѣтописи Тацита, по глубинѣ взглядовъ и удивительной проницательности поэта, который являлся, сообразно предмету, живописцемъ, иногда Рафаэлемъ, иногда Микель-Анджеломъ. Драмы Кальдерона, тамъ гдѣ онъ занимается исторіею своего отечества, имѣютъ столь-же національный характеръ, какъ Лузіада, хотя впрочемъ историческая драма въ театрѣ Испанскомъ является не на первомъ планѣ. Природа тѣхъ предметовъ, которыми занимается Кальдеронъ, служитъ причиною, что историческая поэзія перваго поэта полуострова Пиренейскаго кажется, болѣе нежели Шекспирова, романтическою: дѣйствительно, въ Исторіи Англіи болѣе политики, такъ-же какъ въ Исторіи Испаніи болѣе обширное поле для поэзіи. Гёцъ фонъ Берлихингенъ, Гёте; Отто фонъ Виттельсбахъ, Бабо; Валленштейнъ и Вильгельмъ Тель, Шиллера, изображаютъ предметы національные, иногда съ романтическою оттѣнкою, кромѣ одна-

кожъ Валленштейна, гдѣ, какъ въ драмахъ Шекспировыхъ, должна преимуществовать политика.

Авторъ столькихъ превосходныхъ драматическихъ произведеній изъ Исторіи Англійской, изображалъ также предметы, заимствованные изъ Древней Исторіи, или, какъ напримѣръ въ Макбетѣ, изъ баснословнаго времени среднихъ вѣковъ. Въ сихъ сочиненіяхъ, Шекспиръ, мысля какъ Римлянинъ, показываетъ такую проницательность въ понятіи древнихъ причинъ, что она сдѣлала-бы честь самому Макіавелю или великому Монтескьё. Юлій Цезарь, Антоній и Клеопатра, обдуманы столь-же глубокомысленно, какъ Митридатъ или Британникъ Расиновы; Коріоланъ дышитъ трагическимъ величіемъ Авпора Гораціевъ. Тутъ Шекспиръ такой-же Классикъ, какъ отцы Французской сцены, когда они изображаютъ соотвѣтственные предметы, ибо, скажемъ еще разъ, Классицизмъ и Романтизмъ состоятъ не во внѣшнихъ формахъ, но во внутреннемъ духѣ сочиненій, ими оживляемыхъ. О Макбетѣ Англійскаго Поэта прибавимъ, что эта пьеса, созданная по системѣ предопредѣленія древнихъ, напоминаетъ, самымъ дѣйствіемъ своимъ, мрачное величіе Коэфоровъ Эсхила.

Фридрихъ Шлегель справедливо замѣтилъ, что драматическія сочиненія Шекспира составляютъ, по внутреннему смыслу своему, совершенную противоположность съ драмами Кальдерона. Первый

глядитъ на событія здѣшняго міра, не указывая на высшую сферу, гдѣ должна рѣшиться задача жизни, и не утѣшаетъ насъ, раздирая намъ душу: это составляетъ также принадлежность Греческой трагедіи и въ Шекспирѣ происходитъ отъ того, что онъ сѣверный геній. Кальдеронъ, напротивъ, спѣшитъ привести событія къ концу, оканчиваетъ, указывая своимъ героямъ въ перспективѣ небо, и утѣшаетъ ихъ въ жесточайшихъ горестяхъ. Вотъ почему онъ возвышенный Католическій Поэтъ.

Въ Англійскомъ Поэтѣ еще болѣе разсудка, нежели энтузіазма, и разсудокъ сей является высокою ироніею въ его взглядѣ на событія, и въ томъ, что Шекспиръ обыкновенно скрывается въ самомъ себѣ, какъ въ святомъ убѣжищѣ, далеко отъ преступленій міра, отвергаемыхъ имъ и выводимыхъ на публичное позорище, передъ глаза царей и толпы. Въ Шекспирѣ нѣтъ ничего общаго съ этимъ шумнымъ міромъ, повинующимся его великой душѣ; можно сказать, что онъ беретъ міръ какъ ничтожную персть и выражаетъ имъ жизнь и форму, плодъ могущественныхъ своихъ размышленій о событіяхъ. Онъ водворяетъ порядокъ среди хаоса всѣхъ страстей, но не приводитъ его въ согласіе и не извлекаетъ изъ него созданія, по примѣру Божественнаго Правителя міровъ. Порядокъ, показываемый намъ симъ Поэтомъ въ событіяхъ, есть порядокъ правосудія, равнаго

въ дѣйствительности для всѣхъ, потому что имъ управляетъ тайное провидѣніе, потому что оно есть мщеніе и гнѣвъ, сокрытые въ преступленіи, потому что оно наказываетъ преступленіе имъ-же самимъ, и въ семъ-то вѣчномъ правосудіи, слѣдующемъ по стопамъ несчастныхъ, волнующихся на сценѣ міра, являются всѣ искупленія, кромѣ послѣдняго, великаго искупленія, посредствомъ котораго виновный снова становится достойнымъ Божества. Здѣсь Шекспиръ показываетъ всю неколебимость Данте и является строгимъ, какъ послѣдній, страшный судъ.

Мужественная и важная меланхолія сего великаго генія не имѣетъ ничего общаго съ женскою меланхоліею тѣхъ изъ его соотечественниковъ, которые поддѣлываются подъ его пріемы, не обладая пособіями его духа, и не имѣя, такъ сказать, волшебной сѣтки, накидываемой имъ на предметы и связующей ихъ. Онъ богатъ и живописенъ до безконечности; у него есть звуки для всѣхъ радостей, восторги для любви, просподушіе для всѣхъ положеній; онъ возвышенно испиненъ, въ той характеристической и идеальной степени, при которой поэтъ не увеличиваетъ ничего въ изображеніи, не предполагаетъ себѣ никакого воззванія къ той или другой публикѣ и презираетъ рукоплесканія, воздаваемыя ему какъ-бы противъ его воли. Шекспиръ и монотонія находятся на двухъ противоположныхъ полюсахъ су-

шествованія. Духъ его, вѣрно отражающій событія міра, представляетъ *одно* направленіе, возвышенное, меланхолическое, производимое въ немъ зрѣлищемъ бѣдствій жизни; но выраженіе внутреннихъ его чувствованій является въ звукахъ совсѣмъ другой природы. Онъ радуется, услаждается въ идеальной области любви и платоническаго чувства: этому доказательствомъ служатъ его Сонеты и даже самыя ужасныя и трагическія его сочиненія, гдѣ видно въ немъ умиленіе къ красотѣ и невинности, находящимся среди мученій міра: это тихій блескъ свѣта, гаснущій среди бури.

Совсѣмъ не таковъ внутренній смыслъ пьесъ Кальдероновыхъ: въ нихъ романтическій элементъ является болѣе чистымъ, нежели въ Шекспировомъ театрѣ, ибо живительное дыханіе вѣры одушевляетъ Автора. Англійскій Поэтъ идетъ изъ глубины выражаемыхъ имъ предметовъ, не потому чтобы онъ не зналъ всѣхъ поверхностей оныхъ: склонность къ размышленію заставляетъ его нисходить въ сердце человѣческое какъ въ бездну и разсматривать шамъ самые сокровенные изгибы. Кальдеронъ походитъ на Данте въ живописи рая, какъ Шекспиръ походитъ на него въ описаніи адскихъ мученій. Кальдеронъ совершенный Испанецъ: онъ не обладаетъ геніемъ всеобщности, свойственной писателю, сравниваемому съ нимъ и изъ всѣхъ писателей въ мірѣ

самому сродному съ человѣчествомъ вообще, а не съ какимъ-нибудь народомъ въ особенности. За то религіозный смыслъ Кальдерона гораздо явнѣе и потому всеобщѣе Шекспирова. Должно замѣтить однакожъ, что въ Шекспирѣ ничто не показываетъ тѣсныхъ взглядовъ и ничтожныхъ помысловъ протестанта; кажется даже, по различнымъ признакамъ, что онъ жилъ и умеръ католикомъ.

V. Оставляя область Драматической Поэзіи, разсматриваемой какъ выраженіе національности народовъ новой Европы, мы должны сказать нѣсколько словъ о ложномъ классическомъ духѣ, которымъ хотѣли запечатлѣть ее, и объ условныхъ правилахъ и отвлеченной схоластикѣ, которыми хотѣли ее обременить. Въ семъ случаѣ Аристотель, или лучше сказать, его изъяснители и Академики, сдѣлавшіе Аристотеля щитомъ своихъ ложныхъ и нестерпимыхъ требованій, должны явиться на судъ. Мы объяснимся откровенно, желая представить разсматриваемый вопросъ во всей его существенности.

Прежде всего надобно знать, въ чемъ состояла Философія Стагирита, и какимъ образомъ имѣетъ она отношеніе къ идеалу поэтическаго искусства въ томъ видѣ, какъ онъ понялъ его; ибо это единственное средство судить о вопросѣ, представляющемся въ отношеніяхъ чрезвычайно сложныхъ, и подлежащемъ, для яснѣйшаго поняпія,

разсмотрѣнію со всѣхъ сторонъ. Наука Аристотеля была наукою опытности и вмѣстѣ наукою анализа: вотъ существенное достоинство сего великаго человѣка, указующее ему совершенно особенное мѣсто въ древней Философіи. Онъ сотворилъ Логику, и самъ одинъ ей слѣдовалъ, одинъ самъ показывалъ ее. Природа его ума не призывала его къ сооруженію зданія, истинно ученаго, но назначала къ разсмотрѣнію. Система его весьма искуственна, и потому-то идея искусства ему чужда, ибо сія послѣдняя требуетъ простой и первородной данной, а не тонкостей діалектики. Критика Спагирита отличается удивительною смѣшливостью; но основаніе его мысли, когда она не касается его критическаго ума и стремится къ созданію системы безусловной истины, всегда останавливается на софизмахъ разума, совершенно частнаго: никогда основанія его не исходятъ изъ средины идей и вещей. Будучи Грекомъ, и слѣдуя обычаю древнихъ ученыхъ, онъ старался соединить всѣ части знанія человѣческаго въ одной, обширной теоріи; но сія теорія, основанная на сужденіяхъ, а не на извѣстномъ числѣ опредѣленныхъ идей, по одному этому не имѣетъ единства и простоты, ибо всеобщность ея не опирается на одной, великой, центральной мысли, которая-бы управляла ея созерцаніями. Такимъ образомъ, будучи совсѣмъ не независима отъ его ума, относясь къ его особному лицу,

какъ всякая система раціонализма, созданная по такой-же данной, Философія Стагирита не могла быть ни искусствомъ, ни поэмою; она могла быть только прозаическимъ выводомъ, и такъ сказать, алгебраическимъ начертаніемъ того, что отдѣльно сему мыслителю казалось истиною, но не было самою истиною.

Слѣдственно, истинная сила ученія наставника Александрова никакъ не заключается въ самомъ его ученіи. Въ противоположности съ системою Платона, которая основана на глубинѣ принятыхъ идей и могущественна собственными своими силами, система Аристотеля показываетъ удивительную смѣшливость сужденія: она представляетъ намъ совершеннѣйшій образецъ раціонализма, усовершенствованнаго и укрѣпленнаго въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ другими, искусными людьми, но отнюдь не превзойденнаго ими существенно.

Короче, каковъ-бы ни былъ геній Аристотеля, но его мысли заняты были только внѣшностью вещей, и отражали въ себѣ только внѣшній міръ; геній сей старался образовать только науку сужденія, и не заботился о наукѣ идей, а потому онъ необходимо лишенъ внутренней души и глубокаго убѣжденія, основанія умственнаго единства, заключающагося въ глубинѣ духа человѣческаго. Онъ не проникаетъ ни въ одну систему, не нисходитъ ни въ одну бездну и не возвышается ни

къ какому истинному созерцанію. Въ замѣнъ сего онъ освободился, если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ частію, отъ величайшаго недостатка древней Философіи, то есть отъ язычества или безусловнаго тожествованія вещей, оканчивавшагося тѣмъ, что древніе вездѣ и во всемъ видѣли Бога и вселенную, а это стѣсняло нравственную свободу и относительную независимость ума человѣческаго.

Примѣняя сіе общее обозрѣніе сущности ученія Стагиритова къ частной цѣли нашихъ изысканій—показать настоящее мѣсто онаго въ исторіи мысли человѣческой—мы будемъ имѣть ясное и опредѣленное понятіе о недостаткѣ его взгляда на искуство. Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе, до какой степени справедливо Филологи приписываютъ ему сочиненіе, вообще признаваемое его Піитикою, можно полагать достовѣрнымъ, что оно вышло изъ его школы и заключаетъ въ себѣ его ученіе. Наклонность его ума и Аристотелевскія идеи, разсѣянныя въ сочиненіяхъ Горація и Квинтиліана, не оставляютъ въ семъ случаѣ никакого сомнѣнія. Посему, въ полной и совершенной увѣренности, мы можемъ заняться разсмотрѣніемъ его теоріи, не опасаясь заблуждаться на счетъ основанія предмета.

Та Драматическая Поэзія, на которую мы особенно обращаемъ вниманіе, у Грековъ происходитъ отъ поэзіи мистерій: она прославляетъ

боговъ, героевъ, и едва скользитъ по землѣ. По внѣшней формѣ своей, Эллинскій театръ имѣетъ двоякое основаніе: одно чисто лирическое, другое относящееся къ эпопеѣ. Первое совершенно религіозно, даже церковно; оно выражаетъ себя посредствомъ хора. Другое менѣе отдѣляется отъ человѣчества и болѣе держится на существенныхъ событіяхъ. Самъ Аристотель зналъ эту двойственную природу Драматической Поэзіи своего отечества, хотя и не довольно углублялся въ нее. Но отбросьте сію общность, отнимите у системы сей ея основанія—и подражаніе нѣкоторымъ внѣшнимъ формамъ Греческой сцены будетъ безсмысленно; самыя Аристотелевы правила, какъ ни поверхностно выведены они изъ истинной природы Греческаго театра, разрушатся отъ своей неосновательности. Слѣдственно, имя Аристотеля ни къ чему не служитъ тѣмъ, которые основываютъ свою драматическую теорію на совсѣмъ другомъ съ симъ писателемъ началѣ.

Но это не все. Аристотель, по природѣ своего духа и наклонности ума, долженъ былъ, отчасти, не понять первобытнаго характера и основанія искусства своего народа, основанія, которое онъ дѣйствительно наблюдалъ только въ немногихъ внѣшностяхъ, а не въ истинной его сущности. По одному этому, онъ не могъ надлежащимъ образомъ мыслить о писателяхъ, несогла-

совавшихся съ его, совершенно новымъ взглядомъ на искусство. Эсхилъ, Софоклъ и Аристофанъ, трагедія и комедія первобытныя, не могли надолго остановить его. Все вниманіе его должно было сосредоточиться особенно во взглядѣ на искусство и поэзію, гармонировавшія съ его ощущеніями, и потому-то Эврипидъ сдѣлался особеннымъ предметомъ его предпочтенія. Если-бы онъ былъ современникомъ развитія позднѣйшей Аттической комедіи, то, нѣтъ сомнѣнія, что онъ совершенно обратился-бы къ Менандру, вышедшему изъ школы Ѳеофраста, послѣдователя Аристотелева, и образовавшемуся въ сей школѣ по искусству наблюдательности, свойственной ея основателю.

Въ трагедіи, Стагиритъ смотритъ только на внѣшнія явленія страстей, на реторическую и нравственную часть, на патетическое въ положеніяхъ, и довольствуется внѣшнимъ единствомъ, не изслѣдывая, точно-ли оно находится въ пьесѣ и основывается-ли на природѣ предмета оной. Идеальный смыслъ сочиненія, столь замѣчательный у Эсхила и Софокла, столь худо понятой Эврипидомъ, совершенно ускользаетъ отъ исключительнаго Эврипидова почитателя. Высокое и чистое, благородное и возвышенное, не поражаютъ его столько какъ то, что занимаетъ и трогаетъ его силою положеній. Эврипидъ поетъ для эффекта, существенно романическій по свя-

зи большей части своихъ пьесъ. Басня у него обыкновенно сложна, и театральное единство дѣйствія, рѣдко основанное у него, какъ у Эсхила и Софокла, на природѣ предмета, есть слѣдствіе условій и приличій. Посему, Эврипидъ долженъ былъ показаться новымъ подражателямъ Греческой сцены самымъ пріятнымъ и легкимъ для послѣдованія образцемъ. Онъ не принуждаетъ ихъ ни къ какой простотѣ въ дѣйствіи и въ мысли, но часто представляетъ совершеннѣйшій образецъ страстнаго, патетическаго и первообразъ ораторской декламаціи, перемѣшанной съ наборною работою Риторики, не рѣдко составленною изъ подражанія.

Признаемся, что положась на Аристотеля въ избраніи такого путеводителя, начали болѣе и болѣе удаляться отъ древней простоты и отъ единства причинъ, по коимъ только можно оправдать и извинить формы театральной поэзіи Грековъ. Вмѣсто того, чтобы съ ошцами трагедіи быть эпическими и лирическими, болѣе и болѣе становились романическими, по слѣдамъ Эврипида. Но не остановившись и на сихъ столь ложныхъ основаніяхъ поэзіи, послѣдователи увеличили ихъ несовершенства: обременили новый театръ происшествіями, переняли у Испанцовъ путаницу ихъ пьесъ, не принявъ условій театральныхъ, могущихъ согласить сіи пьесы съ цѣлію ихъ из-

обрѣтенія, и все это вздумали подчинить игу отвлеченныхъ правилъ, начертанныхъ Аристотелемъ по основаніямъ совсѣмъ другаго, въ сравненіи съ новѣйшимъ, театра. Изъ этого произошло то, чему естественно надлежало произойдти. Трагедію обезобразили излишествомъ разсказовъ, пустотою дѣйствія и введеніемъ холодныхъ наперсниковъ и безполковыхъ наперсницъ, замѣняющихъ смѣшно-ничтожнымъ образомъ роль хора древняго театра.

Важнѣйшимъ дѣломъ въ искуствѣ Грековъ и существенною системою для сочиненій ихъ была тѣлесная, идеализированная красота, для которой заворсно небо: изображавшись въ видѣ Веперы Уранiи, она была плѣнницею во вселенной и составляла въ ней общность и гармонію частей. Такимъ образомъ, красота сія была заключена въ ограниченный кругъ, *космосъ*: употребляемъ слово, принятое Эллинами для означенія органическаго міра, возвѣщавшаго устройствомъ своимъ великаго Строителя, или высшій умъ, душу міра. Послѣ сего опредѣленія, ясно, что искуство у Эллиновъ не заключаетъ въ себѣ ничего грубо вещественнаго, хотя оно и представляетъ уму идею одной физической красоты. Въ идеѣ сей-же самой красоты, искуство заключало высшую мысль о духовной жизни вселенной, о душѣ, первообразѣ красоты, началѣ порядка и согласія; но система, такимъ образомъ создан-

пая Греками, необходимо должна быть для насъ чуждою, потому что у насъ другая религія, потому что у насъ начало красоты въ небесахъ, потому что мы стремимся къ безконечному мысли и не ограничиваемся конечнымъ формъ. Мы не обожаемъ божественнаго Платона, хотя онъ открываетъ намъ истинную теорію гигантскихъ красотъ Софокла, и изъясняетъ геній Фидія и Праксителя, творя систему Философіи, гармонирующую съ ихъ произведеніями. Мы находимъ свой образецъ въ Бого-человѣкѣ Іисусѣ Христѣ: Онъ лучше вдохновляетъ насъ, нежели Аполлонъ вдохновлялъ язычниковъ, хотя и они старались осуществить въ этомъ вымышленномъ лицѣ идеи воплощенія Божественнаго Начала, вмѣстѣ съ идеями порядка, возстановленія, размышленія и гармоніи, осуществленныхъ единымъ истиннымъ образомъ въ Сынѣ Маріи.

Мы открыли истинную систему искуства и живой источникъ онаго у Грековъ. Аристотель, по самому характеру своего генія, не могъ и не долженъ былъ замѣтить сей системы. Онъ не былъ софистъ, потому что стремился къ истинѣ; однакожъ приближаясь къ тѣмъ самымъ софистамъ, которыхъ поражалъ Платонъ, заставляя говорить Сократа, онъ по основному стремленію своему отвлекался отъ первообразнаго генія Грековъ. Сей геній, политически осуществленный въ учрежденіяхъ Дорійцовъ, является, относительно иску-

ства, въ древней Аѳинской трагедіи, чуждой демократическаго характера сей страны и выражавшей духъ тѣхъ первыхъ временъ древней Греціи, когда всѣ вообще Эллины, Іонійцы, столькоже какъ Дорійцы, еще руководствовались соотвѣтственными правилами и учрежденіями.

Аристотель былъ вѣрный историкъ; но обыкновенная метода его состояла въ томъ, что онъ анализировалъ Эллинскія установленія и произведенія искуства въ новомъ духѣ, чуждомъ тѣмъ древнимъ временамъ, къ коимъ онъ примѣняетъ его. Онъ во всемъ видитъ характеръ своего времени, даже тогда, какъ желалъ-бы освободиться отъ него. Анализъ его никогда не возвышается до синтеза первообразныхъ установленій и искуствъ, и потому зданіе поэтическихъ правилъ, такъ-же какъ идеи его о политикѣ, даютъ намъ одно несовершенное свѣдѣніе о томъ, что былъ Греческій народъ въ самомъ простомъ, чистомъ своемъ выраженіи. Слѣдственно, совѣтующіеся только съ его ученіемъ для сужденія объ искуствѣ у Грековъ, подвергаются многимъ недоразумѣніямъ. Однимъ словомъ, если Стагиритъ заслуживаетъ быть изучаемъ со вниманіемъ, то единственно потому, что онъ сосредоточиваетъ въ себѣ духъ своего времени.

Новая Комедія Аттическая, основанная на гражданскихъ и домашнихъ правахъ простонарод-

ныхъ фамилій, была создана, какъ мы уже упомянули, Менандромъ, по духу Аристотелевскаго ученія, заимствованнаго изъ уроковъ нравоучителя Θеофраста. Уже въ Эврипидѣ можно замѣтить нравственное намѣреніе, выдаваемое за цѣль театра; но оно было невѣдомо властителямъ древней сцены, старавшимся единственно олицетворять въ своихъ созданіяхъ идеи высшаго порядка. Нѣтъ сомнѣнія, что во всякомъ предметѣ есть нравственность; но нарочно проповѣдывать ее только въ вѣка софизмовъ, когда нравственность становится сбивчивымъ предметомъ. Аристотель создалъ систему Эθиковъ, по основному смыслу своего любимаго ученія; Θеофрастъ изъяснилъ сію нравственность примѣрами, и такимъ образомъ былъ проложенъ путь для Комедіи Менандра, которому удивлялся, какъ поэту и нравоучителю, Квинтиліанъ. Уже въ Эврипидовыхъ пьесахъ нравственность весьма двусмысленна; въ ней господствуютъ слабыя и нѣжныя правила новой сантиментальности, украшенныя тысячью софизмовъ; Менандръ идетъ далѣе и является рѣшительнымъ послѣдователемъ Эпикуровой Философіи. Это погубило позднѣйшую Аттическую комедію, такъ-же какъ и комедію новыхъ, созданную въ соотвѣтственномъ духѣ; а испорченности нравовъ не всегда худо при строгости, болѣе наружной, нежели существенной. Жанъ-Жакъ Руссо могъ, въ припадкахъ своей ме-

ланхоліи, увеличишь до излишества упреки новой комедіи; однакожь онъ былъ и не совсѣмъ неправъ.

Истинная нравственность, во всемъ, и особенно въ искусствѣ, должна основываться на постоянной, внутренней, духовной идеѣ, понимаемой и вмѣстѣ чувствуемой. Это не сапира нравовъ, всегда ограничивающаяся на сценѣ словами, не пошлыя сентенціи, не общія мѣста; это нравственность, которая должна проистекать изъ происшествій и дѣйствія. По основанію идей, Аристофанъ, не смотря на чрезвычайную вольность нѣкоторыхъ изъ его картинъ, гораздо нравственнѣе Менандра, всегда скромнаго и цѣломудреннаго во выраженію. Впрочемъ, мы вполнѣ признаемъ геній писателя, которому справедливо дивилась древность, и не думаемъ унижать славы Эврипида, откровенно высказывая свое мнѣніе о внутреннемъ достоинствѣ дарованія, блестящаго жаромъ и чувствительностію.

Александрійская школа, слѣдовавшая различнымъ направленіямъ въ понятіи объ искусствѣ, была постоянно ученою, но рѣдко вдохновенною. Непонятнаго трагика Ликофрона можно сравнить съ надутымъ Сенекою, хотя сей послѣдній, если позволимъ себѣ судить о немъ по драматическимъ сочиненіямъ, можетъ быть подложнымъ, кажется, гораздо ниже Александрійца, по край-

ней мѣрѣ по своему понятію о поэзіи. Овидій и всѣ другіе Римскіе трагики брали себѣ исключительнымъ образцомъ Эврипида, тогда какъ Александрійцы, кажется, искали болѣе древнихъ и чистыхъ образцовъ для подражанія. Самая комедія Латинская есть только подражаніе Греческой, и Теренцій совсѣмъ не можетъ замѣнить намъ потери Менандра. Однакожъ новые, увѣренные что Классицизмъ есть совершенство, преимущественно черпали изъ Латинскаго источника; изъ Грековъ-же они выбрали себѣ для руководства одного Эврипида. Такимъ образомъ, подражаніе Драматическому Искусству древнихъ было у новыхъ народовъ чрезвычайно неполно и ошибочно.

РАЗГОВОРЪ НА ГРОБѢ ПОЭТА.

Посѣтитель.

Веди меня, честной отецъ,
На гробъ священный, гдѣ пѣвецъ
Уснулъ такъ рано вѣчнымъ сномъ.

Пустынникъ.

Но говоришь вы о комъ?

Посѣтитель.

Гдѣ В. . . ва гробъ?

Пустынникъ.

Ну, какъ не знать! да, вотъ сугробъ.
Идти не безпокойно-ль вамъ?
Не привыкать ужь грѣшнымъ намъ. . .
Ходить по снѣгу не впервой.
Вонъ, за рѣшеткою простой,
Весь снѣгомъ занесенный камень.

Посѣтитель.

И не горитъ священный пламень
На гробѣ томъ, гдѣ ты сокрытъ,
Любимецъ дѣвственныхъ Харитъ!

Пустынникъ.

Вѣдь онъ схороненъ здѣсь недавно.
Намъ машушка его исправно
Гостинцы возитъ, дай Богъ ей!
Насъ помнитъ милостью своей.
Какая-жь добрая, ей Богу. . .
Ну что прочистишь-бы дорогу:
Пройдти не льзя—лѣнивцы все!
Жишье-съ въ монастырѣ, жишье!

Посѣтитель.

Простите мнѣ вопросъ нескромный:
Когда жишейской жизни волны
Носили васъ по морю бѣдъ,
Зналъ ваше имя: но обѣтъ
Предъ Небомъ вы произнесли,
Простившись съ радостьми земли;
Съ шѣхъ поръ я видѣлъ васъ едва-ли.
Скажите-же, какъ васъ назвали,
Въ безплотный постригая чинъ?

Пустынникъ.

Все много-грѣшный Валентинъ.

Посѣтитель.

А! Валентинъ. . . вотъ вы съ мечтами
Разстались навсегда; а нами
Играетъ жизнь, какъ вѣтръ перомъ.

Пустынникъ.

Не сказано-ль: кто Божій домъ
Селеній грѣшныхъ паче любитъ

И ради истины святой
Свою кто душу коль погубитъ,
Блаженный обрѣтетъ покой? . . .

Посѣтитель.

Да, да, и вы получше стали.

Пустынникъ.

Мы чужды въ сихъ стѣнахъ печали,
И монастырскій хлѣбъ пришомъ
Подъѣмистъ, сударь; чудо-ль въ томъ?

Посѣтитель.

Но все мірскими-же руками
Поля засѣяны, хлѣбъ сняшъ,
И все лишь поселянъ трудами
Живемъ: они насъ богатятъ.
Молитва-жь есть души свѣтило,
Да озаритъ дневной нашъ трудъ. . .

Пустынникъ.

Но чрезъ священное горнило
Проходитъ хлѣбъ сей, и несутъ
Мольбы святыхъ благословенье
Общеполезнымъ всѣмъ трудамъ.
Вотъ Сергій, былъ монахъ — спасенье
Онъ Руси даровалъ, Князьямъ;
Святительской своей рукою
Двухъ иноковъ благословилъ;
Побѣда куплена цѣною
Его молитвъ —

Посѣтитель.

И Русскихъ силъ.

Пустынникъ.

Такъ не совсѣмъ-же безполезны
Отшельники?

Посѣтитель.

Кто-жь говоритъ?

Пустынникъ.

Всѣ насъ злословятъ. Царь небесный!
Но нами этотъ свѣтъ забытъ.

Посѣтитель.

А между тѣмъ какъ прозябая
Вы мертвой жизнью на гробахъ,
Цвѣтами темными вѣнчая
Подъ урнами сокрытый прахъ,
Любви и дружбы чувства скрыли
Подъ черной рясой—мы двоихъ
На *Божью ниву* (*) проводили;
Мы живы, а судьба для нихъ
Чело свое разоблачила.

(*) Нѣмецкое Gottesacker мнѣ кажется выразительнѣе нашего: *кладбище*. *Прим. Сост.*

Пустынникъ.

Такъ воля Вышняго судила. . .
Кому изъ родственниковъ ихъ
Придетъ чреда, у насъ готово
Другое мѣсто. Божье слово
Не мимо идетъ, что всякъ часъ
Нежданной смертію для насъ
Грозитъ—о Господи, мой Боже!

Посѣтитель.

Поэтъ! Твое прекрасно ложе.
Но въ темной храминѣ своей
Ты не окованъ; мавзолей
Не бременитъ священный прахъ,
Эѳирнымъ шѣломъ облеченный:
Онъ ужь давно на небесахъ;
А смертный, сладко обольщенный,
Мечтаетъ, въ гробѣ заключивъ,
Что перстью мирно опочивъ,
Ты здѣсь подъ каменной доскою,
Чтобы служить смѣшной игрою
Его фантазіи пустой.
Нѣтъ, не таковъ-же жребій твой!

Пустынникъ.

Душа его теперь у Бога.

Посѣтитель.

Къ Нему вездѣ и все дорога!
Мы шѣломъ, духомъ вѣчно съ Нимъ,
И мы, безумцы, дорожимъ

Воспоминаніемъ, слезою,
Когда вселенныя съ душою
Въ сліяньи мы, коль жизнь сія
Есть урна тайная Твоя,
Гдѣ самъ во всемъ перегораешь.

Пустынникъ.

Конечно такъ, не примѣчаешь,
Какъ смерть придетъ: но мы горимъ,
Какъ передъ образомъ святымъ
Въ лампадѣ огнь —

Посѣтитель.

Не предъ кивотомъ
Горите вы сихъ стѣнъ подъ сводомъ,
Но. . . . . *(Ударяютъ въ колоколъ).*

Пустынникъ.

Я слышу колокола звонъ:
Къ вечерни поспѣшу. Простите.
Монаха келью посѣтите.

Посѣтитель.

Нѣтъ, мнѣ пора. Но я опять
Сберуся къ вамъ, какъ время будетъ.

Пустынникъ.

Молю, да съ вами вѣкъ пребудетъ
Его святая благодать!

М. Лихонинъ.

КОКЕТСТВО И ЛЮБОВЬ.

(Окончаніе).

9.

Графъ Славскій къ своему другу.

Можетъ быть, это послѣднее письмо, которое ты отъ меня получишь; можетъ быть я никогда съ тобой не увижусь. Это прагическое предчувствіе удивляетъ тебя; но со мной въ самомъ дѣлѣ случилась праги-комедія.

Шмитъ пріѣхалъ сюда, и хотя, какъ я уже писалъ тебѣ, по приглашенію Людмилы, но обхожденіе ихъ было слишкомъ холодно и странно. Онъ—почти не смѣетъ подойдти къ ней, она—какъ будто боится и глядѣть на него. Я полагалъ, что это дѣлается или съ умысла, при людяхъ, или что любовники поссорились, но, не смотря на холодность ихъ, не могъ равнодушно видѣть этого человѣка, а тѣмъ болѣе жить съ нимъ въ одномъ домѣ. При видѣ его я невольно чувствовалъ какое-то непріятное впечатлѣніе, вспоминалъ тоску, которую онъ заставилъ меня терпѣть сначала моего пріѣзда, и меня всякой разъ бросало въ жаръ, когда онъ входилъ въ ком-

нашу. Ни любовь Аглаиды, ни клятва, которую далъ я ей и себѣ забыть совершенно Людмилу, не могли истребить во мнѣ этого чувства. Искра ревности тлѣла еще въ моемъ сердцѣ. Со временемъ она угасла-бы сама собою; но случай заставилъ ее вспыхнуть и—я надѣлалъ дурачествъ.

Хозяйка наша вздумала дать маскированный балъ. Всѣ приняли это предложеніе съ удовольствіемъ и начали хлопотать о костюмахъ. Въ деревнѣ это не бездѣлица. Рисунковъ Лока у насъ не было; но намъ замѣнили ихъ *галлерея народовъ* и картинки изъ старыхъ романовъ, которые мы подняли изъ библіотеки. Каждый назначалъ себѣ нарядъ въ мысляхъ, но скрывалъ это отъ другихъ, не желая быть узнаннымъ. Иные дѣлали это просто для забавы, другіе кое изъ какихъ видовъ, и я былъ въ числѣ послѣднихъ. Съ пріѣзда сюда я не имѣлъ почти случая поговорить свободно съ Аглаидой, а замаскировавшись, въ шумѣ танцовъ и музыки, мы легко могли ускользнуть изъ толпы и дать волю чувствамъ своимъ. Самой Аглаидѣ очень хотѣлось этого, и она мнѣ сказала, что будетъ въ платьѣ Испанки. Желая быть съ ней въ кадрили и стараясь какъ можно болѣе скрыть себя, я смастерилъ изъ чернаго шалона огромнѣйшій плащъ, досталъ круглую шляпу, которая плотно надвигалась на глаза, украсилъ ее чернымъ перомъ, изъ Аглаидиной шляпки, и такимъ обра-

зомъ готовъ былъ преобразиться также въ нѣчто похожее на Испанцовъ, какихъ ты видалъ на лубочныхъ картинкахъ, въ романахъ Г-жи Радклифъ.

Между тѣмъ, въ этихъ всеобщихъ суетахъ и хлопотахъ, я вбѣжалъ за чѣмъ-то въ комнату къ сестрѣ, и увидѣлъ Людмилу, стоящую передъ зеркаломъ, въ одеждѣ монахини. Она такъ была прелестна въ этомъ нарядѣ, что я отступилъ отъ удивленія. Нечаянный приходъ мой смутилъ и ее: мы оба стояли какъ окаменѣлые.

«Прекрасный костюмъ!» сказалъ я наконецъ, запинаясь; «но что васъ заставило его выбрать?»

— Обстоятельства—отвѣчала она, едва переводя духъ.

«Странно! Кажется, въ теперешнемъ вашемъ положеніи гораздо-бъ приличнѣе было выбрать свадебное платье.» Стрѣла попала въ назначенное мѣсто: у Людмилы навернулись слезы.

— Ахъ, какъ вы меня мало знаете! — сказала она, стараясь удержать ихъ.—Повѣрьте, что въ самомъ дѣлѣ я скоро надѣну это платье съ тѣмъ, чтобы никогда не скидать его.

Эти слова и слезы ея потрясли мою душу. Я хотѣлъ говорить, хотѣлъ спрашивать: но вдругъ вбѣжала Аглаида, блѣдная, встревоженная; взоръ ея, казалось, выражалъ упрекъ; вопросъ замеръ на губахъ моихъ, и я, чтобы скрыть свое смущеніе, взялъ поскорѣй, что было нужно, и опрометью бросился изъ комнаты.

Наконецъ часъ бала наступилъ. Гости съѣхались и маски начали собираться въ залу. Между тѣмъ какъ оркестръ строился и разныя фигуры мелькали взадъ и впередъ, я, завернувшись въ свой плащъ и надвинувъ на глаза шляпу, сидѣлъ въ углу, въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Послѣдній разговоръ мой съ Людмилой занималъ мои мысли. «Она скоро надѣнетъ платье монахини, съ тѣмъ, чтобы никогда не скидать его,» повторялъ я самъ себѣ. Чтожь-бы ее къ тому понуждало?» Тонъ голоса, которымъ она сказала мнѣ это, безпрестанно отзывался въ ушахъ моихъ; слезы ея упали на мое сердце. Ахъ, другъ мой, какую силу имѣютъ надъ нами слезы женщины, и особенно той, которая прежде была намъ драгоцѣнна!... Я опять рѣшался поговорить съ нею, еще разъ испытать, не будетъ-ли она откровеннѣе; но вспомнилъ Аглаиду, клятву, которую далъ ей; совѣсть меня упрекнула, и я, погруженный въ мрачныя размышленія, машинально смотрѣлъ на Турокъ, на Казаковъ, на Черкешенокъ, на дѣвушекъ въ Русскомъ платьѣ; только Испанка и монашенка занимали меня, и поперемѣнно представлялись воображенію, одна—съ свѣтлымъ, веселымъ взоромъ любви, другая—съ прогательными своими слезами.

«Полчаса стою возлѣ васъ, и ни одного слова, ни одного взгляда!» сказалъ мнѣ на ухо голосъ. Я обернулся: это была Аглаида. «Впрочемъ

я не сержусь на моего ипохондрика — прибавила она—и очень буду рада, если мнѣ удастся разогнать его задумчивость.»

Эта милая внимательность, съ какою она меня искала, и нѣжный упрекъ, заставили меня содрогнуться. Я подалъ ей руку и мы пошли по комнатамъ. Въ залѣ начались танцы, въ гостиной старики и старушки сѣли за карты, въ диванной также была толпа народа. Этотъ шумъ и многолюдство были несносны намъ. Мы искали уединенія. «Я-бы отдала теперь половину жизни,» сказала подруга моя, «если-бъ въ эту минуту могла перенестись съ тобой въ какую-нибудь хижину, удаленную отъ всего свѣта; тамъ-бы я могла свободно твердить о любви своей!» Говоря такимъ образомъ, мы очутились въ корридорѣ, и увидѣли комнату, слабо освѣщенную и пустую. За ней была другая, совсѣмъ почти темная, въ которую свѣтъ проникалъ только сквозь полуотворенную дверь. «Слава Богу!» сказала Аглаида, «здѣсь мы будемъ свободны и хоть на одну минуту можемъ дать волю чувствамъ нашимъ.» Мы сѣли на диванъ и сняли маски. Аглаида была прелестна, какъ ангелъ! Розы горѣли на щекахъ ея, томный взоръ пылалъ любовью и нѣгой; но какая-то грусть помрачала его; разговоръ ея былъ разсѣянъ, ласки принуждены, словомъ, я видѣлъ, что у нее лежало что-то на сердцѣ, и спросилъ ее объ этомъ.

«Другъ мой,» сказала она, «моя любовь къ тебѣ такъ сильна, такъ безкорыстна, что при ней у меня въ сердцѣ нѣтъ мѣста для ревности. Но я давича видѣла тебя съ Людмилой... видѣла ея слезы и твое смущеніе... Скажи мнѣ, что вы говорили? Я боюсь не за себя; но если эта коварная женщина опять завлечетъ тебя и снова лишитъ спокойствія, которое ты только что началъ возвращать себѣ?... Эта мысль убиваетъ меня!...

Я радъ былъ, что Аглаида начала говорить объ этомъ. Мнѣ самому хотѣлось сказать ей, какъ я встрѣтился съ Людмилою, когда она нашла насъ вмѣстѣ, и увѣрить ее, что я совсѣмъ не искалъ объясненія. И такъ, я разсказалъ все подробно, и это облегчило мое сердце.

«И ты повѣрилъ ей?» спросила Аглаида.

— Поступки ея такъ странны, что я не знаю, какъ думать о нихъ. Кажется, любовь ея къ Шмилу ясно доказана; но къ чему-жъ говоритъ она, что идетъ въ монастырь?... Отъ чего-жъ эти слезы, которыя, кажется мнѣ, не могли быть притворными?...

«Другъ мой, это слезы крокодиловы...»

— Ужасно, Аглаида, ужасно!... Не уже-ли женщина можетъ быть до такой степени низка и обманчива?

Аглаида вздохнула, и съ минуту продолжалось молчаніе.

«А что ты скажешь, напримѣръ, если теперьже увидишь, что она, въ своей монашеской одеждѣ, рука съ рукой, прохаживается со своимъ обожателемъ, и слѣдовательно думаетъ совсѣмъ не о монастырѣ?»

Дрожь пробѣжала по мнѣ. Я готовъ былъ вскочить и собственными глазами увѣриться въ этомъ: но присутствіе Аглаиды удержало меня. Съ судорожнымъ движеніемъ я схватилъ ея руку, какъ-бы боясь, чтобы невольная сила не увлекла меня отъ нее.

— И такъ, Людмила просто смѣется надо мной! — сказалъ я, стараясь скрыть свое волненіе.

«Зачѣмъ увеличивать вещи, другъ мой: вѣрно Людмила никогда не осмѣлится шутить надъ человѣкомъ, у котораго живетъ въ домѣ и которому всѣмъ обязана. Она въ самомъ затруднительномъ положеніи: можетъ спаться, боится упрековъ твоихъ, хочетъ избѣжать рѣшительнаго объясненія; но не имѣя для этого ума и оборотливости, запутываетъ себя, дѣлаетъ глупости, чтобы какъ-нибудь только оттянуть дѣло до твоего отъѣзда—вотъ и все тутъ... Но, мой Александръ, ты обѣщалъ мнѣ, забыть ее совершенно, а я вижу, что поступки ея трогаютъ тебя еще слишкомъ сильно...

Въ эту минуту я похожъ былъ на ребенка, котораго поймали въ кустѣ смородины. Горесть,

стыдъ, раскаяніе сшѣснились въ душѣ моей, слезы брызнули изъ глазъ, и я бросился къ ногамъ Аглаиды.

— Прости меня, Аглаида! Я сказалъ, что недостоинъ любви твоей; прости мнѣ минутное движеніе, котораго я преодолѣть не могъ!

Аглаида забыла все. Она упала на грудь мою; я повторялъ ей клятвы любви и печатлѣлъ ихъ на алыхъ, мягкихъ губкахъ ея... Вдругъ изъ ближней комнаты послышался вздохъ и шелестъ походки, какъ-бы кто-то спѣшилъ удалиться отъ двери. «Насъ видѣли, подслушали!» сказала Аглаида, вырываясь изъ объятій моихъ, и я стремглавъ бросился изъ комнаты, чтобъ узнать, кто это былъ такой; но противоположная дверь затворилась прежде нежели я могъ разсмотрѣть что нибудь; бѣгу далѣе, и только ужь въ корридорѣ замѣчаю, что отъ меня спѣшитъ скрыться женщина въ черномъ креповомъ плашѣ и въ длинномъ флеровомъ покрывалѣ такого-же цвѣта. Я хотѣлъ возвратиться къ Аглаидѣ и спросить у ней, не знаетъ-ли она, кто изъ дамъ былъ въ такомъ траурномъ нарядѣ, какъ вдругъ увидѣлъ мою монахиню: ее велъ подъ руку долговязый рыцарь, въ шишакѣ изъ картузной бумаги, въ стеганой кожаной фуфайкѣ, въ лосинныхъ панталонахъ и съ деревяннымъ копьемъ въ рукахъ — словомъ, совершенное подобіе Донъ-Кихота. И вообрази себѣ негодованіе мое, когда по высокому

роспу, по чернымъ перьямъ на шлемѣ, выдернутымъ изъ нѣхотнаго султана, по форменной шлагѣ съ темлякомъ, привѣшенной черезъ плечо, и по старымъ бонфортамъ, я узналъ въ немъ Шмита, не смотря на то, что забрало бумажнаго шишака было опущено. Кровь моя закипѣла. Я вспомнилъ слова Аглаиды, и мысль, что эта притворная, глупая женщина заставила меня невольно поколебаться, была мнѣ нестерпима. «Ты меня заставила огорчить Аглаиду,» думалъ я, «но я отмщу за это, и, не сдѣлавшись въ другой разъ виновнымъ передъ ней, принужу тебя кончить глупую комедію, которая мнѣ становится несносна.» Я не смѣлъ отдать себѣ отчета въ чувствахъ, которыя овладѣли мной въ эту минуту. Мнѣ казалось, что это одно только справедливое негодованіе; но думаю, что тутъ была примѣшана и ревность: адскія муки терзали душу мою. Между тѣмъ Людмила замѣтила меня и, какъ кажется, узнала: она сказала что-то на ухо своему рыцарю, и они прибавили шагу, желая отъ меня скрыться. Тутъ я болѣе не въ силахъ былъ владѣть собою.« Позвольте, господинъ Донъ-Кихотъ!» закричалъ я, «остановитесь на минуту!» Но Г-нъ Донъ-Кихотъ такъ улепетывалъ, что я насилу могъ догнать его въ концѣ корридора и схватилъ за руку. Это быстрое нападеніе, кажется, удивило его; онъ стоялъ въ молчаніи, а дама его дрожала какъ въ лихорадкѣ.

«Давно-ли, Г-нъ Донъ-Кихотъ,» сказалъ я наконецъ, «вы сдѣлались такъ трусливы? Прежде вы сами отыскивали приключеній, а теперь бѣгаете отъ нихъ.»

Кажется, рыцарь не понималъ чего я хочу, не зналъ что все это значитъ, и, по нѣкоторомъ молчаніи, отвѣчалъ мнѣ такою-же маскарадной шуткой:

— Милостивый Государь—сказалъ онъ—если-бъ я былъ одинъ, то, клянусь прекрасною Дульцинеей, не побоялся-бы самого чорта! Но, вы видите, что со мною дама. Платье ваше, простите моей откровенности, очень похоже на платье нашихъ Испанскихъ разбойниковъ, отъ которыхъ я имѣлъ честь освободить ее, и такъ не мудрено, что при взглядѣ на васъ она испугалась и просила меня поскорѣй удалиться.

«Жалѣю очень, что дама ваша такъ робка; но повѣрьте, что не страхъ заставляетъ ее убѣгать меня, а стыдъ и совѣсть. Послушайте, сударыня!» прибавилъ я, обратясь къ ней и скинувъ маску. «Я увѣренъ, что вы давно узнали меня; но для предупрежденія съ вашей стороны всякихъ отговорокъ, открываю лицо мое; прошу васъ сдѣлать тоже и отвѣчать мнѣ не шутя, что̀ значатъ послѣднія слова, которыя я отъ васъ слышалъ? Кто вынуждалъ васъ говорить ихъ, и кто далъ вамъ право смѣяться надо мной такимъ наглымъ образомъ?»

— Ради Бога, защитите меня, Г-нъ рыцарь! — пропищалъ притворный голосъ изъ подъ маски.

— Государь мой—сказалъ рыцарь — хотя я и не понимаю, что̀ все это значитъ, и хотя вижу, что это совсѣмъ ужь не шутка; но прошу васъ дѣлать моей дамѣ вопросы въ другое время. Я не знаю, имѣете-ли вы на это право, или нѣтъ, и не буду этого изслѣдывать, только говорю вамъ, также не шутя, что покуда имѣю честь быть ея кавалеромъ, до тѣхъ поръ никому не позволю ни обижать ея, ни безпокоить, и докажу это копьемъ, мечемъ, пѣшій, конный—какъ вамъ угодно, слѣдуя правиламъ чести, и того, кого я теперь представляю.

«Оставьте пожалуста этотъ рыцарскій тонъ, Г-нъ Шмитъ. Не уже-ли вы думаете, что подъ этимъ бумажнымъ шишакомъ я не могу узнать васъ? Говорю вамъ, что я покуда еще имѣю гораздо сильнѣйшія права на вашу даму, нежели вы, и докажу это, не мечемъ и не копьемъ, а просто заставивъ ее, или сей часъ-же признать васъ открыто женихомъ своимъ, или прекратить съ вами всякое сношеніе. Извольте, сударыня, отвѣчать: что значатъ всѣ ваши поступки?»

Тутъ бѣдная монахиня, видя, что я приступаю къ ней не шутя, вырвала руку свою у рыцаря и пустилась бѣжать. Это еще болѣе взбѣсило меня: я бросился за ней, желая непремѣнно

все кончишь, но Шмитъ загородилъ мнѣ дорогу копьемъ своимъ.

— Вы, мнѣ кажется, съ ума сошли, Графъ—сказалъ онъ, стараясь удержать меня. И въ самомъ дѣлѣ, преграда, которую онъ поставилъ мнѣ, сдѣлала меня совершенно полоумнымъ. Видя, что Людмила ускользнула и меня опять оставила въ дуракахъ, я въ исступленіи хватаюсь за копье, переламываю его и осколкомъ поражаю моего противника въ голову, такъ сильно, что шлемъ его слетѣлъ съ головы и покатился на полъ. Изумленный и оглушенный ударомъ, Шмитъ стоялъ, какъ столбъ, съ обнаженной головой, и не зналъ что̀ ему дѣлать. Я самъ опомнился послѣ этого геройскаго подвига и начиналъ ужъ раскаяваться, что завелъ исторію совсѣмъ не у мѣста и не во время. Между тѣмъ (подивись присутствію духа женщинъ!) бѣгущая монахиня наша, видя что побѣгъ ея и шумъ нашего сраженія привлекли зрителей, закричала имъ: «Шутка, господа, шутка! не безпокойтесь! на Г-на Донъ-Кихота, который провожалъ меня въ монастырь, напалъ разбойникъ, побѣдилъ его, и я спасаюсь бѣгствомъ.» Всѣ засмѣялись, и мы имѣли время опомниться. «Надобно въ самомъ дѣлѣ увѣрить всѣхъ, что это была шутка,» сказалъ я, надѣвая маску.—Но знаете-ли, что эта шутка можетъ быть омыта только кровью?—отвѣчалъ Шмитъ, подымая шлемъ свой. «Знаю, сударь, и готовъ сдѣлать удовлетвореніе, на чемъ

и какъ вамъ угодно; только согласитесь, что теперь это должно быть скрыто.» Мнѣ удалось наконецъ убѣдить разгоряченнаго Капитана, что неприлично дѣлать свидѣтелями нашей исторіи пятьдесятъ человѣкъ постороннихъ людей, и что въ случаѣ гласности насъ могутъ даже лишить удовольствія подраться. Такимъ образомъ собравшаяся толпа повѣрила, что мы сыграли маленькую комедію; всѣ жалѣли, что не застали начала, и разошлись преспокойно.

Вошедши въ залу, я не видалъ ни монахини, ни дамы въ траурномъ платьѣ, ни Испанки моей: онѣ всѣ исчезли. Да и признаюсь тебѣ, въ эту минуту я не слишкомъ желалъ вспрѣтиться съ Аглаидой. Правда, что я началъ исторію съ тѣмъ только, чтобъ уличить Людмилу; но послѣдствія обвиняли меня, и я самъ въ душѣ сознавался, что тутъ примѣшана была ревность — иначе я не поступилъ-бы такъ безразсудно и запальчиво. Въ тогдашнемъ моемъ расположеніи духа я не могъ долго оставаться въ обществѣ, и поспѣшилъ найдти Шмита, чтобъ условиться съ нимъ обо всемъ хорошенько.

«И такъ, Капитанъ, на чемъ вамъ угодно?» спросилъ я, подошедши къ нему.

— На пистолетахъ, разумѣется.

«Очень хорошо. Но чтобъ отвратить всякое подозрѣніе, скажите-же, что завтра мы съ вами ѣдемъ къ вашему Полковнику, съ которымъ

вы хотите меня познакомить. Разумѣется, я отправлюсь домой, вы къ себѣ на квартиру, а послѣ завтра, въ десять часовъ по утру, я васъ дожидаюсь у рощи, которая на половинѣ дороги между моей деревней, и той, гдѣ вы квартируете. Секунданта я не имѣю, да онъ и не нуженъ мнѣ: я вѣрю вашему.»

Онъ согласился на все, и мы разстались до *радостнаго* свиданія.

Съ матушкой и сестрой я простился съ вечера, сказавъ, что на другой день рано ѣду съ Шмитомъ въ его Полковой Штабъ. Онѣ не имѣли ни малѣйшаго подозрѣнія, не видали сцены нашей и легко мнѣ повѣрили. Но у меня сердце облилось кровью при этомъ прощаньѣ, и слезы чуть-чуть не брызнули. Между тѣмъ Аглаида, не знаю какъ и почему, все узнала. Когда въ домѣ улеглись, и я, отпустивъ камердинера, ходилъ взадъ и впередъ, думая обо всемъ случившемся—дверь моей комнаты тихо растворилась, и горничная Аглаиды подала мнѣ записку. Я прочиталъ вотъ что:

«Знаю, другъ мой, что исторія ваша съ Шмитомъ была совсѣмъ не шутка, и боюсь, что она такъ не кончится... Какъ ты виноватъ передо мной, Александръ!... Въ самое то время, когда ты клялся мнѣ о любви своей, когда поцѣлуи твои горѣли еще на губахъ моихъ, ты забылъ все при видѣ женщины, къ которой клялся быть равнодуш-

нымъ!... Но, другъ мой, я не виню, не упрекаю тебя; только прошу: ради самаго Бога, пощади жизнь свою!... Можетъ быть, опасенія мои несправедливы: но ты знаешь, какъ робка любовь. Мнѣ извѣстны ваши ложныя понятія о чести, и я содрогаюсь при одной мысли о томъ... Заклинаю тебя, будь благоразумнѣе! Разсуди, за кого ты будешь подвергать себя опасности!... Подумай, что это убьетъ твою матушку, сестру, и если не изъ любви, то хотя изъ жалости, не доводи меня до отчаянія! Твоя Аглаида не переживетъ тебя!» . . .

Сердце мое разрывалось при чтеніи этой записки. Аглаида была вѣрно незамѣтною свидѣтельницей этого происшествія; иначе она не могла знать о немъ. Все по наружности обвиняетъ меня въ глазахъ ея, и не смотря на то, она также любитъ меня, дорожитъ моею жизнію: это меня убиваетъ!... Но дѣло сдѣлано, раскаяніе поздно!...

Я отвѣчалъ ей, оправдывалъ себя, какъ могъ, и чтобъ успокоить ее, увѣрилъ, что мы помирились съ Шмитомъ, и все кончили; а на другой день по утру, т. е. нынче, отправился домой, откуда пишу къ тебѣ, и, на случай, если меня не будетъ, къ матушкѣ, сестрѣ и Аглаидѣ. Мнѣ жаль ихъ, другъ мой! Для нихъ мнѣ-бы должно было поберечь себя. Тысячу разъ я раскаявался въ моей безразсудности; но исправить се все

шаки не въ силахъ. Просить извиненія у Шмита, значило-бы подать ему поводъ считать меня или въ самомъ дѣлѣ безумнымъ, или, что и того хуже, трусомъ; да и согласится-ли онъ простить такую грубую обиду, какую я ему сдѣлалъ? . . .

А всему причиною Людмила. . . Боже мой! не уже-ли совѣсть не упрекнетъ ее? не уже-ли она не испытаетъ и половины тѣхъ мученій, которыя заставила перенести меня? — Прощай!

10.

Людмила къ своей пріятельницѣ.

Я писала къ тебѣ, что мы ѣдемъ къ Г-жѣ Вельской, писала, какъ эта поѣздка непріятна для меня, и между тѣмъ никакъ не рѣшилась остаться дома: мнѣ легче, грустной, одинокой, безмолвной, какъ истуканъ, сидѣть въ шумномъ кругу веселаго общества, легче переносить всѣ муки, которыя я терплю здѣсь, нежели совсѣмъ не видать Графа. Ахъ, милая, какъ слабо сердце мое! Зная, что скоро разстанусь съ нимъ навсегда, я считаю потерянною ту минуту, въ которую не вижу его: какъ будто взоръ мой хочетъ запастись для будущаго. . .

Всѣ сбирались сюда съ удовольствіемъ, всѣ надѣялись весело провести время; только мнѣ одной было грустно; сердце мое замирало, какъ-бы предчувствуя, что мнѣ здѣсь готовятся новыя

горести, и это предчувствіе не обмануло меня: онъ любитъ Аглаиду, любитъ такъ, какъ, можетъ быть, никогда не любилъ меня! . . . Я сама видѣла, какъ онъ лежалъ у ногъ ея. . . и—безумная! за нѣсколько часовъ до того готова была открыть ему душу свою! . . .

Ты знаешь намѣреніе мое, посвятить себя Богу; но я отложила исполненіе его до отъѣзда Графа, боясь что онъ станетъ дѣлать мнѣ вопросы, которыхъ я не въ силахъ буду выдержать: открою ему, какъ-нибудь, что Графиня принуждаетъ меня къ ненавистному замужству, а черезъ это поссорю ихъ, и, можетъ быть, противъ воли обнаружу чувства свои, которыя и безъ того скрывать мнѣ очень трудно. Такъ думала я, и между тѣмъ мнѣ вдругъ пришло въ голову сдѣлать себѣ монашеское платье къ маскараду, который здѣсь былъ вчера. Рѣшась скрывать свое намѣреніе отъ Графа, я не могла отказать себѣ въ удовольствіи, показаться ему монахиней. «Можетъ быть, теперь онъ оставитъ безъ замѣчанія нарядъ мой; но послѣ, когда узнаетъ, что я не существую для свѣта, вспомнитъ о немъ и пойметъ, что̀ предвѣщалъ онъ,» говорила я — и эта мысль утѣшала меня, какъ яблоко расплаканнаго ребенка, который улыбается глядя на него сквозь слезы.

По утру, передъ маскарадомъ, платье мое было готово, и я надѣла его примѣрить. Въ комнатѣ ни-

кого не было, но вдругъ дверь растворилась, и передо мной явился Графъ. Думая о немъ безпрестанно, но никакъ не ожидая видѣть его въ эту минуту, я ужасно смѣшалась. И каково-жъ было мое положеніе, когда онъ, похваливъ нарядъ мой, прибавилъ съ насмѣшкой, что мнѣ гораздо-бъ приличнѣе было теперь свадебное платье?... Сердце мое, и такъ ужъ слишкомъ распроганное, не могло перенести этого несправедливаго упрека, и слезы противъ воли выступили на глазахъ моихъ. Я не въ силахъ была владѣть собой, и сказала, что въ самомъ дѣлѣ хочу идти въ монастырь. Слова мои удивили его; онъ хотѣлъ что-то говорить; я готова была все высказать: но тутъ вбѣжала Аглаида и помѣшала разговору, который не знаю чѣмъ-бы кончился.

Графъ вышелъ въ ту-же минуту, а я все еще стояла на своемъ мѣстѣ, какъ прикованная къ полу.

«Что съ вами сдѣлалось?» спросила Аглаида, «вы вѣрно не здоровы?»

— Да, мнѣ очень дурно.—И въ самомъ дѣлѣ я насилу могла попасть на стулъ, который стоялъ возлѣ меня.

«Не подать-ли вамъ воды?... Эти истерическіе припадки бываютъ часто и со мной—отъ слабости нервъ, которыми, я думаю, всѣ мы такъ часто страдаемъ.»

Если-бъ Аглаида стала увѣрять, что у меня горячка, я и тутъ-бы согласилась съ ней, чтобъ

только скрыть несчастную причину моей болѣзни. Впрочемъ, можетъ быть она и догадывалась, отъ чего я такъ разстроена; но по крайней мѣрѣ я была ей благодарна за то, что она не хотѣла показать этого. Между тѣмъ вода въ самомъ дѣлѣ освѣжила меня, и мнѣ стало легче.

«Нарядъ вашъ прекрасенъ, и вамъ очень къ лицу,» сказала Аглаида, когда я немного оправилась.

— Можетъ быть; только я объ этомъ совсѣмъ не заботилась.

«Не говорите этого женщинѣ... Но мнѣ жаль, что вы ужъ не можете быть въ немъ на балѣ. Не это-ли васъ такъ огорчило?» прибавила она засмѣявшись.

— Отъ чего-жь я не могу быть въ немъ? спросила я, почти не слушая ея и думая совсѣмъ о другомъ.

«Графъ видѣлъ васъ въ немъ, а у насъ, кажется, есть условіе, чтобъ костюмы дамъ не были извѣстны кавалерамъ.»

— Но всѣ-ли выполнятъ это условіе? — сказала я, начиная вникать въ слова ея и поглядѣвъ на нее пристально.

«Если и есть между нами *предательницы*, то все онѣ это сдѣлаютъ не такъ явно, какъ вы. Но какое намъ дѣло до другихъ: лишь-бы мы были правы. Я, по крайней мѣрѣ, готова

божиться, что даже никто изъ дамъ не знаетъ, въ чемъ я буду одѣта.»

Разумѣется, что условіе, о которомъ мнѣ говорила Аглаида, было не серьёзное; а слова ея— шутка. Но я сама начинала раскаяваться, что сказала Графу слишкомъ много. Слезы мои и смущеніе высказали еще больше. Кто могъ ручаться, что въ маскарадѣ онъ не захочетъ возобновить разговоръ нашъ, и исторгнетъ у меня тайну, которую скрыть теперь было почти невозможно. При томъ-же онъ ужъ видѣлъ меня въ платьѣ монахини, слѣдовательно главное желаніе мое исполнилось. Разсудивъ обо всемъ этомъ, я рѣшилась въ самомъ дѣлѣ перемѣнить костюмъ, и сказала Аглаидѣ, что согласна съ нею.

Времени до маскарада оставалось немного. Къ счастію я взяла съ собой, на случай всегдашнихъ святочныхъ переодѣваній, старинное матушкино траурное платье. Передѣлки за нимъ было немного, и я, одѣтая въ крепъ, покрытая флеровымъ покрываломъ, сошла въ залу. Мнѣ хотѣлось узнать между масками Графа; но тутъ, казалось, не было никого на него похожаго. Нарядъ мой совершенно отвѣчалъ расположенію моего духа: грустная, одинокая бродила я въ толпѣ веселящихся, и, желая удалиться отъ шума, который спалъ мнѣ наконецъ несносенъ, зашла въ пустую и отдаленную комнату. Вдругъ послышалось мнѣ,

что за дверью разговариваютъ. Я узнала голосъ Графа, потомъ Аглаиды, и, какъ прикованная невидимой силой, осталась неподвижна на мѣстѣ. Казалось, что они произносили имя мое; но біеніе сердца, сильный трепетъ и какое-то полубезпамятство мѣшали мнѣ вслушаться хорошенько въ разговоръ ихъ... Только помню то, что заглянувъ въ дверь, я увидѣла Аглаиду въ его объятіяхъ... поцѣлуй отозвался въ ушахъ моихъ... Тутъ не въ силахъ болѣе удерживать рыданій, которыя шѣснили грудь мою, какъ безумная прибѣжала я къ себѣ въ комнату, сорвала нарядъ свой и бросилась въ постель.

И теперь еще, какъ-бы послѣ тяжкой болѣзни, я сижу въ какомъ-то изнеможеніи, и грустное воспоминаніе безпрестанно обливаетъ кровью сердце мое. Какое ужасное чувство ревность! Дай Богъ, милая, чтобъ ты никогда не испытала его! Всѣ муки сердца ничто въ сравненіи съ этой. Но отказавшись отъ него, не должна-ли я была предузнать, что увижу его когда нибудь счастливымъ съ другою... Теперь я лишена всего, даже послѣдняго, горькаго удовольствія: упрекать въ измѣнѣ, потому что сама принудила его къ этому...

Вчера всѣ отсюда разъѣхались. Графиня съ Вельской и невѣсткой своей уѣхали къ одной ихъ знакомой, верстъ за двадцать; Графъ съ Шмитомъ

въ Полковой Штабъ. Для меня непоняшно, что Шмитъ, не смотря на письмо мое и холодность къ нему, пріѣхалъ сюда въ слѣдъ за нами и не оставляетъ до сихъ поръ своихъ видовъ на меня. Не вздумаетъ-ли онъ дорогой поговорить объ этомъ Графу?... Думаю, что теперь онъ и самъ будетъ въ состояніи уговаривать меня выйдти замужъ!... Я не знаю, чѣмъ все это кончится; но по крайней мѣрѣ рада тому, что цѣлый день свободно могу сидѣть въ своей комнатѣ, думать, плакать и писать къ тебѣ...

Вообрази себѣ мой ужасъ! Когда я дописывала послѣднюю строчку, ко мнѣ вбѣжала Юлія, блѣдная, полумертвая. «Другъ мой!» сказала она, «братъ боленъ, раненъ! онъ спрѣлялся съ Шмитомъ.» При этомъ извѣстіи въ глазахъ у меня потемнѣло, и я чуть было не упала со стула. Наконецъ, опомнившись отъ перваго испуга, я спросила, кто ей это сказалъ, и узнала, что камердинеръ Графовъ прислалъ нарочнаго, и что самъ онъ безъ памяти. «Это убьетъ матушку!» повторяла Юлія въ отчаяніи. Мы начали разсуждать, что намъ дѣлать, и рѣшились написать къ Вельской, чтобъ она подъ какимъ-нибудь предлогомъ задержала Графиню на нѣсколько дней въ гостяхъ; а сами сей часъ ѣдемъ домой.

Аглаида поблѣднѣла какъ смерть, услышавъ, что онъ раненъ и безпрестанно плачетъ. Не по-

нимаю, за что они поссорились!... Но что до этого: я теперь не хочу ничего знать, ничего не желаю, кромѣ того только, чтобъ онъ жилъ... Лошади готовы; прощай!

11.

Людмила къ своей пріятельницѣ.

Я счастлива, моя милая! Сердце мое такъ полно, что не знаю, буду-ли въ силахъ пересказать тебѣ все.

Мы выѣхали съ Юліей ночью, скакали сломя голову, и пріѣхали домой еще до свѣту. Здѣсь нашли мы полковаго Доктора, котораго прислалъ Шмитъ. Онъ сказалъ намъ, что Графъ получилъ рану въ плечо, которая совсѣмъ не опасна; но что онъ потерялъ много крови и при перевязкѣ съ нимъ сдѣлалась дурнота, а къ вечеру жаръ, бредъ и всѣ признаки горячки, вѣроятно—прибавилъ онъ—происшедшей отъ какого-нибудь душевнаго безпокойства, къ чему также присоединилось и воспаленіе раны. Увѣривъ насъ, что большой опасности еще не видно, сдѣлавъ нужныя наставленія, Докторъ на другой день уѣхалъ, давъ обѣщаніе пріѣзжать черезъ сутки, или какъ позволитъ его должность, и препоручилъ больнаго нашимъ попеченіямъ.

Съ какимъ удовольствіемъ дѣлила я ихъ съ Юліей и просиживала съ ней цѣлыя ночи въ его

комнатѣ. Иногда приходилъ онъ въ себя, и, казалось, ему было пріятно видѣть насъ; но черезъ минуту опять забывался. Такъ прошло нѣсколько дней. Докторъ пріѣзжалъ и уѣзжалъ, больной былъ все въ одномъ положеніи.

Въ ту ночь, когда мы съ безпокойствомъ ждали перелома его болѣзни, онъ въ безпамятствѣ произнесъ мое имя. Я содрогнулась, краска выступила на лицѣ моемъ. Мы были только вдвоемъ съ Юліей. «Людмила,» сказала она, «братъ въ самомъ дѣлѣ страдаетъ душевно.»

— Можетъ быть—отвѣчала я, невольно вздохнувъ.

«Послушайте: онъ... любитъ васъ...»

Сердце мое замерло, и я не знала, что отвѣчать ей.

«Вы любите его также,» продолжала Юлія, «это я знаю; но между вами есть какая-то недовѣрчивость, какая-то холодность, и мнѣ очень немного надобно было проницательности, чтобъ замѣтить все это... Скажите мнѣ, какъ вы думаете, за что они поссорились съ Шмитомъ?»

— Что касается до этого, Графиня, то мнѣ столько-же извѣстна причина ссоры ихъ, какъ и вамъ; и я сама-бы очень желала узнать ее.

«Но, Людмила, будьте, ради Бога, откровенны: что значитъ это странное обращеніе ваше съ братомъ? Что мѣшаетъ вамъ быть моей сестрой?...»

Милый, ласковый голосъ, которымъ она произнесла послѣднія слова, пронулъ меня, и сердце мое готово было открыться.

— Боже мой! что вы говорите?—сказала я въ сильномъ движеніи—возможно-ли это!

«Почему-жь не возможно?»

— Ахъ, Юлія, вы вырываете у меня тайну, которую я хотѣла хранить во всю мою жизнь: но я не могу противиться вамъ! Назвать васъ сестрой, было-бы для меня величайшимъ счастіемъ; но тутъ много препятствій... и теперь болѣе, нежели когда-нибудь...

«Какія-же именно?»

— Во первыхъ, захочетъ-ли этого ваша матушка?

«Матушка! Отъ чего-же?»

— Къ несчастію, мнѣ слишкомъ ясно доказываетъ это сильное желаніе ея выдать меня за Шмита.

«Какъ-же вы худо ее понимаете,» сказала Юлія, покачавъ головою: »она считаетъ эту партію выгодною для васъ, и все ея желаніе состоитъ только въ томъ, чтобъ сдѣлать вамъ счастіе.»

— Но развѣ забыли вы слова ея, когда она въ первый разъ говорила мнѣ о предложеніи Шмита: Не заносись слишкомъ высоко, чтобъ послѣ не раскаяваться, сказала она, и не дала-ли мнѣ этимъ почувствовать мою бѣдность и ничтожество? Отъ того, по пріѣздѣ Графа, я боялась

говоришь съ нимъ, скрывала любовь свою, и оттолкнула его такъ, что, можетъ быть, сердце его ужъ никогда ко мнѣ не возвратится. . .

«Стало быть, по милости этихъ-же словъ, вы хотѣли сдѣлаться и монахиней?»

— Да.

«Ну, Людмила, если-бы я не любила васъ, то право-бы въ состояніи была смѣяться надъ вами. Эти роковыя слова, которыя вамъ надѣлали столько хлопотъ, были просто совѣтъ, моя милая, не имѣющій никакого особеннаго смысла. О любви вашей къ брату матушкѣ и въ голову не приходило. Знаете-ли: я даже сказала ей однажды, что онъ былъ-бы очень счастливъ, если-бъ имѣлъ такую жену, какъ вы. . .»

— Что-жь она отвѣчала? — спросила я, едва переводя духъ.

«Сначала ей точно показалось это странно, какъ-бы вещь, о которой она никогда не думала; но наконецъ я увидѣла, что она въ душѣ согласилась со мной, и сказала только, что Александръ слишкомъ еще молодъ, и ей хочется, чтобъ онъ послужилъ. Но если она узнаетъ, что онъ любитъ васъ, то вѣрно, для пустыхъ предразсудковъ, не захочетъ нарушить счастія двухъ человѣкъ, столько ей любезныхъ. Да, Людмила, она любитъ васъ, какъ дочь, и я ручаюсь, что съ удовольствіемъ назоветъ васъ этимъ именемъ.»

Въ восхищеніи я поцѣловала Юлію; но скоро горестныя мысли разрушили очарованіе.

— Для чего прежде я не знала объ этомъ, милая Юлія; а теперь поздно: онъ ужъ не любитъ меня; одна Аглаида живетъ въ его сердцѣ!...

«Въ самомъ дѣлѣ?... Я сама видѣла, что она ловитъ его; но не думала, чтобы онъ такъ скоро попался на удочку. Впрочемъ, если вы заключаете такъ по ея обращенію съ нимъ, то это еще не есть доказательство.»

— Нѣтъ, я говорю это по догадкамъ, и, къ несчастію, все знаю слишкомъ хорошо.

«Вѣтреница!... Но чѣмъ-же кончится эта связь? Я знаю, что маменька скорѣй позволитъ брату жениться на скотницѣ, нежели на внучатной сестрѣ; она строгая христіанка, и даже бракъ въ пятомъ колѣнѣ считаетъ смертнымъ грѣхомъ... Бѣдный братъ! гдѣ былъ его разсудокъ?»

— Развѣ страсть слушается разсудка?

«Правда... Но, Людмила, не сами-ли вы доказали, что это можетъ быть? Согласитесь, что вашъ поступокъ сдѣлалъ-бы честь любой героинѣ романа Мадамъ Жанлисъ.»

Какъ мнѣ ни было грустно, однакожь я не могла не улыбнуться при этомъ замѣчаніи, сдѣланномъ съ веселымъ видомъ. Характеръ Юліи такъ живъ, что нетолько увлекъ ее, но только на одну минуту: она взглянула на брата, вздохнула, и лицо ея снова помрачилось.

« Мнѣ кажется, » продолжала она, « что привязанность брата къ Аглаидѣ не можетъ быть истинная : онъ совсѣмъ не вѣтреникъ, и сердце его не могло такъ скоро перемѣниться. Я даже увѣрена, что онъ все еще любитъ васъ : вы сами слышали, какъ онъ бредитъ вами. »

— Теперь и я вамъ скажу, что это еще не есть доказательство.

« Думайте какъ хотите, только вы меня не переувѣрите. Я знаю, что вѣтреный характеръ Аглаиды не можетъ его привязать надолго. При томъ-же, не сказали-ли вы, что сами старались отдалить его, и легко можетъ статься, что чувство, которое вы принимаете за любовь, есть одно только мщеніе вамъ. Вспомните, какъ онъ всегда былъ мраченъ и задумчивъ... Мнѣ даже кажется, что ссора его съ Шмитомъ имѣетъ большую связь со всѣмъ этимъ. »

— Не уже-ли вы думаете, что причиной ссоры ихъ была ревность?

« А почему-жь и не такъ? Правда, что Шмитъ не опасный соперникъ; но онъ совсѣмъ не буянъ, братъ и подавно; они не могли поссориться за вздоръ, и тутъ вѣрно кроется что-нибудь, чего мы не понимаемъ. Не будемъ отчаиваться, милая Людмила; станемъ молить Бога, чтобы Онъ возвратилъ здоровье нашему больному, и тогда, можетъ быть, все объяснится. »

Графъ, между тѣмъ, казалось, заснулъ глубокимъ и покойнымъ сномъ. Мы вышли въ ближнюю комнату и прилегли на диванѣ, чтобы также немножко успокоиться; но сонъ былъ далекъ отъ меня. Разговоръ съ Юліей занималъ мои мысли, и я раскаявалась, что не ввѣрилась прежде этому ангелу-утѣшителю. Воображеніе мое носилось въ будущемъ, и мнѣ представлялись мечты, то веселыя, восхитительныя, то снова горестныя и мрачныя. Не находя покоя, волнуемая думою, я, передъ утромъ, вошла опять въ комнату больнаго. Сонъ его продолжался. Увлеченная сердечнымъ чувствомъ, все еще опасаясь за жизнь его, я бросилась на колѣни и начала молиться... Вдругъ мнѣ послышалось, что онъ кликнулъ меня; я обернулась, и думала, что это въ безпамятствѣ; но тѣ-же слова, повторенныя голосомъ хотя слабымъ, но внятнымъ, увѣрили меня, что онъ проснулся, и я подошла къ нему.

«Людмила,» сказалъ онъ, «не уже-ли участіе ко мнѣ привело васъ сюда? Не уже-ли вы молитесь за жизнь человѣка, котораго сами довели до этого состоянія?»

Рѣчь Графа хотя была довольно связна, но смыслъ ея казался мнѣ такъ теменъ, что я все еще не знала, въ памяти-ли онъ.

— Успокойтесь, Графъ — сказала я — разговоръ можетъ быть вамъ вреденъ.

« Это значитъ, что вы не хотите отвѣчать на вопросъ мой. »

— Но самый этотъ вопросъ показываетъ, что воображеніе ваше еще слишкомъ разстроено. Ради Бога, успокойтесь!

« Напротивъ, я очень помню, что говорю. Сонъ подкрѣпилъ меня; мнѣ теперь гораздо лучше, и я удивляюсь, отъ чего слова мои кажутся вамъ такъ странны? Не отъ васъ-ли требовалъ я объясненія въ маскарадѣ? Не при васъ-ли поссорился съ Шмитомъ? . . »

— Боже мой! разсудокъ его помѣшался! — сказала я въ отчаяніи и почти упала въ кресла, возлѣ его постели. Видя, что испугъ мой былъ непритворный, Графъ смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

« Или я въ самомъ дѣлѣ сумасшедшій, или вы хотите свести меня съ ума, » сказалъ онъ наконецъ; « по крайней мѣрѣ мнѣ кажется, что я говорю совсѣмъ не вздоръ. »

— И между тѣмъ, изъ всего сказаннаго вами я ничего не понимаю.

« Странно! . . . Не вы-ли ходили съ Шмитомъ въ вашемъ монашескомъ платьѣ? Не вы-ли просили его защиты? . . .

— Ради Бога, Графъ, выкиньте эту мечту изъ головы. Съ тѣхъ поръ, какъ вы видѣли меня въ монашескомъ платьѣ, я не надѣвала его; ни-

когда не ходила вмѣстѣ съ Шминомъ, и напротивъ всегда старалась удаляться отъ него.

«Въ самомъ дѣлѣ?... Но кто-жъ была эта дама, которая ходила съ нимъ? Какъ ей попалось ваше платье, и почему она не вывела меня изъ заблужденія?...»

— Я ничего этого не знаю; только легко могло статься, что платье взялъ кто-нибудь у моей горничной.

«Стало быть, это все сдѣлалось отъ ошибки... Какая странность!... И вы говорите, Людмила,» прибавилъ онъ тихо и взявъ меня за руку, «вы говорите, что всегда удалялись отъ Шмина?—а письмо, которое вы писали къ нему?»

— Письмо!—вскричала я съ удивленіемъ.—И такъ, вы все знаете?

«Къ несчастію все,» сказалъ онъ, вздохнувъ и опустивъ мою руку. Переходъ этотъ еще болѣе удивилъ меня.

— Стало быть вамъ не нравится, Графъ, что я отказала ему въ рукѣ своей?— спросила я съ смущеніемъ и вмѣстѣ съ досадой.

«Отказали!...»

— Но если вы читали письмо, то какъ-же не знаете этого?

«Такъ письмо ваше заключало въ себѣ отказъ, а не приглашеніе ѣхать съ нами къ Вельской?... Боже мой! какъ я жестоко обманутъ!... Но для

чего-жъ такая скрытность, Людмила! для чего вы не сдѣлали этого гласно?»

— Для того, что я боялась раздражить вашу матушку. Она все еще думала, что я соглашусь наконецъ выйдти за Шмита, и просила меня не спѣшить отказомъ.

«Ахъ, какъ я виноватъ передъ вами! Простите меня, Людмила! я былъ игрушкою хитрой дѣвчонки. Какъ благодаренъ я вамъ, что вы наконецъ вывели меня изъ заблужденія, которое заставило меня столько страдать... Довершите-же—прибавилъ онъ, взявъ опять мою руку—довершите то, что начали; возвратите мнѣ, однимъ словомъ, здоровье, спокойствіе, счастіе жизни!... Скажите, не ужто въ самомъ дѣлѣ въ три года сердце ваше могло перемѣниться, и вы не любите меня?...»

— Любитъ, любитъ—сказала Юлія, которая вошла въ это время. Однакожъ, господинъ больной, я заступаю теперь мѣсто вашего Доктора, и его именемъ приказываю кончить разговоръ, который можетъ быть для васъ вреденъ.

«Напротивъ, онъ возвратитъ мнѣ здоровье скорѣе всѣхъ лекарей на свѣтѣ. Скажите мнѣ, Людмила, растолкуйте: для чего вы меня убѣгали?»

— Для того, что боялась измѣнить себѣ, боялась открыть вамъ любовь мою...

Тутъ я разсказала ему, что̀ заставило меня обращаться съ нимъ такъ холодно, и чего стоило

мнѣ принудишь себя къ тому; а опъ него узнала, что Аглаида употребляла всѣ способы затемнить меня въ глазахъ его. Онъ раскаявался, тысячу разъ просилъ прощенія въ ослѣпленіи своемъ—но нужно-ли было это? Сердце мое давно его простило.

Я не думала, чтобъ Аглаида имѣла такое дурное сердце. . . Но теперь не хочу разсказывать обо всѣхъ поступкахъ ея. Я такъ счастлива, что не могу на нее сердиться.

Графиня еще не пріѣхала; но Юлія писала къ Вельской, что удерживать ее болѣе не нужно. Ей ничего еще неизвѣстно, и я ожидаю ее съ безпокойствомъ; но Александръ — теперь я могу называть его такъ—утѣшаетъ меня: «Не уже-ли ты думаешь, что матушка будетъ противиться нашему счастію?» говоритъ онъ. Ему становится день отъ дня лучше. Теперь онъ въ состояніи вставать съ постели, и мы проводимъ время очень пріятно: то сидимъ съ Юліей за работой, въ его комнатѣ, и разговоры о будущемъ занимаютъ насъ; то что-нибудь читаемъ. Любовь разливаетъ на все, окружающее меня, какую-то прелесть. Я могу свободно твердить о ней Александру—это блаженство неизъяснимо!... Что-жъ буду чувствовать я, когда назову его супругомъ своимъ? . . .

12.

Графиня Аглаида къ сестрѣ своей.

Вчера была ихъ помолвка! Подивись моей слабости: знавши, что они помирились, предвидѣвъ, что это непремѣнно должно быть, я все таки не могла слышать равнодушно объ этой помолвкѣ! Матушка была свидѣтельницей церемоніи, и говоритъ, что Графиня очень довольна и весела. Ну, не слабы-ли женщины? Въ пять минутъ можно каждую изъ нихъ заставить перемѣнить самое твердое намѣреніе. Графиня всегда называла раннюю женитьбу глупостью, и рѣшительно говорила, что сынъ ея не долженъ думать о ней, по крайней мѣрѣ до Полковничьяго чина. А когда увидѣла, что онъ такъ страстно влюбленъ, то расчувствовалась, расплакалась, и позволила ему сдѣлать эту глупость. Говорятъ, что ее очень трогаетъ *геройскій* поступокъ будущей ея невѣстки. Она съ торжествомъ разсказываетъ объ этомъ всѣмъ и каждому. Приписываетъ добродѣтели Людмилы воспитанію, которое умѣли дать ей, и прибавляетъ: «Я ничего не щадила для нея, и это добро обратилось теперь самой-же мнѣ въ пользу! Я сама образовала жену для моего сына, и надѣюсь, что съ нею онъ будетъ счастливъ!» Вотъ какъ люди умѣютъ утѣшать себя! Не повѣрю, чтобы тщеславіе ея не страдало отъ такого союза; но она хочетъ

заглушишь обиженную гордость самолюбіемъ. Я, по крайней мѣрѣ, такъ думаю, и въ добродѣтели милой невѣстки ея ничего невижу, кромѣ глупости.

Женихъ и невѣста, говорятъ, *лучезарны* отъ радости, и нѣжны, какъ голубки (выраженіе матушки). Странно, что всѣ старушки ужасно какъ любятъ нѣжности.

Матушка такъ распространилась обо всѣхъ подробностяхъ, что надоѣла мнѣ до смерти, и у меня сдѣлалась мигрень.

Думаю, что прелестная парочка на дняхъ пріѣдетъ къ намъ съ визитомъ. Разумѣется, я не покажусь имъ, увѣрю всѣхъ, что у меня спазмы, колика, жаръ, ознобъ—и пролежу въ постели. Я бы желала никогда не видать Людмилы: письмо и шутка въ маскарадѣ лежатъ на моей совѣсти.

Мнѣ и такъ грустно, моя милая, а ты еще бранишь меня во всякомъ письмѣ: говоришь, что я сама во всемъ виновата, и черезъ чуръ перехитрила. Но что-жъ мнѣ было дѣлать, послѣ того, какъ я подслушала разговоръ, въ которомъ героиня наша начинала терять свою твердость, и объявила, что идетъ въ монастырь? Ты сама одобрила планъ мой, и взялась сыграть роль монахини; признайся-же лучше, что всему причиною *ловкость* твоя. Какъ допустить къ себѣ такъ близко братца? Тебѣ надобно было

только мелькнуть мимо его и—тотчасъ исчезнуть.

Впрочемъ я благодарна братцу за скромность. Можетъ быть онъ разсказалъ Людмилѣ свои похожденія со мной; думаю однакожь, кромѣ нѣкоторыхъ обстоятельствъ; но отъ постороннихъ я ничего еще покуда не слышу. Что̀ будетъ со мною, если эта исторія выйдетъ въ свѣтъ?... Что̀ тогда достанется мнѣ отъ нашихъ почтенныхъ сосѣдокъ? . . . Онѣ вѣрно полгода будутъ толковать о предметѣ, который дастъ такую неистощимую работу языкамъ ихъ! Тутъ онѣ найдутъ и любовь, и добродѣтель, и соперницу и—даже дуэль. . . Не правда-ли, что это цѣлый романъ? — и довольно вздорный — скажешь ты? Но, милая, мы читали много такихъ, которые еще глупѣе этого.

П. Сумароковъ.

Römische Geschichte, etc. *(Римская Исторія*, соч. Нибура) — Schlegel's Recension, etc. *(Шлегелевъ разборъ Нибуровой Римской Исторіи)* — Die ältere Geschichte des Römischen Staates, etc. *Древняя Исторія Римскаго Государства*, изслѣдованная Вахсмутомъ).

(Окончаніе).

Преданіе объ Энеѣ и его Троянской колоніи, какъ можно уже предполагать, рѣшительно отвергается Нибуромъ; но онъ почитаетъ вопросомъ, весьма достойнымъ вниманія: *туземное-ли было это повѣствованіе у Римлянъ, или перенесенное отъ другихъ народовъ?* Показавъ, что многіе Эллинскіе поэты полагали Энея бѣглецомъ изъ Трои; что Стезихоръ рѣшительно представляетъ его направившимъ плаваніе въ Гесперію, то есть, *на Западъ*, и что у Грековъ было общее повѣрье о Троянскихъ колоніяхъ въ различныя страны, Нибуръ находитъ все это недостаточнымъ для того, чтобы народъ столь гордый, каковъ былъ народъ Римскій, принялъ такія преданія за фактъ государственной Исторіи. Для сего мнимое пришествіе Троянъ долженствовало быть *туземнымъ вымысломъ*, такъ, какъ происхожденіе Британовъ отъ Брута и изъ Трои, Готѳовъ отъ Гетовъ, Венгровъ отъ Гунновъ, все это, разсказанное съ увѣренностью писателями каждаго изъ сихъ народовъ. Затрудненіе въ томъ, какъ открыть проис-

хожденіе сказки; Нибуръ предлагаетъ свою гипотезу. Все, заключающееся въ сей миѳической повѣсти о сродствѣ народовъ, показываетъ сродство между Троянцами и Пелазгійскими племенами, каковы были: Аркадцы, Эпироты, Энотры и, особенно, Тирренскіе Пелазги. Къ этому относятся разсказы о путешествіи Дардана изъ Коринѳа въ Самоѳракію, и о Симоисѣ, пришедшемъ отъ Троянъ въ Лаціумъ, отъ Тирренцовъ въ Лемносъ. Узнавъ, что Пенаты Лавиніума, тѣ, которые Тимей называлъ *Троянскими*, были *Самоѳракійскіе боги*, Римляне признали сродство свое съ жителями сего острова. Отъ сего народнаго и религіознаго единства, также тождества языковъ, могли дать названіе *Троянскихъ* многимъ народамъ, придумать выходъ изъ Трои, и перенесеніе Энеемъ Троянскихъ боговъ въ Италію. Задолго до покоренія Самоѳракіи, Тирренцы могли посѣщать сей островъ, и Иродотъ могъ слышать разговаривающихъ между собою Коршонцовъ и Плакіанцовъ; Лавиніецъ и Гергиѳіанецъ могли объяснить себѣ сродство свое разсказомъ объ Энеѣ. «Языки наши сходны,» могъ сказать Лавиніецъ, «религія тоже: у насъ такіе-же боги, какихъ вижу я здѣсь.» — И такъ, вы должны быть потомки Энея и его спутниковъ — могъ отвѣчать ему собесѣдникъ — онъ спасъ *такихъ* боговъ изъ Трои, и уплылъ, какъ говорили намъ отцы наши, на Западъ. — Весьма небольшое надобно имѣть понятіе о человѣческой природѣ, дабы видѣть, какъ легко подобное предположеніе могло быть принято и распространено.

Первая, представившаяся Нибуру гипотеза о происхожденіи Римлянъ была та, что Римъ былъ Троянская колонія, жители его переселенцы одного изъ 12-ти городовъ Этруріи (на городъ *Цере* обращалось въ семъ отношеніи особенное вниманіе). Сіи Тосканы, полагалъ Нибуръ, поработили первобытныхъ Сикуловъ, мѣстныхъ обитателей, уступившихъ имъ правый берегъ рѣки, и отъ сего произошло кліентство въ Римѣ: кліенты были побѣжденные Сикулы. Эту гипотезу принялъ Шлегель и опровергалъ Вахсмутъ; но теперь Нибуръ отказался отъ нея. «Когда, говоритъ онъ, «Албанское происхожденіе Римлянъ было опровергнуто достовѣрными изысканіями, то первое направленіе мыслей долженствовало обратиться къ тому, что *Римъ былъ Этрусская колонія.* Идти такъ смѣло противъ всѣхъ авторитетовъ Древности, было предпріятіе, болѣе нежели отважное; но кто сражается съ закоснѣлыми мнѣніями, преслѣдуетъ ихъ, и стремится разрушить ихъ владычество, тотъ можетъ быть извиненъ въ излишкѣ смѣлости, до котораго доводитъ его безобразная форма, въ какой представляется ему все, смѣшанное съ баснями. Только послѣ побѣды, умѣренность можетъ заступить мѣсто чрезмѣрности.»

Теперь, Нибуръ принимаетъ другую, болѣе вѣроятную (по нашему мнѣнію, *вѣроятнѣйшую* изъ всѣхъ) теорію, именно, что на холмахъ, кои занималъ Римъ, древлѣ были маленькіе города, или деревни, Сикуловъ. Одно изъ такихъ селеній, находившееся на Палатинскомъ холмѣ, первенство-

вало предъ другими, и именовалось *Roma* (Пелазгійское названіе, подобное Pytgi); другое селеніе называлось *Remuria.* Когда Каски, въ общемъ движеніи народовъ Италійскихъ, о чемъ мы уже говорили, пришли на восточную сторону Тибра, *Roma* (или *Римъ*), вмѣстѣ съ другими городками, подпалъ ихъ власти, и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, пришельцы смѣшались съ прежними обитателями, образовавъ народъ, и удержавъ правленіе въ своихъ рукахъ. Сабины, движась по Тибру, пришли къ нимъ, заняли часть земель, и построили городокъ, названный *Квиріумъ* (Quirium), на Агонійскомъ холмѣ, отдѣленномъ отъ Палатинскаго Рима болотами, гдѣ въ послѣдствіи были *Форумъ* и *Субурра.* Римъ, хотя покоренный сначала, сдѣлался въ послѣдствіи свободнымъ. Тогда Лашинскій и Сабинскій городки, близко одинъ подлѣ другаго находившіеся, но независимые, и часто враждовавшіе, похожи были на древніе Греческіе и Испанскіе *Емпоріи,* или *старый* и *новый* городъ въ Данцигѣ. Таковы были прежде многіе Ирландскіе города, состоявшіе изъ городка Англійскаго и Ирландскаго, раздѣленныхъ, хотя и вмѣстѣ находившихся. Преданіе сохранило память о первобытномъ раздѣленіи, повѣствуя намъ, что каждый изъ городковъ имѣлъ Сенатъ, состоявшій изъ 100 членовъ, и съ сими Сенатами Цари городковъ составляли сеймы, между двумя вышепоименованными холмами, отъ чего и произошло имя сего мѣста сходокъ (Comitium). Нибуръ полагаетъ, что похищеніе Сабинокъ, и война по сему случаю, есть преданіе о томъ времени,

когда не было правъ супружества (connubium) между жителями городковъ, и когда городокъ покоренный получивъ свободу, силою оружія приобрѣлъ въ семъ отношеніи права, равныя съ другимъ.

Два городка, испытавъ равенство силъ своихъ, кажется, рѣшились соединиться ближайшимъ союзомъ, для взаимной пользы. На пути отъ Квиринальскаго къ Палатинскому холму воздвигли они, на общей межѣ, двулицаго Януса, съ дверьми изъ его храма къ каждому городку, отворенными во время военное, затворенными въ мирное, для избѣжанія ссоръ, или различенія двухъ разныхъ хотя и союзныхъ городковъ. Римляне всегда были *двоякій* народъ, и разные символы и преданія хранили память объ этомъ. Двуликій Янусъ знаменовалъ это, также какъ и двойной тронъ, на которомъ (какъ говоритъ Сервій, въ изъясненіяхъ своихъ на Энеиду) сидѣлъ Ромулъ послѣ смерти Рема. Здѣсь начало басни о двухъ братьяхъ, басни показывающей союзъ Аборигеновъ и Пелазговъ, или *Roma* и *Remuria*; тѣже символы знаменовали потомъ *Римлянъ* и *Квиритовъ*, и наконецъ *Патриціевъ* и *Плебеевъ*.

Вѣроятно, что сознавая опасность приближенія Тосковъ къ Тибру, союзные городки видѣли необходимость тѣснѣйшаго союза, и согласились имѣть одинъ Сенатъ и одного Царя, выбирая его попеременно, то изъ одного, то изъ другаго народа. Если на поэтическій разсказъ можно смотрѣть, какъ на нѣчто *сохраняющее черты Ис-*

торіи, мы можемъ положить, что при первомъ составленіи союза были два, вмѣстѣ царствовавшіе владѣтеля, по одному съ каждой стороны, и что по смерти Сабинскаго своего сотоварища, Римскій Царь умѣлъ отклонить выборъ его наслѣдника; можемъ предположить даже, что установленіе двухъ Консуловъ въ послѣдующее время произошло отъ воспоминанія прежняго порядка дѣлъ. Во всякомъ случаѣ, при всѣхъ важныхъ сособыіяхъ, начали смотрѣть на союзные городки какъ на одинъ народъ, и называть его Populus Romanus et Quirites, или по древнему Римскому выраженію: Populus Romanus Quirites (*), въ послѣдствіи измѣненное въ Populus Romanus Quiritium. Вотъ замѣчательное доказательство привязанности Римлянъ къ древнимъ формамъ: долго послѣ того, какъ различіе между Римлянами и Квиритами изчезло, имя *Квиритовъ* было принимаемо за имя Плебеевъ, кои бывши совершенно особаго происхожденія, имѣли одинаковое отношеніе къ первобытнымъ Римлянамъ.

Преданіе о соединеніи двухъ народовъ является съ тождевременнымъ раздѣленіемъ соединеннаго народа на три *триба* (tribus): Рамновъ, Тиціевъ и Луцеровъ. Когда Нибуръ держался Тосканскаго

(*) Что такое словоизмѣненіе было въ Латинскомъ языкѣ, нѣтъ нималаго сомнѣнія. Нибуръ приводитъ въ доказательство: Prisci Latini, Socii Latini, Accensi Velati, empti venditi, locati conducti, и проч.

происхожденія, онъ уважалъ авторитетъ Волумна, или Волнія, и искалъ происхожденія сихъ именъ въ Тосканскомъ языкѣ. Предубѣжденный мыслію что Римскіе Патриціи были духовная каста, онъ извращалъ порядокъ именъ, ставилъ *Луцеровъ* прежде другихъ, и выводилъ имя ихъ отъ древняго Германскаго слова, означавшаго: *видокъ*, называя ихъ: *Seers*. Теперь самъ зодчій разрушилъ все прежнее зданіе, и вѣроятно согласится съ нами, что не велика надобность разыскивать, что́ было Пелазгійское, и что́ древле-Италійское въ религіи и установленіяхъ Рима, до Тарквинія (Приска) Древняго.

Вотъ затрудненіе важное: если *трибовъ*, въ чѣмъ нѣтъ сомнѣнія, было въ началѣ *три*, а народъ составлялся изъ *двухъ* только поколѣній, почему *тройственное*, а не *двойственное* число является въ трибахъ? Это затрудненіе остроумно и превосходно разрѣшено Нибуромъ. *Три*, какъ и слово *tribus* показываетъ, было число, на которое *братства* (phylæ) или трибы Италійскихъ государствъ были раздѣляемы, и ихъ земли дѣлились такимъ-же образомъ, то есть на три отдѣла, такъ, что отдѣлъ соотвѣтствовалъ трибу и vice versa; слѣдственно, когда отдѣлъ земли былъ уничтожаемъ, нашествіемъ непріятельскимъ, или уступкою, трибъ уничтожался. Прежде нежели являются преданія о Ромуловой колоніи, Италійскій образъ поселеній, различный отъ Греческаго, былъ слѣдующій: въ каждый завоеванный городъ поселяли часть своихъ гражданъ, отдавали имъ *треть* земель каждаго города, и всю власть правленія.

Такимъ образомъ образовывался *одинъ* властительный *трибъ*; прежніе-же обитатели города дѣлились на *два* другіе *триба*, подчиненные первому. Предположивъ Касковъ, такимъ образомъ поселившихся въ Римѣ, найдемъ *одинъ* Каскскій и *два* Сикулійскіе триба. Теперь предположимъ (это явно изъ оставшихся различій между *Римомъ* и *Квиріумомъ*), что Сабины (какъ въ послѣдствіи сдѣлалъ Порсена) берутъ отдѣлъ себѣ, или *треть* Римскихъ владѣній, въ Римѣ остается *два* триба: Касканскій и *Сикульскій*. По соединеніи двухъ городовъ, Сабины, если они также раздѣлены были на трибы, сдѣлались вторымъ трибомъ соединеннаго государства, совершенно равнымъ съ повелѣвающими Касканами, или Рамнами, и Сикульскіе ихъ подданные долженствовали образовать отдѣлъ *Луцеровъ*, не имѣвшій участія въ правленіи.

Рамны и *Тиціи* были совершенно равны, и первые можетъ быть имѣли право старшинства, отъ чего и явились *Celsi Ramnes*. Общій Сенатъ былъ составленъ изъ 200 членовъ, по сту съ каждой стороны. Такъ были и четыре Весталки, двѣ съ каждой стороны, также и четыре Авгура, четыре Понтифекса, двадцать Феціаловъ, одинъ за каждую Курію Рамновъ и Тиціевъ, два дуумвира Сивиллиныхъ книгъ и Пердуелліона; братствъ было также два: *Салійское* отъ Римлянъ, *Агональское* отъ Сабиновъ, и проч.

Дальнѣйшее раздѣленіе трехъ трибовъ было на куріи, коихъ считалось *тридцать*, по 10 на каждый трибъ. Роды, домы или семейства были за-

ключаемы въ куріи. Грамматисты, особенно Юлій Поллуксъ, сказываютъ намъ, что въ первобытной конституціи Аѳинянъ, каждое изъ четырехъ братствъ (Phylae) было раздѣлено на три отдѣла (Phratriæ), а отдѣлъ содержалъ въ себѣ тридцать родовъ (genea), члены коихъ именовались *родичи* (gennetæ), и иначе Homogalactes, и были не родственники между собою, но такъ назывались по ихъ союзу, состоявшему въ томъ, что они имѣли общіе религіозные обряды, наслѣдованные отъ предковъ, нѣкогда составлявшихъ роды (genea), и никто, ни по богатству, ни по знатности, не могъ быть принятъ въ *братство* или въ *родъ*, если не происходилъ отъ родичей. Конституція Клисѳена, раздѣлившая братства на отдѣлы, названные Demi, была совсѣмъ противоположная, распредѣляя народъ по мѣстопребыванію, а не по происхожденію. Роды были въ послѣдствіи называемы общими именами, какъ-то: *Кодриды*, *Эвмольпиды*, *Бутады*, можетъ быть, отъ знаменитѣйшихъ семействъ, бывшихъ между ими во времена ихъ образованія, еще вѣроятнѣе отъ ихъ защитника (Eponymus), бога или героя, такъ, какъ у насъ гражданскія гильдіи называются именами святыхъ и ангеловъ.

Аналогія чиселъ съ числами мѣсяцовъ и дней солнечнаго года такъ здѣсь явна, что не льзя почесть ея дѣломъ случая, и если разсмотримъ, что жители Аттики были чистые Пелазги, то справедливо можемъ думать, что одинаковая конституція являлась повсюду, гдѣ сей народъ первенствовалъ.

Въ Римѣ трибовъ было *три*, курій тридцать, а Діонисій ясно говоритъ, что Ромулъ раздѣлилъ курін на *декады*. Отъ чего-же могли явиться сіи декады, если не отъ *родовъ*? И такъ, каждая курія заключала въ себѣ 10 родовъ, каждый трибъ 100 (отъ чего Ливій называетъ трибы *Центуріями*), а всѣ три трибa 300 родовъ, и въ числѣ ихъ видѣнъ *циклическій* годъ, изъ 10 мѣсяцовъ и 304 дней, введенный въ Римѣ, такъ какъ въ Аттическомъ раздѣленіи мы находимъ *солнечный* годъ, изъ 12 мѣсяцовъ и 365 дней. Кромѣ того Римскіе роды имѣли общія жертвоприношенія: родъ Навтіевъ (Nautii) жертвовалъ Минервѣ; родъ Фабіевъ Геркулесу или Санку (Sancus). Должно по справедливости признаться, что это не есть доказательство отчужденія родовъ, подобнаго отчужденію Аттическому. Но Цицеронъ, тщательно описывая благородныхъ Римлянъ, не говоритъ объ ихъ общемъ происхожденіи. Корнеліи, какъ родъ, имѣя общіе религіозные обряды, не были родичами Сципіоновъ и Суллъ; Лициніи и другія плебейскія семейства, распространились на множество вѣтвей въ новыя времена, но 300 Фабіевъ (300 Fabii) образовывали распространеніе дома, какого родословныя таблицы не представляютъ; Эліи (Aelii), городовой родъ, состояли изъ многихъ семействъ, но изъ нихъ только Ламіи выводили себя отъ Лама Формійскаго; иное семейство могло почитать себя происшедшимъ отдѣльно отъ всѣхъ другихъ родовъ. Все приводитъ къ тому, что сходство Римскихъ Gentes и Аттиче-

скихъ Genea, есть предположеніе вѣрное и справедливое.

Граждане Рима и городовъ, находившихся съ нимъ въ дружескихъ сношеніяхъ, были въ правѣ оставлять взаимно свои жилища и переселяться изъ города въ городъ; но, какъ Греческіе Metœci или сообитатели, они не принимались въ конституцію шѣхъ городовъ, гдѣ селились, и принуждены были считаться подъ покровительствомъ извѣстныхъ гражданъ. Отъ сего явилось въ Римѣ отношеніе патроновъ и кліентовъ (похожее на отношенія нашихъ лордовъ и вассаловъ ихъ въ средніе вѣки): послѣдніе состояли изъ чужеземцовъ, которые для торговли, или по другимъ обстоятельствамъ, селились въ Римѣ, и поелику многіе изъ нихъ оставались должны въ прежнихъ жилищахъ, то Нибуръ думаетъ, что Плебеи нетерпѣвшіе ихъ, и видѣвшіе въ нихъ подкрѣпленіе Патриціевъ, по сему обстоятельству нашли случай выдумать исторію пристанища (Asylum). Въ нѣкоторомъ смыслѣ, Римскій народъ въ самомъ дѣлѣ состоялъ первоначально изъ патроновъ и кліентовъ.

Отношеніе покровителей къ кліентамъ, не могшимъ поддержать себя торговлею или рукодѣльемъ, побудило патроновъ давать имъ домы и по двѣ десятины (jugera) земли, въ своихъ владѣніяхъ; патроны назвались Patres и *Патриціи* (*),

(*) Patres Senatores ideo appellati sunt, quia agrorum partes attribuebant tenuioribus, perinde ac liberis propriis. *Festus.*

что Нибуръ почитаетъ равносильными именами, полагая, что первое не безъ особенныхъ причинъ осталось наименованіемъ Сенаторовъ. Patres и Патриціи, какъ нераздѣльно ихъ называли, были особые граждане, и собирательное наименованіе ихъ было Celeres. Нелѣпо предполагать, что Celeres, для коихъ трибунство было правительствомъ и священствомъ, составляли охранное войско. Трибунъ Рамновъ вѣроятно пользовался преимуществомъ надъ двумя своими сотоварищами, и отъ сего обыкновенно упоминался онъ одинъ.

Важная часть могущества, конституціонно предоставлена была куріямъ, изъ чего выходитъ вопросъ: какъ собирались въ нихъ голоса? Нѣтъ сомнѣнія, что семейства неравнаго рожденія постепенно входили въ общество, также и кліенты участвовавшіе въ религіозныхъ обрядахъ курій; можно бы заключить, что они всѣ также подавали голоса. Нибуръ показываетъ изъ основныхъ началъ, свидѣтельствъ Лелія, сравнительныхъ разсмотрѣній разныхъ мѣстъ изъ Діонисія и сравненія оныхъ съ Ливіемъ, что куріи были собранія Патриціевъ, и что только Патриціямъ дано было право на голоса.

Сенатъ, говоритъ Нибуръ (полагаемъ: *до пришествія Касковъ*) состоялъ первоначально изъ 300 членовъ, по одному представителю отъ каждаго рода, которые посылали своихъ Декуріоновъ или старшихъ въ верховный совѣтъ, и это поясняетъ, отъ чего Сенаторы въ колоніяхъ назывались *Декуріонами*. Члены Сената были раздѣле-

ны на декуріи, каждая декурія соотвѣтствовала куріи, и когда умиралъ Царь, то Decem primi, то есть, *главы десяти декурій Рамносъ*, попеременно правили государствомъ. Когда Сенатъ опредѣлялъ, которая курія должна была занять праздный тронъ, курія избирала *междуцарственника* (interrex), предлагала его Сенату, и по утвержденіи онымъ, избранный былъ провозглашаемъ; но (это важное обстоятельство открыли намъ отрывки Цицеронова творенія о Республикѣ) былъ законъ, по коему избранный долженствовалъ предстать предъ куріи, для своего утвержденія, и онѣ могли отвергнуть его, если находили достаточныя причины.

Царь Рима уподоблялся царямъ героическихъ временъ Греціи, съ тою разницею, что онъ былъ судія, избранный на всю свою жизнь. Власть и права, бывшія впослѣдствіи у преторовъ, консуловъ, диктаторовъ, въ немъ соединялись. Онъ былъ неограниченный полководецъ и жрецъ своего народа, и только онъ одинъ могъ, бывши въ Римѣ, созывать Сенатъ и народъ, *предлагать* законы и постановленія, но граждане *рѣшали* постановленіе закона, объявленіе войны, заключеніе мира. Царь наказывалъ за неповиновеніе, но аппеляція на него представлялась суду гражданъ, т. е. Патриціевъ. Судилъ самъ Царь, или утверждалъ судей. Власть его надъ всякимъ не-патриціемъ была безпредѣльна, какъ власть диктатора. Онъ располагалъ всѣми мяпежными и завоеванными областями, если только не нарушались тѣмъ права гражданъ на обладаніе земель, имѣлъ обширныя свои земли, съ

многочисленными кліентами, укрѣплявшими его богатствомъ и силою.

Такова была конституція Рима, при первомъ проблескѣ свѣта истинной Исторіи, и Нибуръ называетъ ее *Ромуловскою*, дабы отличить отъ конституціи, бывшей при Сервіи Тулліи. Существованіе Ромула и его благочестиваго преемника, Нибуръ рѣшительно ошвергаетъ, и объясняетъ повѣрье Римлянъ о Ромулѣ предположеніемъ, что когда Римъ достигалъ уже нѣкоторой важности, то граждане его, размышляя о старомъ времени, затемнили основаніе своего города, утверждая, что имя его должно означать имя основателя, называвшагося *Romus*, или *Romulus* (*); видя другой городъ, называемый *Remuria*, соперничествовавшій, и впослѣдствіи подвластный Риму, они выдумали *Рема*, основателя, и называли его близнецомъ Ромула. Волны потока увеличиваются по мѣрѣ своего теченія; простое предположеніе о братьяхъ-основателяхъ увеличивалось со временемъ, обременялось прибавками, сплеталось съ естественными памятниками мѣстъ и старыми замѣтками, мало по малу принимало видъ Греческой басни, пока наконецъ весь разсказъ, въ его миѳо-исторической формѣ, дошелъ до насъ.

Если мы осмѣлимся сообщить свое мнѣніе въ семъ

(*) Romulus не уменьшительное, но, какъ говоритъ Нибуръ, одна изъ формъ прилагательныхъ Латинскаго языка, расточительнаго на оныя, подобная Aequus, Aequicus, Aequiculus, Tuscus, Tuscanus, Tuscanicus, и т. д.

темномъ дѣлѣ, то оно будетъ состоять въ вопросѣ: *былъ-ли Римъ въ началѣ своемъ монархіею?* Сильныя доказательства находимъ мы, что въ Греціи Пелазгійскія племена находились вообще подъ сею формою правленія; но въ Италіи, мы не находимъ причинъ къ подобному предположенію. Можетъ быть монархія существовала у первобытныхъ обитателей полуострова, до Пелазговъ. Не былъ-ли *Римъ* республикою, и *Квиріумъ* также? По соединеніи ихъ, могли установить двухъ правителей, одного изъ каждаго народа, для общаго управленія, и это могло измѣнишься въ выборъ одновластителя для обоихъ, какъ мы видимъ при Тулліи и Анціи, историческое существованіе коихъ уже не подвержено сомнѣнію. Римляне монархическіе, въ ихъ не-письменное время, должны были рано утратить всякое подобіе свой прежней конституціи. Ѳукидидъ показываетъ, какъ безпечно и невѣрно бываетъ народное преданіе. Римляне могли думать при Царяхъ своихъ, что такъ было съ самаго начала Рима. Римъ былъ *старшій* городъ, и *Ромулъ* явился первымъ Римскимъ Царемъ: преданіе о нашествіи Касковъ споспѣшествовало придать сему Царю воинственный характеръ, и всѣ древнія гражданскія постановленія были собраны въ его лицѣ. Сообразимъ, что большая часть Римской религіи была Сабинская, и что Сабинскій народъ во всѣ времена отличался благочестіемъ и строгою нравственностью: религія государства осуществлена была въ лицѣ Сабинскаго преемника, и если (такъ какъ мы можемъ произвесть имя Нумя отъ Nummus) старинный Латинскій языкъ имѣлъ

слово, похожее на *νόμος*, не это-ли составило имя *Нумы Помпилія?* Вахсмутъ, доказывая дѣйствительность существованія Ромула и Нумы статуями сихъ Царей, находившимися въ Капитоліи, даетъ право Шотландцамъ утверждать дѣйствительность существованія Кеннетовъ и Фергуссовъ; ибо портреты сихъ государей находились въ Голирудскомъ дворцѣ.

Первымъ историческимъ, несомнительнымъ фактомъ въ Римской Исторіи, Нибуръ почитаетъ переселеніе Албанцовъ въ Римъ. Поелику земли Албанскія, согласно съ древними Италійскими народными законами, не принадлежали Риму, Нибуръ полагаетъ, что Латины, открывшіе свои сеймы на Албанской землѣ, разорили Альбу, и спасшіеся жители Альбы бѣжали въ Римъ, гдѣ получили жилища и земли, сохраняя впрочемъ отличіе отъ Римлянъ, не дававшихъ имъ правъ на connubium. Можетъ быть (хотя Нибуръ и относитъ сію мѣру къ царствованію Л. Тарквинія) при Тулліи Луцеры были уравнены съ двумя другими трибами: на это указываетъ намъ повелѣніе Туллія, удвоившаго число *всадниковъ* (Equites); конная служба, кажется, всегда была преимуществомъ господствовавшаго отдѣленія народа, и достойно замѣчанія, что преданіе говорило объ умноженіи Туллiемъ конницы десятью *турмами* (turmæ), то есть *третью*. Анцій, наслѣдникъ его, кажется, послѣдовалъ правильной системѣ умноженія силы и народонаселенія Рима, переселяя въ него обитателей завоеванныхъ Латинскихъ городовъ, которые съ обитателями Альбы образовали знаменитыхъ

Плебеевъ (три первоначальные триба составили народъ (*), Populus), званіе безпрерывно умножавшее свою силу и свое богатство. Мы не видимъ никакихъ причинъ предполагать, что Римскіе Цари, переселяя жителей изъ Латинскихъ городовъ въ Римъ, лишали ихъ собственности. Политика Рима была болѣе благоразумна: всѣ сіи города находились неподалеку отъ него; если-бы обитатели оставались въ нихъ и укрѣпились, то могли-бы всегда присоединяться къ непріятелямъ, или пользоваться затрудненіями Римлянъ. Примѣръ самозащищенія, употребленнаго Римлянами, находимъ въ распоряженіяхъ Итальянскихъ городовъ въ средніе вѣки, когда города принуждали дворянъ оставлять ихъ укрѣпленныя сельскія жилища, переходить и селиться въ городахъ. Такъ и Римляне дѣлали: переселенцы, пользуясь близостью своихъ земель, могли въ хорошее время года жить на своихъ земляхъ, обработывать оныя, и собирать плоды трудовъ своихъ, но должны были имѣть постоянныя жилища на злачныхъ холмахъ Рима, составляя собою охранительныя дружины царей, противъ возраставшаго могущества Патриціевъ. Все это

(*) Если не ошибаемся, Нибуръ былъ первый, утверждавшій настоящее значеніе сего слова. Что Populus былъ совершенно отдѣленъ отъ Plebs, явно изъ многихъ приводимыхъ Нибуромъ свидѣтельствъ. Вотъ два изъ важнѣйшихъ: Prætor—is qui populo plebique jus dabit summum (Лив. XXV, 12)—Dici mos erat—Quæ deprecatus sum — ut ea res—populo plebique Romanæ bene atque feliciter eveniret (Цицеронъ, *pro Murena*, 1).

относилось только къ окружнымъ мѣстамъ Рима; далѣе отстоявшіе города, какъ въ послѣдствіи колоніи, образовали особую часть государства. Анцій преимущественно замѣтенъ былъ своею наклонностью къ Плебеямъ:

Jactantior Ancus,
Nunc quoque jam nimium gaudens popularibus auris.

Большую часть исторіи царя Тарквинія I-го, Нибуръ считаетъ поддѣлкою. Онъ думаетъ, кажется, что Тарквиній былъ Латинъ, а не Тосканецъ, и заключаетъ такъ по прозванію его: Priscus, которое полагаетъ народнымъ Латинскимъ, какъ имя: Cascus. Prisci Latini, подобно словамъ: Populus Romanus Quirites, означало двухъ соединенныхъ народовъ, по мнѣнію Нибура; онъ входитъ по сему въ разсужденіе о періодѣ, когда Римъ правимъ былъ Тосканскими царями, и доказываетъ, что былъ въ Римѣ родъ (gens) Тарквиніевъ, исчезнувшій послѣ Тарквинія послѣдняго (*). Если-же и положитъ, что Тарквиній не былъ Тосканецъ,

(*) Можетъ быть, не совсѣмъ невѣроятное предположеніе, что Тарквиній, съ своимъ родомъ и своими кліентами, могъ, подобно Аттусу Клаузу (Attus Clausus) переселиться въ Римъ, сначала былъ принятъ въ роды Патриціевъ, а потомъ, въ послѣдующее царствованіе, войдти въ трибу Плебеевъ. Это предположеніе не принято Нибуромъ, хотя весьма сближается съ несомнѣннымъ существованіемъ Gens Tarquinia, и съ положеніемъ Нибура, что *Клавдійскій* трибъ могъ замѣнить *Тарквинскій*. Избраніе Таркви-

то, все надобно почесть его царствованіе періодомъ Тосканскаго вліянія на Римъ. Въ Англійской Исторіи есть примѣръ этого: въ царствованіе Эдуарда Исповѣдника, Дворъ Англійскій началъ принимать Норманскіе обычаи; Вильгельмъ Завоеватель былъ Норманнъ, и, безъ всякаго сомнѣнія, Сервій былъ Тосканецъ.

Тарквиній, также, какъ его предмѣстникъ, былъ приверженъ къ Плебеямъ, коихъ покушался опъ уравнять съ другими гражданами Рима. Онъ хотѣлъ, кажется, образовать изъ нихъ, вѣроятно изъ важнѣйшихъ и богатѣйшихъ, три новые трибa, давая имъ наименованіе по своему имени и по именамъ друзей своихъ, обладавшихъ всѣми преимуществами трехъ первоначальныхъ трибовъ. Сему воспротивились Патриціи, и хитрость Атта Невія (Attus Nævius). Исключая именованій, что̀ почитали весьма важнымъ дѣломъ, Царь достигъ по видимому своей цѣли, и новыя трибы, или центуріи, названныя *Secundæ*, присоединены были къ старымъ. Мы уже упоминали, что Тарквиній удвоилъ Сенатъ; Нибуръ показываетъ намъ, какъ по естественному порядку ограниченное число аристократовъ быстро долженствовало уменьшаться съ числомъ семействъ. Роды Патриціевъ во время Тарквинія, хотя Луцеры были уже помѣщены въ

нія, хотя и чужеземца, на царство, неудивительно, если мы подумаемъ, что Attus Clausus (Appius Claudius), непосредственно по прибытіи своемъ въ Римъ, дѣлается важнымъ мужемъ въ государствѣ.

Сенатъ (*), долженствовали такъ сократиться, что только 150 оставалось тѣхъ, которые посылали членовъ въ собраніе Сената.

Отрывокъ Рѣчи Императора Клавдія (потеря оной для Тирренской Исторіи невознаградима), найденный на двухъ таблицахъ въ Ліонѣ, въ XVI вѣкѣ, и напечатанный Липсіемъ въ твореніяхъ Тацита, укрывался донынѣ отъ критиковъ, но Нибуръ воспользовался имъ. Слова Императора слѣдующія: «Servius Tullius, si nostros sequimur captiva natus Ocresia; si Tuscos, Cæli quondam Vivennæ sodalis fidelissimus, omnisque eius casus comes: postquam varia fortuna exactus cum omnibus reliquiis Cæliani exercitus Etruria excessit, montem Cælium occupavit, et a duce suo Cælio ita appellitatus (вмѣсто: appellita*vit*), mutatoque nomine, nam tusce Mastarna ei nomen erat, ita appellatus est ut dixi, et regnum summa cum rei p. utilitate optinuit. Этотъ маленькій отрывокъ проливаетъ новый свѣтъ на Римскую Исторію. Мы видимъ: 1-е, доказательство, какъ день ясное, сколь мало исторической истины можно извлечь изъ миѳическихъ разсказовъ объ историческихъ лицахъ, ибо, въ предложенномъ нами историческомъ свидѣтельствѣ, нѣтъ ни малѣйшаго сходства съ повѣствованіями Римскихъ писателей; 2-е, что сила

(*) Не возможно означить періода, когда Луцеры уравнены были съ двумя другими трибами. Мы замѣтили, что этому слѣдовало быть въ царствованіе Туллія. Нибуръ относитъ сіе событіе во времена Тарквинія, но полагаетъ задолго до образованія новыхъ центурій.

Тарквинія, подкрѣпляемаго регулярными войсками (древними Кондоттьери) дѣлается понятною, и мы узнаемъ, какъ Сервій, подобно Сфордзѣ, могъ съ помощію сихъ войскъ, и съ пособіемъ Плебеевъ, достигнушь трона. Система Кондоттьерскихъ войскъ была преимущественною въ древней, такжe какъ и въ новой Италіи. Тракшатами позволялось даже чужеземцамъ набирашь войска, и если Карѳагеняне могли сосшавлять себѣ воинсшво въ Эшрурiи, слѣдсшвенно, легко было наняшь воиновъ, или побудишь ихъ сражашься за собсшвенныя ихъ выгоды.

Народонаселеніе Рима состояло въ то время изъ двухъ различныхъ народовъ, жившихъ въ однѣхъ сшѣнахъ, но въ разныхъ ошдѣленіяхъ, управлявшихся однимъ государемъ, но раздѣленныхъ шакъ, что между ими не было даже правъ на взаимное супружесшво (connubium). Одинъ народъ сосшоялъ изъ Паширіciевъ, пошомковъ первобышныхъ обишашелей Рима, изъ многочисленныхъ кліеншовъ ихъ, изъ трехъ новыхъ ценшурій Тарквинія Приска: все эшо именовалось Populus. Большая часшь первобышныхъ земель города была ихъ собсшвенносшью, и они-же пользовались временными доходами (usufruct) общесшвенныхъ земель, плашя *десяшину* съ произведеній оныхъ. Сенашъ сосшавленъ былъ исключишельно изъ нихъ; религія государсшва была совершенно въ ихъ рукахъ; они избирали, или ушверждали судей, и рѣшали миръ и войну; изъ нихъ образована была конница Римскихъ войскъ.

Plebs (Плебеи), Лашинскіе переселенцы, коихъ города были разрушены или выселены, сосшавляли

другую половину политическаго тѣла. Эшо не были бродяги, какъ ошибочно думали объ нихъ донынѣ; они отличались отъ Патриціевъ болѣе всего происхожденіемъ своимъ отъ особаго народа, но среди ихъ были дворяне покоренныхъ городовъ; земли свои удерживали они въ своемъ владѣніи, безъ обращенія ихъ, подобно владѣніямъ Патриціевъ, въ общественную собственность, и напротивъ видимъ, что частыя отдѣленія общественныхъ участковъ въ потомственное владѣніе увеличивали ихъ вліяніе и богатство. Не составляя касты, подобно Populus, Плебеи видѣли свои ряды увеличивающимися безпрестанно вступленіемъ новыхъ членовъ. Вѣроятно, Царь былъ ихъ *покровителемъ* (Patron) противъ тиранства соперничествовавшаго съ ними отдѣла гражданъ (*), и Плебеи были въ его легіонахъ главною силою, свершителями битвъ. *Целія* и *Авентинъ* были важнѣйшія мѣста пребыванія Плебеевъ; *Капитолія* и *Палатинъ*, пребыванія Патриціевъ.

Сервій, восшедшій на тронъ помощію Плебеевъ, старался поддержать политическій союзъ и прочность своихъ помощниковъ. До того времени, они не имѣли правильнаго раздѣленія, были безсоюзны, соединяясь только общимъ происхожденіемъ, наслѣдственною религіею и близостью земель. Первый шагъ Сервія состоялъ въ раздѣленіи ихъ на

(*) Предположеніе Нибура подкрѣпляется и тѣмъ, что Плебеи впослѣдствіи придали сей титулъ М. Манлію.

30-ть трибовъ, изъ коихъ 4 назначены въ Римѣ и 26-ть внѣ онаго. Можно-бы подумать, что сіи числа есть догадочное предположеніе Нибура, явно противорѣчащее словамъ Тита-Ливія, именно показывающаго, что когда Аппій Клаузъ пришелъ въ Римъ, трибовъ было 20-ть, и 21-й составился изъ его кліентовъ; кромѣ того, всѣ мы донынѣ полагали за несомнительный фактъ, что отъ 20-ти, число трибовъ возрастало постепенно до 39-ти. Съ геніяльною способностію Нибуръ нашелъ дорогу въ семъ темномъ лабиринтѣ, и вывелъ не только достовѣрность, но и совершенную истину противнаго.

Діонисій, ссылаясь на Фабія, говоритъ, что Сервій раздѣлилъ области Римскія на 26-ть участковъ: участокъ и трибъ, какъ уже мы признали, соотвѣтствуютъ одинъ другому, и Варронъ, говоря объ одномъ Царѣ, не именуя его, но, какъ изъ всего видно, разумѣя Сервія, сказываетъ, что сей Царь раздѣлилъ земли вольнымъ людямъ, около города, на 26-ть участковъ. Патриціи дѣлились на 30-ть курій, Латины на 30 городовъ: вѣроятность, преобразующаяся въ достовѣрность, если вспомнить привязанность Римлянъ къ числамъ, будетъ та, что Плебеи, соединенные подъ размѣръ городовъ, были раздѣлены на такое-же число отдѣловъ. Затрудненіе въ томъ, какъ дошли трибы до 20-ти, что намъ достовѣрно извѣстно; но здѣсь Нибуръ напоминаетъ намъ народный Италійскій законъ, отнимавшій у покореннаго города часть (вообще *треть*) его земель, и полагаетъ, что такъ случилось и тогда, когда Порсенна покорилъ Римъ: десять отдѣловъ исключились, десять трибовъ исчезли;

члены ихъ сдѣлались вассалами Этрусковъ, или перешли въ остальные трибы. Впрочемъ, не удивительно, что число Плебейскихъ трибовъ не соотвѣтствовало трибамъ Патриціевъ, по ихъ подраздѣленію. Это ведетъ насъ къ выводу, что имя ихъ въ началѣ было отлично, и *десять* ихъ составляли трибъ; подтвержденіе въ томъ, что было *два* трибуна надъ Плебеями во время Крустуминскаго (Crustumine) раздѣленія, и шесть военныхъ трибуновъ, три для Патриціевъ и такое-же число для Плебеевъ. Можно возразить, говоритъ Нибуръ, что въ семъ случаѣ былъ единственно выборъ равнаго числа Плебейскихъ судей съ Патриційскими, а въ прежнемъ обстоятельствѣ, когда 20-ть избирателей могли быть принимаемы за большее число, каждая декурія трибуновъ выбирала одного представителя: и въ самомъ дѣлѣ, при второмъ раздѣленіи, 20-ть трибуновъ отправляли отъ себя двухъ. Въ заключеніе замѣтимъ, что куріи не уважали раздѣленія Ромуловыхъ трибовъ, а у Латиновъ нѣтъ слѣдовъ инаго дѣленія, кромѣ дѣленія на 30 городовъ.

Каждый Плебейскій трибъ имѣлъ своего Трибуна (какъ всякая курія Патриціевъ своего Куріона), начальника на войнѣ, судью въ мирѣ. Главная обязанность ихъ состояла въ сборѣ податей (tributum), которыя каждый изъ податныхъ долженствовалъ платить, устройствѣ числа и качества воиновъ, выставляемыхъ въ походъ. Нибуръ почитаетъ весьма вѣроятнымъ, что Эдилы (Aediles) сначала были Плебейскіе судьи, и Centumviri (сначала 9, потомъ 6) тоже, и что они именовались *Судіями* (Judices),

такъ, какъ Сенаторскій судья, или Prætor, собственно назывался Arbiter. Сіи судьи были, по видимому, всѣ избираемы Плебеями изъ ихъ трибовъ, и кромѣ избранія ихъ, многія другія дѣла принадлежали сюда. Forum былъ мѣстомъ собранія Плебеевъ, такъ какъ Comitium Патриціевъ.

Поелику званія были совершенно различны и раздѣлены, то куріи и трибы могли взирать на дѣла съ разныхъ сторонъ и, при важныхъ случаяхъ, раздоръ, даже кровопролитіе, могли быть участью Римлянъ. Дополнить намѣренія предшественниковъ, учинить тѣснѣйшій союзъ между званіями было необходимо, и въ знаменитомъ составленіи *Классовъ* (Classes) и Центурій (Centuriæ), Сервій видѣлъ превосходную мѣру дать Плебеямъ надлежащій ихъ вѣсъ въ Римской конституціи. Важность сего предмета заставляетъ насъ объяснить его подробнѣе.

Центуріяльная конституція была составлена по чистой военной формѣ, а отъ того дала легковѣрію поводъ думать, что ее придумалъ воинъ. Она вѣрно изображаетъ воинство, съ его конницею, пѣхотою, военными снарядами и обозомъ. *Три* первоначальные триба, или центуріи Ромуловы, съ *тремя* новыми Тарквинія, содержали въ себѣ, подъ именемъ Sex Suffragia, всѣхъ Патриціевъ. Къ нимъ придалъ Сервій 12-ть Центурій, составленныхъ изъ Плебейскихъ выборныхъ (Notables), людей, болѣе богатствомъ, нежели родомъ славныхъ, которые отличались отъ избранныхъ Тарквиніемъ тѣмъ, что оставались Плебеями, составляя родъ Плебейскаго Дворянства, коего званіе, послѣ перваго установленія, было наслѣдственное; но простой Пле-

бѣянинъ могъ быть возведенъ на степень Плебейскаго всадника, и всадникъ могъ быть обращенъ въ простые Плебейцы. Всѣ 18-ть Центурій были *конные воины* Римскаго воинства. Дабы поддержать ихъ установленіе, 10,000 ассовъ выдавало правительство на покупку коня, и по 2000 ассовъ назначалось вдовамъ и сиротамъ. Если сообразимъ низкую цѣну овецъ и быковъ въ то время, сумма, выдаваемая на коня, покажется безмѣрною; но Нибуръ замѣчаетъ, что воинскій конь долженствовалъ быть дороже, и что рабъ, также на конѣ, составлялъ часть вооруженія каждаго всадника. Если всадникъ лишался своего званія, онъ долженъ былъ продать своего коня, возвратить деньги правительству, и пенсіонъ, предоставленный его наслѣдникамъ, обращаемъ былъ другому.

Пѣхота Римская состояла единственно изъ Плебеевъ, владѣтелей земель, ибо Плебеямъ запрещалось торговать. Законодатель раздѣлилъ ихъ на *пять Классовъ*, подраздѣлилъ на Центуріи, уравнялъ по имуществамъ, и для вооруженія предписалъ слѣдующія правила:

Классы.	Имущество.			Центуріи.			Оружіе.
I.	100,000 асс. и б.—	стар.	40	юнош.	40	= 80	Шишакъ, огромный щитъ, броня, лапы мѣдныя, мечъ и копье.
II.	75 т.	«	10	«	10	= 20	Малый щитъ, безъ брони.
III.	50 т.	«	10	«	10	= 20	Безъ лапъ.

Классы.	Имущество.			Центуріи.	Оружіе.
IV.	25 т.	—	10 «	10 = 20	Безъ лашъ и брони, копье, дрошикъ.
V.	12,500	—	15 «	15 = 30	Пращники.
				170	

Плебеи, не вошедшіе въ число всадниковъ, всѣ заключались въ сихъ пяти Классахъ. Остатокъ народа дѣлился на Центуріи, но безъ различія на Классы, какъ видимъ изъ числа и свойства оныхъ. Онѣ дѣлились на Assidui, или Locupletes, и на Proletarii: въ *первыхъ* были имѣвшіе болѣе 1500 ассовъ; въ другихъ имѣвшіе менѣе сего количества, и ничего не имѣвшіе. Впрочемъ, въ Assidui входили всѣ пять Классовъ и всѣ имѣвшіе отъ 12,500 до 1500 ассовъ. Нибуръ, слѣдуя Цицерону, находитъ однакожъ, что не вошедшіе въ пять Классовъ дѣлились на Accensi, имѣвшихъ 7000 и болѣе, и на Velati, имѣвшихъ менѣе 7, но не менѣе 1500, крайней степени, гдѣ начинались Proletarii. Сіи послѣдніе дѣлились на Proletarii, собственно такъ называемые, и на Capite Censi, кои начинаясь съ имущества въ 375 ассовъ, вмѣщали всѣхъ бѣднѣйшихъ. Если придадимъ къ сему три Центуріи или корпусъ строителей, трубачей и флейщиковъ, изъ коихъ первая относилась къ первому, а послѣдняя центурія къ *пятому* Классу, и сочтемъ 18 всадническихъ центурій, то найдемъ 195: полное число, согласно мнѣнію Нибура.

Конституція Классовъ была смѣсь аристократіи съ демократіею, изобрѣтенная для равновѣсія благородства съ богатствомъ, дабы, какъ говоритъ Цицеронъ, ne plurimum valeant plurimi, и—цѣль была достигнута. Нибуръ опять приводитъ Цицерона: 81 Центурій перваго Класса и строильщиковъ и, изъ 114-ти остальныхъ, 12 Плебейскихъ всадническихъ Центурій, да 6 Suffrages, соединенныхъ вмѣстѣ, составляли большинство 99 на 96, слѣдственно, крѣпкую опору за самихъ себя.

Голоса давались по Центуріямъ; каждая имѣла одинъ голосъ; всякій членъ Центуріи имѣлъ на то право, и мнѣніе большинства членовъ было голосомъ Центуріи. Голоса подавались въ слѣдующемъ порядкѣ: сперва шесть Suffrages; потомъ 12 плебейскихъ всадническихъ Центурій, 80 перваго Класса, Центурія строильщиковъ, 20 втораго Класса, 20 третьяго, 20 четвертаго, 30 пятаго, 2 музыкантовъ, Accensi, Velati, Proletarii, Capite Censi. Если три первые отдѣла были согласны, остальныхъ не призывали. Если, какъ случалось во времена республики, Плебеи отказывались отъ участія въ выборѣ, Suffragia и Центуріи, не включая Классовъ, составленныхъ изъ кліентовъ, одни рѣшали дѣло.

Ясно, что число членовъ въ разныхъ Центуріяхъ было весьма неровно. Этимологія слова: Centuria (сотня) можетъ замѣшать изслѣдователя; но, подобно слову *трибъ*, оно, въ теченіи времени, сдѣлалось словомъ означавшимъ просто дѣленіе, а не сотню. Первоначально Tribus было *братство* (Phyle), ибо Римляне были раздѣлены на три Philæ, а Центурія заключала въ себѣ 100 родовъ, но значе-

нія сіи потерялись, и мы видимъ 30, 20, 21 и 35 трибовъ и центурій, содержавшихъ въ себѣ, можетъ быть, отъ 800 до 30 человѣкъ. Изъ сего мы не выводимъ, что *первый* Классъ, поелику въ немъ было 80 Центурій, содержалъ въ себѣ четвероякое число членовъ противъ *втораго*, имѣвшаго только 20. Намѣреніе Сервія было таково, чтобы голоса, данные каждому Классу, были ко всѣмъ пяти въ такомъ отношеніи, въ какомъ имущество каждаго Класса было къ имуществу всѣхъ пяти, и въ слѣдствіе того, число гражданъ каждаго Класса находилось обратно равномѣрнымъ къ суммамъ, означавшимъ ихъ имущества, а именно:

100,000: 75,000 :: 4: 3. 100,000: 50,000 :: 6: 3.
100,000: 25,000 :: 12: 3. 100,000: 12,500 :: 24: 3.

Три перваго долженствовали имѣть противъ четверыхъ втораго; одинъ перваго противъ двухъ третьяго, четверыхъ четвертаго и восьми пятаго, то есть, какъ считаетъ Нибуръ, 3 перваго столько, сколько 4 втораго, 6 третьяго, 12 четвертаго и 24 пятаго. Центуріи послѣдняго, напримѣръ, содержали въ восьмеро противъ гражданъ перваго, и изъ отношенія числа Центурій въ каждомъ Классѣ, имущество каждаго изъ трехъ, непосредственно послѣдующихъ первому, долженствовало составлять четверть къ первому; пятый-же Классъ, имѣя тридцать Центурій, прежды восемь къ первому (*), и помножая Центуріи каждаго относительными числами, находимъ:

(*) Ибо 80, 20, 20, 20, 30, число Центурій въ

80. 3=240	раздѣленныя на 40, общую мѣру.	6
20. 4= 80		2
20. 6=120		3
20. 12=240		6
30. 24=720		18
		35.

И такъ, по выводамъ Нибура, изъ 35 гражданъ 6 были въ первомъ Классѣ, и слѣдственно имѣли вліяніе на государство болѣе 29-ши остальныхъ; все число гражданъ во 2-мъ Классѣ было третью перваго, а число гражданъ 3-го половиною, четвертаго съ нимъ равнялось, а пятаго вдвое превосходило. Положивъ въ 1-мъ классѣ 6000, всѣ Классы содержали 35,000. Это число, по мнѣнію Нибура, находится въ весьма вѣрномъ отношеніи къ 84,700, что было выводомъ первой ревизіи (census), остатокъ гражданъ отъ Классовъ составлялъ разницу.

И въ самомъ раздѣленіи Центурій каждаго Класса на стариковъ и юношей, основная мысль: дать вліяніе меньшему числу, не была упущена. Первыя Центуріи содержали въ себѣ всѣхъ до 45 лѣтъ; послѣднія, людей отъ сего возраста до 15 лѣтъ. Здѣсь при маломъ вниманіи ясно, что первыя долженствовали быть малочисленнѣе, и табели народонаселенія даютъ поводъ къ предположенію, что они были не болѣе половины. Но, поелику онѣ образовывали равное число съ центу-

---

Классахъ было къ каждой другой, какъ 1, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{3}{8}$. Здѣсь у Нибура смыслъ текста весьма темнъ.

ріями юношей, то и видно, какой запасъ приготовленъ былъ, дабы придать перевѣсъ людямъ старымъ и опытнымъ въ дѣлахъ. Если юношей перваго Класса было 4000 (Нибуръ замѣчаетъ, что когда ихъ не было столько, то и не было причины дѣлить на 40 центурій), придавъ половину (2000) старикамъ, мы найдемъ 6000 для перваго и 35,000 для всѣхъ Классовъ.

Подати Римлянъ установлялись мѣрою имуществъ, установленною при ревизіи. Каждый обязанъ былъ сдѣлать вѣрное объявленіе о своемъ семействѣ и податномъ имуществѣ; подать налагалась на тысячи, число измѣняемое и иногда тяжелое, но долги сюда не причислялись. Плебеи считали въ податномъ имуществѣ домы, доходныя земли и другое имущество; не вошедшіе-же въ Классы только домы и имущество. Патриціи, владѣвшіе общественными землями, которыя могли быть обращены въ казну, платили десятину, а съ собственности, въ городѣ и внѣ города, вѣроятно на равнѣ съ Плебеями. Явно, по огромнымъ работамъ, предпринятымъ во время послѣднихъ Царей, что государственные доходы были весьма значительны; по изгнаніи Царей, Патриціи освободили себя отъ платежа десятины, и ни одна великая работа не была уже предпринимаема.

Римскій *ассъ*, во времена Сервія, содержалъ въ себѣ полный фунтъ; послѣ сего, числа, назначенныя для опредѣленія имуществъ, могутъ удивить. Нибуръ входитъ по сему случаю въ подробное и любопытное изслѣдованіе о существѣ и

цѣнности монетъ сего періода въ средней Италіи; онъ ясно доказываетъ, что изобиліе и качество мѣди, доставляемой рудниками Римскаго государства и иностранною торговлею, были велики и дѣлали сей металлъ обыкновеннымъ и дешевымъ, такъ, что его употребляли даже на воинскіе доспѣхи и домашнія вещи. Нибуръ прежде того уже доказалъ, что неклейменные куски обращались въ Лаціумѣ, землѣ Самнитской и другихъ, и что деньги вѣсили, а не считали.

Центуріи, собравшіяся въ Comitium (Марсово поле), представляли собою видъ воинства. Тутъ была конница (Центуріи всадниковъ), линейная пѣхота и легкія войска (Классы), резервы (Accensi Velati), военные снаряды, музыканты (Fabri, Tibicines, Cornicines), обозъ (Proletarii), хотя послѣдніе и не составляли собою части воинства. По требованію, каждый Классъ и каждая Центурія поставляли своихъ воиновъ въ извѣстномъ, установленномъ порядкѣ. Древняя форма Римскаго Легіона была форма Греческой Фаланги. Каждая Центурія состоя изъ тридцати человѣкъ (по одному отъ триба), строилась въ легіонъ; первый Классъ составлялъ первую линію, другіе Классы остальные ряды, и вотъ причина, почему вооруженіе уменьшлаось по Классамъ: послѣдніе были защищены вооруженіемъ первыхъ. Accensi и Velati не входили въ легіоны, также какъ и въ Классы; они исправляли свою должность, и должны были идти за легіономъ и заступать убылыхъ, но какъ послѣдующіе всегда брали оружіе и мѣста убитыхъ или раненыхъ вои-

ноль, то Accensi всегда почти вступали въ легіонъ, дѣйствуя механически къ подкрѣпленію силъ его. Первый Классъ выводилъ въ поле 40 центурій, или 1200 человѣкъ; второй и третій, вмѣстѣ, столько-же; четвертый и пятый также 40, что все составляло 120 центурій. Первый Классъ всегда стоялъ въ первомъ ряду, выносилъ жаръ битвы, и такимъ образомъ платилъ за свои политическія преимущества, подвергаясь бо́льшимъ опасностямъ. Тоже было и съ всадниками, которые, легче одѣтые, подвергались всему натиску стрѣлъ, копій и камней непріятельскихъ.

Когда всѣ Центуріи собраны бывали на Марсовомъ полѣ, Царь, или чиновникъ его представлявшій, предлагалъ на голоса ихъ опредѣленіе Сената, относительно выборовъ, или закона, который читанъ былъ передъ ними. Неограниченная власть дана была имъ отвергнуть, но согласіе требовало подтвержденія курій. Патриціи весьма много потеряли своей силы при центуріальномъ учрежденіи. Впрочемъ, управляя большинствомъ Сената, гдѣ каждая мѣра была начинаема, они могли въ своихъ Куріяхъ отвергнуть законъ прошедшей Центуріи. Но Патриціи не удовольствовались тѣмъ. Если лѣтопись справедлива, они сдѣлали заговоръ и погубили Царя; тиранъ, коего возвели они на тронъ, былъ орудіемъ небеснаго мщенія за злодѣйство Патриціевъ. Соединясь съ Плебеями, они низвергнули сего тирана, и страшась Плебейскаго союза, не хотѣли уже возстановить конституціи Сервія.

— Здѣсь исключаемъ мы три страницы Англійской

рецензіи, ибо содержаніе ихъ не относится собственно къ творенію Нибура. Критикъ упоминаетъ о благородномъ негодованіи, съ какимъ Нибуръ защищаетъ права Плебеевъ Римскихъ и говоритъ о несправедливости Патриціевъ, описываетъ сильное чувство, съ какимъ заступается знаменитый Нибуръ за свободу Грековъ, находя въ ихъ борьбѣ съ Османами подобіе борьбы Плебеевъ съ Римскими дворянами. «Первый изобразивъ намъ,» продолжаетъ Критикъ, «въ настоящемъ видѣ права, истинный характеръ, духъ Плебеевъ, давъ имъ новое бытіе въ Исторіи, Нибуръ предстательствуетъ за нихъ у потомства, противъ олигархіи, жестокой и безумно угнетавшей ихъ; but the partizans of democracy and radicalism,» прибавляетъ Англійскій Рецензентъ, «must not dream of recurring to his pages for support. No man is more adverse than he is to democracy—none, we apprehend, more favourable to just and moderate monarchy. Twice has he inscribed his work to his august sovereign (Нибуръ посвятилъ свою книгу Его Величеству, Королю Прусскому. Eine Geschichte Roms, сказалъ онъ въ посвященіи, in hellen und grossen Umrissen, frey von störender Mannichfaltigkeit, mit lebendiger Wahrheit dargestellt, dürfte sich nicht weniger würdig achten die Aufmerksamkeit eines Fürsten zu beschäftigen als tief eindringende und umfassende Schilderungen der wichtigsten Epochen neuerer Zeit. Nicht so kritische Untersuchungen dunkler Zeiten des grauen Alterthums, nicht so ein Werk welches, indem es nahe herantritt um das Einzelne zu betrachten, selten die Standpunkte einnehmen kann vor denen sich jene reichen und grossen Uebersichten ausbreiten).

Мы удивляемся, что Критикъ находитъ достойнымъ особенной похвалы неизмѣнность мнѣній Нибура. «Таже горячая любовь къ истинѣ, добродѣтели и благоразумной свободѣ, таже ненависть къ тиранству и угнетенію, которыя оживляли страницы перваго изданія его книги, перешли вполнѣ и во второе.» Но какъ-же иначе? И не уже-ли простительны въ геніяльномъ писателѣ уклоненія отъ истины, по какимъ нибудь частнымъ отношеніямъ? — Далѣе, чувство національной гордости, являющееся у Англійскаго Рецензента, намъ весьма понятно. Нибуръ, приводя примѣры, касается спорнаго вопроса объ уравненіи правъ Ирландскихъ Католиковъ. «Справедливыя требованія Плебеевъ могутъ быть сравнены съ требованіями Ирландскихъ Католиковъ, дворянство, среднія званія и народъ коихъ находится въ такомъ-же угнетеніи, подъ лицемѣрнымъ предлогомъ религіи, съ равною справедливостію требуетъ своихъ правъ и, рано или поздно, получитъ ихъ.» Слова: *лицемѣрный предлогъ*, возбудили сильныя возраженія Англичанина. Отдадимъ однакожъ справедливость: не смотря на несоглашеніе въ такомъ дѣлѣ, гдѣ говорила національная гордость, читатели видѣли, какъ отзывался онъ о Нибурѣ, историкѣ и писателѣ. Предлагаемъ заключеніе рецензіи.

«Обширность статьи нашей заставляетъ насъ умолчать объ остальномъ содержаніи книги Нибура; онъ доводитъ происшествія до 260 года, излагая послѣдовавшія послѣ Сервія событія и установленіе трибунства. Два другіе тома будутъ представлять Исторію Рима

до окончанія республики. Съ нетерпѣніемъ ждемъ ихъ, и съ грустью думаемъ, что мы не скоро ихъ увидимъ, ибо здоровье знаменитаго Автора, какъ мы узнаемъ отъ него самаго, можетъ задержать ихъ появленіе. Впрочемъ, мы обращаемъ вниманіе просвѣщенныхъ читателей на первое изданіе. Конечно, первый томъ онаго теряетъ свою цѣну послѣ изданія его вторично, болѣе обширнымъ развитіемъ испытательнаго ума, освѣтившаго самобытную теорію, и измѣненіями, какія ученость и трудъ сдѣлали въ оном; но второй томъ, гдѣ изъяснены законы о раздѣленіи полей и другіе важные предметы, стоитъ изученія прилежнаго; самъ Авторъ говоритъ, что онъ хочетъ не передѣлать, но только дополнить и исправить его, почему можно полагать, что при новомъ изданіи онъ не потерпитъ большихъ измѣненій.

«Надобно-ли наконецъ сказать вообще наше мнѣніе о твореніи Нибура? Говоривъ о немъ подробно, можемъ добавить теперь только то, что это твореніе геніяльное, и прискорбно видѣть, когда такіе люди, каковы Шлегель и Вахсмутъ, судили объ немъ столь невѣрно. Впрочемъ, если они имѣли несчастіе не соглашаться съ Нибуромъ во многомъ, за то говорили вообще искренно, умѣренно, и самъ Нибуръ конечно согласится, что замѣчанія ихъ иногда были ему пригодны. Пошомство конечно не забудетъ и тѣхъ людей, которые противорѣчили Нибуру.»

Рецензентъ извѣщаетъ читателей объ Англійскомъ переводѣ Нибуровой Римской Исторіи, съ *перваго изданія*, и входитъ въ нѣкоторыя крити-

ческія сличенія онаго съ подлинникомъ. Сіи критическія замѣчанія были-бы безполезны для нашихъ читателей. Мы надѣемся досшавишь имъ болѣе удовольсшвія, извѣсшивъ, чшо одинъ изъ молодыхъ лишшераюровъ Русскихъ переводишъ уже Исторію Нибурову, съ 2-го изданія, и, можешъ бышь, въ концѣ нынѣшняго года начнешъ печашашь сей переводъ. Прочшешъ-ли хошь шогда *старое* поколѣніе нашихъ лишшераюровъ сіе великое швореніе? Освободящъ-ли наконецъ хошь шогда Русскіе Авшоры и Переводчики Римскую Исшорію ошъ волчицы Ромуловой и прыжковъ Рема черезъ Римскія сшѣны? Посшыдяшся-ли хошь шогда (въ нѣкоюрыхъ пансіонахъ) учишь Римской Исшоріи по книжонкамъ Шрекка и Гильмара Кураса?

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Книги 1828 года.

— *Сочиненія въ прозѣ и стихахъ.* Труды Общесшва Любишелей Россійской Словесносши при Имперашорскомъ Московскомъ Универсишешѣ. *Часшь седьмая.* М. 1828 г., въ ш. Универсиш., in 8, V и 301 сшр.

Книга, находящаяся передъ нашими глазами, есшь 27-й шомъ Трудовъ Общесшва Любишелей Россійской Словесносши. Предшесшвовавшіе шомы заключаюшъ въ себѣ много замѣчашельныхъ и важ-

ныхъ статей, дѣйствительно споспѣшествовавшихъ успѣхамъ нашей Словесности. Разсмотримъ содержаніе сего седьмаго тома второй коллекціи.

Сочиненія прозаическія. *Рѣчь при возобновленіи засѣданій Общества* (соч. Ѳ. Ѳ. Кокошкина). Авторъ благодаритъ сочленовъ своихъ за избраніе его въ Предсѣдатели Общества, напоминаетъ о прошедшей славѣ онаго, даетъ обѣтъ слѣдовать по стопамъ незабвеннаго предшественника своего (А. А. Прокоповича-Антонскаго), говоритъ, что цѣль Общества есть «усовершенствованіе Отечественной Словесности, а благородный предметъ всѣхъ членовъ онаго польза роднаго языка и слава Отечества.» Мы увѣрены въ этомъ; но, послѣ сего, мы никакъ не ожидали-бы встрѣтить въ Рѣчи Г-на Предсѣдателя слѣдующія слова: «Здѣсь (въ Обществѣ) развѣ *только по слухамъ извѣстны* странныя пренія о томъ, классической или романтической, родъ превосходнѣе.» Какъ? Общество, имѣющее цѣлію усовершенствованіе Отечественной Словесности, почитаетъ преніе о Классицизмѣ и Романтизмѣ страннымъ?... Мы не вѣримъ глазамъ своимъ, читая сіи строки. Преніе о Классицизмѣ и Романтизмѣ занимаетъ всю грамотную Европу; отъ рѣшенія онаго зависитъ участь Словесности — а Общество Словесности находитъ сіе преніе страннымъ, и какъ будто радуется, что можетъ играть въ молчанку, при общемъ движеніи!... Но если Общество удостоиваетъ мѣлочныя произведенія въ стихахъ и прозѣ своими сужденіями, если оно занимается критикою сего рода литературы, то можно-ли ему оставаться въ бездѣйствіи

при рѣшеніи такого вопроса, отъ котораго колеблется весь міръ литературный и зависитъ будущая участь сего самаго Общества? Мы скорѣе поняли-бы, если-бъ Общество объявило войну Романтизму, основавшись на какихъ нибудь уважительныхъ причинахъ: но бездѣйствіе есть во всякомъ случаѣ смерть. Жизнь оказывается въ дѣятельности. И въ чемъ-же Общество полагаетъ усовершенствованіе Словесности, если не въ рѣшеніи важныхъ вопросовъ о Словесности, не въ совершеніи такихъ подвиговъ, которые тягостны и часто невозможны для отдѣльнаго лица? Общество составляетъ авторитетъ (да проститъ намъ оно сіе чужеземное выраженіе!) и потому-то его голосъ потребенъ и силенъ не въ мѣлочахъ, а въ огромныхъ литературныхъ вопросахъ. Посмотримъ однакожь, чѣмъ занималось Общество въ послѣднее время, ибо Рѣчь Г-на Предсѣдателя произнесена 28 Ноября 1827 года, и всѣ труды, подъятые Обществомъ послѣ сего, напечатаны въ разсматриваемой нами книгѣ.

Похвальное слово В. В. Капнисту (соч. А. И. Писарева) (*). Статья сія оживлена чувствомъ истиннаго уваженія къ творцу *Ябеды*. Но только сія неподдѣльность чувства и отличаетъ, можетъ быть послѣднее сочиненіе покойнаго Писарева, отъ обыкновенныхъ, заказныхъ похвальныхъ словъ, ибо въ его Словѣ много противорѣчій, общихъ

(*) Оно было уже напечатано въ 5-й книжкѣ Атенея 1828 года.

мѣстъ и излишней хвалы. Напримѣръ, Авторъ увѣренъ, что Ломоносовъ «избралъ лирическій родъ предпочтительно прочимъ;» онъ доказываетъ, что это было необходимо, неизбѣжимо, но, далѣе, самъ упоминаетъ, что Ломоносовъ занимался и другими родами поэзіи. Въ наше время рѣшено, что Ломоносовъ былъ Лирикъ, Трагикъ, Эпикъ, Ораторъ, но все это болѣе по должности, нежели по вдохновенію, что въ этомъ онъ какъ-бы желалъ только показать примѣръ другимъ; главнымъ-же стремленіемъ его были науки, гдѣ онъ видѣлъ неизмѣримое поприще своему дѣятельному генію. Авторъ Слова увѣряетъ, что онъ глядитъ на Капниста «безпристрастнымъ взглядомъ критика» — и ставитъ его, какъ Лирика, на ряду, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше Державина и Дмитріева; въ *Ябедѣ* онъ видитъ и Аристофана, и Мольера, и Шекспира (!!). Теоретическіе выводы Автора могли-бы дать поводъ къ сильному опроверженію. Вообще, надобно прибавить, что если Общество перепечатало сіе Слово изъ уваженія къ памяти Писарева, то мы готовы отдать ему всю справедливость, и скажемъ искренно, что немногіе изъ нашихъ литтераторовъ напишутъ статью столь плавнымъ, чистымъ слогомъ, какимъ писалъ покойный Писаревъ. Но если статью о Капнистѣ выдаютъ намъ какъ разсужденіе, достойное вниманія по мыслямъ, выводамъ и заключеніямъ, то мы никакъ не признаемъ въ ней сихъ достоинствъ. Впрочемъ, если-бы Общество занималось Романтизмомъ и Классицизмомъ, то оно непремѣнно было-бы согласно съ нами; но

послѣ торжественнаго отрицанія Г-на Предсѣдателя (см. выше), мы молчимъ, ибо въ спорѣ не будемъ понимать другъ друга.

Опредѣленія (соч. И. Ѳ. Калайдовича). Не ужели эта статья была читана въ Обществѣ?... Вотъ образчики изъ нея: «Истинно то, что въ самой вещи есть; ложно то, чего въ самой вещи нѣтъ. Истина радуетъ, ложь печалитъ; истина животворитъ, ложь убиваетъ; истина покоитъ, ложь возмущаетъ; истина питаетъ, ложь насытить не можетъ; истина согрѣваетъ сердце, ложь леденитъ его.—Радость—пріятное *ощущеніе духа;* печаль—непріятное. О радости и говоришь радостно. Радуюсь, что вижу васъ въ добромъ здоровьѣ. Вы крайне обрадовали меня вашимъ посѣщеніемъ. Какъ я радъ, любезный другъ, что вы пристроился къ мѣсту.» Все это очень хорошо, но для чего это напечатано?

О происхожденіи Италіянскаго языка (соч. С. Е. Раича). Развѣ происхожденіе Итальянскаго языка относится къ трудамъ *Общества Любителей Россійской Словесности?* Да и самая статья сія не стоила того, чтобы представлять ее въ Общество. Это какой-то отрывокъ, несвязный, дурно написанный (*). Взявъ Тирабоски, Женге-

(*) Есть-ли связь въ слѣдующемъ предложеніи: «Много и конечно не безполезно говорено было о вліяніи знаковъ на идеи; доказано также, что языкъ тогда только *возвышается до степени языковъ литературныхъ*, когда народъ до *извѣстной степени возвысится въ политическомъ отношеніи.*» Что это такое? Логогрифъ, Шарада, Загадка, или Омонимъ?

не, Сисмонди, или даже одного изъ нихъ, можно въ три часа написать объ Итальянскомъ языкѣ статью, получше этой.

Письмо изъ Мещоры (соч. М. Н. Макарова). Это отрывокъ изъ юмористическаго путешествія, въ 1821-мъ году. Авторъ самъ прекрасно характеризируетъ оное. «Я не всегда,» говоритъ онъ, «какъ бы слѣдовало, занимаюсь подробностями мѣстными: я мучусь только человѣческимъ нетерпѣніемъ видѣть все вдаль, все вдаль, знать одно *новое* и одно новое, иногда ненужное и незначительное!... а потому, какъ и слѣдуетъ, частехонько забывая *самое* любопытное, говорю и разсказываю тебѣ собственно только о *самыхъ* бѣдныхъ поверхностяхъ.» Не понимаемъ, для чего и сія статья напечатана въ *Трудахъ* Общества Россійской Словесности?

О похвальныхъ словахъ. Отрывокъ (соч. И. И. Лажечникова). Хорошо написанный, но, по мнѣніямъ, не нашего времени отрывокъ. Для чего Общество не занимается теоріею Классицизма и Романтизма!

Отрывки изъ Цицероновой Рѣчи противъ Цецилія (съ Латинскаго А. Клвъ). *Знаніе Музыки и Геометріи необходимо для Оратора* (изъ Квинтиліана Л.). Не знаемъ, кто трудился надъ переводомъ сихъ двухъ отрывковъ; но, вспоминая о переводахъ изъ Латинскихъ Классиковъ, И. И. Давыдова, помѣщенныхъ въ прежнихъ томахъ Трудовъ Общества, дивимся смѣлости новыхъ Гг-дъ Переводчиковъ. Этимъ господамъ не худо было-бы

припоминать себѣ почаще слѣдующія слова изъ ихъ собственнаго перевода: »Того мало, если вы хочешь какъ нибудь успѣть, чтобы тебя слушали; должно произвести то, чтобы слушали тебя съ охотою и съ удовольствіемъ (стр. 109.)«

Стихотворенія. Въ семъ отдѣлѣ Трудовъ Общества на сей разъ участвовали: Гг. Кокошкинъ, Шатровъ, П. Ѳ. Калайдовичъ, Бороздна, А. А. Писаревъ; Кн. И. М. Долгорукій, Шевыревъ, Раичъ, Аксаковъ, Д. П. Глѣбовъ, Колачевскій, . . . вичъ, Новиковъ, С. В. Капнистъ, Кн. Шаховской, Ив. Сл., Слѣпцовъ, Волковъ, Трегубовъ. Замѣчательнаго мы ничего не встрѣтили.

За симъ слѣдуютъ: *Протоколы засѣданій Общества, письма разныхъ лицъ и дѣловыя бумаги.* Неужели все это такъ любопытно, что надлежало занять сими посторонними Литературѣ дѣлами 61 страницу? И почему Общество причисляетъ къ Трудамъ своимъ дѣловыя, писанныя въ Департаментахъ и Присутственныхъ мѣстахъ бумаги, въ сочиненіи коихъ трудились Гг. Письмоводители и Секретари сихъ мѣстъ, а не члены Общества? Замѣтимъ еще, что въ протоколахъ засѣданій иностранныхъ ученыхъ обществъ обыкновенно излагается и вся сущность читанныхъ статей. У насъ-же, напротивъ, говорятъ: »Г. А. читалъ *рѣчь*; Г. В. читалъ свою *статью*; Г. С. читалъ *отрывокъ*; Г. Д. читалъ свои *стихи*.« Какое понятіе даетъ это публикѣ о трудахъ Общества? ибо книги конечно издаются для публики. Если-же статьи напечатаны вмѣстѣ съ протоколами, то къ чему повторять названіе статей?

Наконецъ, въ видѣ приложеній, напечатаны слѣдующія статьи: *Производнаго Словаря буква Д* (Н. А. Бекетова). Вотъ истинно дѣльное занятіе Общества! Конечно трудъ сей можно назвать только приготовительнымъ и весьма несовершеннымъ, но онъ относится къ надлежащимъ занятіямъ Общества — и довольно. Статья *объ Офенскихъ словахъ*, по нашему мнѣнію, не принесетъ ни малѣйшей пользы. Какое употребленіе можно сдѣлать изъ этихъ варварскихъ, областныхъ (*), не Русскихъ словъ? — Непоняшное названіе небольшой статьи: *Слова, произносимыя Рязанской губерніи въ Раненбургскомъ уѣздѣ*, столько-же изумляетъ насъ, какъ и содержаніе оной! Что это такое? Къ чему послужатъ для Русскаго языка исковерканныя уѣздныя слова, и какая надобность намъ, что въ Раненбургскомъ уѣздѣ говорятъ, вмѣсто: стыдить — *абизорить*, самая дура — *Баиолда*, форштмейстеръ — *бахместеръ*, шалить — *дуровать*, и проч. и проч.?

Вотъ обозрѣніе Трудовъ Общества Л. Р. Сл., почти за полтора года. Стремится-ли къ своей цѣли Общество? Оправдываетъ-ли оно свою прежнюю славу?... Будемъ надѣяться, что слѣдующій томъ Трудовъ его доставитъ болѣе пищи для ума и воображенія. Мы увѣрены, что почтенный Предсѣдатель и достойные сочлены его обратятъ

(*) Это и не областныя, но условныя, вымышленныя слова, между торговцами, которые слывутъ Офенами. Неужели это нарѣчіе?

наконецъ вниманіе на тѣ предметы, которые достойны занятій ихъ, и не всегда будутъ наполнять томы Трудовъ своихъ несвязными отрывками, безцѣльными собраніями словъ, посредственными стихами, протоколами, бумагами Присутственныхъ мѣстъ и взаимными комплиментами. Замѣтимъ, мимоходомъ, что не худо было-бы Обществу попящнѣе издавать свои Труды: оно имѣетъ для сего средства. *Седьмой* томъ напоминаетъ своею наружностью времена Гуттенберга и Фауста.

Кс. П.

— *Историческія Записки Императрицы Іозефины*, Маріи — Розъ Ташеръ де ла Пажери, первой супруги Наполеона Бонапарте, собранныя дѣвицею М. А. Ле-Нормандъ. М. 1828 г. въ т. Селивановскаго, 2 ч., in-8. 279 и 308 стр.

Дѣвица Ленорманъ извѣстна болѣе славою ворожеи, нежели писательницы. Во время Наполеона она терпѣла даже гоненія за свои некромантическія проказы и потому-то, можетъ быть, ея Записки о Іозефинѣ отзываются немилостью къ покойному Императору. Ей не должно вѣрить на слово. На ряду съ Записками дѣвицы Ленорманъ можно поставить ея-же: *Пророческія воспоминанія Сивиллы, о причинахъ взятія ея подъ стражу въ* 1809 *году*, книгу, изданную *въ* 1814 *году*. Извѣстный остроумiемъ своимъ, Французскій Журналистъ Гофманъ назвалъ ее за сію книгу *скучною волшебницею* (la sorcière ennuyeuse), и вытерпѣлъ отъ нея жестокую брань въ другомъ Журналѣ. Она еще издала нѣсколько книгъ, въ Сивиллиномъ родѣ, и наконецъ вы-

ступила на литтературную сцену съ *Записками Іозефины*. Это сочиненіе имѣло успѣхъ во Франціи, ибо оно любопытно, хотя, какъ мы уже упомянули, ему не во всемъ должно вѣрить. Русскій переводъ довольно хорошъ; онъ сокращеннѣе подлинника.

Книги 1829 года.

Букетъ. Карманная книжка для любителей и любительницъ Театра, на 1829 годъ. Изданная Е. Аладьинымъ. СПБ. 1829 г. въ т. Мед. Деп. Мин. Вн. дѣлъ, in-16. 324 стр. Съ поршрешомъ и грав. заглавнымъ листкомъ.

Книга сія могла-бъ быть весьма пріятнымъ подаркомъ для домашнихъ театровъ, если-бы Издатель ея былъ построже въ выборѣ пьесъ. Литтератора займетъ не надолго это собраніе, ибо оно составлено изъ легонькихъ комедій и отрывковъ. Скажемъ о нихъ свое мнѣніе. *Говорить правду, потерять дружбу*, комедія въ 1 дѣйствіи, соч. Мариво (Les Sincères), передѣланная съ Французскаго (прозою) П. А. Катенинымъ. Это одна изъ самыхъ безвѣстныхъ комедій Мариво. Лучшими пьесами его Французы почитаютъ слѣдующія: La Surprise de l'amour, Les Fausses Confidences, Les Jeux de l'Amour et du hasard. «Я отдалъ-бы яблоко послѣдней», сказалъ Жоффруа, «но объявляю, что прекраснѣйшая изъ сихъ трехъ богинь есть не иное что, какъ простая смертная. Мариво пренебрегъ изученіе нравовъ и характеровъ; онъ сбился съ пути въ лабиринтѣ женскаго сердца, занимаясь только разсматриваніемъ и разложеніемъ множества

изгибовъ и складокъ онаго, невѣдомыхъ самимъ женщинамъ. Въ его комедіяхъ нѣтъ ни картинъ, ни портретовъ: однѣ фантастическія миніатюры, похожія и на все и ни на что. Онъ старался изображать однѣхъ женщинъ; мужскія фигуры у него всегда только принадлежности, замѣшавшіяся случайно между женщинами. Да и въ женщинахъ онъ описывалъ всегда одно: какъ онѣ поддаются любви и какъ стараются скрывать отъ другихъ и отъ самихъ себя раждающуюся страсть. Вотъ разборъ всѣхъ пьесъ Мариво! » Такъ оцѣниваютъ Мариво сами просвѣщенные Французы, и послѣ этого мы не постигаемъ, что побудило Гна Кашенина передать намъ весьма плохую пьеску осмѣяннаго, устарѣлаго Французскаго Комика, котораго манерность и изысканность въ драматическихъ пьесахъ и въ романахъ, также нѣкогда славныхъ, запечатлѣна извѣстнымъ словцомъ: Marivaudage. У него естественна одна неестественность; онъ вѣчно гоняется за умомъ, вѣчно не впопадъ, и, за это желаніе казаться острякомъ, къ нему справедливо примѣняли стихъ:

L'esprit qu'on veut avoir, gâte celui qu'on a.

О слогѣ перевода говорить не будемъ. Кажется, что Г. Переводчикъ не пересмотрѣвши отдалъ свой трудъ въ печать. Многія выраженія его напоминаютъ *любезничество* слога Гна Погодина. — *Монологъ Берты* изъ Грильпарцеровой трагедіи: *Прародительница* (die Ahnfrau). Стихи довольно гладки, но слабы — *Полночь, или кто прежде поцѣлуетъ?* Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ

вольныхъ стихахъ, передѣланная съ Французскаго Господиномъ Каратыгинымъ. Въ краткомъ извѣстіи о драматической напечатанной пьесѣ, не всегда должно излагать ея содержаніе, потому что у читателя, который узнаетъ содержаніе ея изъ Журнала, это отнимаетъ много занимательности при чтеніи самой пьесы. Скажемъ просто, что *Полночь* есть милая, веселая комедійка, переведенная на Русскій языкъ не только вольными, но и *свободными* стихами. Желаемъ дальнѣйшихъ успѣховъ Г-ну Переводчику! Онъ пишетъ стихи не хуже первоклассnаго (для пріятелей) Комика нашего Князя Шаховскаго. Тѣже пріемы, свобода и недостатки. *Монологъ Беатрисы*, изъ Шиллеровой трагедіи *Мессинская Невѣста*, вполнѣ переведенной Г-мъ Ротчевымъ и печатаемой въ Москвѣ. Отрывокъ сей заставляетъ желать появленія въ свѣтъ всего перевода (*). *Тетушка, или она не такъ глупа*, комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. Князя А. А. Шаховскаго. Довольно скучная и незанимательная по завязкѣ, но бѣглыми стихами написанная комедія. Это одинъ изъ листиковъ *вѣнка первой степени*, надѣваемаго на Автора Аристофана нѣкоторыми критиками.—*Отрывки изъ комедіи: Арзамасскіе гуси* (соч. Н. Х.). По нашему мнѣнію это лучшій цвѣтокъ въ *Букетѣ*. Непритворная веселость и необыкновенная легкость сти-

(*) Во время печатанія сего листа, переводъ Г-на Ротчева вышелъ въ свѣтъ: мы вскорѣ дадимъ объ ономъ отчетъ.

ховъ въ сихъ отрывкахъ, даютъ намъ средство угадать, что Авторъ оныхъ есть Н. И. Хмельницкій, любимѣйшій изъ современныхъ Русскихъ комиковъ, но, къ общему сожалѣнію, давно забывшій благодарную Публику. Въ самомъ дѣлѣ, не взирая на всѣ неблагопріятныя для сего отличнаго Автора, впрочемъ случайныя, временныя *театральныя отношенія*, почти всѣ, оригинальныя и переводныя, пьесы его безпрестанно играются на публичныхъ театрахъ обѣихъ столицъ и на домашнихъ театрахъ лучшихъ обществъ. Ненапечатанная комедія его: *Нерѣшительный*, ходитъ въ публикѣ, переписанная тысячу разъ. Какого успѣха надобно еще желать? Какой признательности къ дарованію, и признанія, что пьесы Г-на Хмельницкаго нравятся всѣмъ? Отъ него публика требуетъ одного: новыхъ пьесъ, ибо напередъ увѣрена въ ихъ достоинствѣ. Отрывки изъ *Арзамасскихъ гусей* порадовали насъ еще и тѣмъ, что положенія и стихи въ нихъ исполнены такою силою и новостью, какихъ не было въ прежнихъ пьесахъ Г-на Хмельницкаго: доказательство, что онъ совершенствуется. Для примѣра, выписываемъ слова *Побродяжкина*, который по своему толкуя *Любушкѣ* о Петербургскомъ наводненіи 7-го Ноября 1824 года, восклицаетъ:

А кто несчастію причина?
Блаженной памяти покойный Государь
Петръ Алексѣевичъ! Былъ умный Царь,
А къ морю черезъ чуръ подъѣхалъ близко.
Какъ въ ямѣ строиться, когда есть материкъ?

Вотъ то-то, матушка! и былъ великъ,
А выстроился низко.

— *Свѣтскій случай*, комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, Н. И. Х., то есть, какъ мы полагаемъ, того-же Автора. Доселѣ пьеса сія была извѣстна только по отрывку, напечатанному въ одномъ Альманахѣ, года за три. Говоря, по всегдашней привычкѣ нашей, правду, всѣмъ и каждому, признаемся, что причисляемъ пьесу сію къ слабѣйшимъ произведеніямъ Г-на Хмельницкаго. Впрочемъ, извѣстная аксіома, что нелучшее отличныхъ писателей составило-бы славу посредственныхъ. Такъ думаемъ мы и о *Свѣтскомъ случаѣ:* нѣкоторыя, истинно комическія сцены, и рѣзвость, мѣткость многихъ стиховъ, выкупаютъ въ сей комедіи незанимательность и неестественность завязки. *Отрывки изъ Манускрипта, подъ названіемъ: Опытъ Словаря театральнаго и проч.* Безтолковость названія, худая примѣта для сочиненія! Прочитавъ *Отрывки изъ Опыта Словаря*, мы думаемъ, что Авторъ нарочно пишетъ его въ простонародномъ вкусѣ, желая придать своему сочиненію комическій тонъ. Но попытка сія неудачна, ибо грубыя выраженія всегда бываютъ не остры. Примѣръ: «Комическіе актеры дѣлаютъ *иногда не* «*кстати* каррикатурныя ужимки, прибавляютъ отъ «себя слова, и, *кратко* сказать, *дурачатся* на «сценѣ.» Къ тому-же, въ изъясненіяхъ Автора видно незнаніе своего предмета, заставляющее думать, что онъ никогда не бывалъ въ театрѣ. Примѣръ: «*Аплодисментъ* и проч. Въ Лексиконѣ

«такъ объяснено сіе слово: радостное восклицаніе, «*совоплесканіе*, рукоплесканіе, радостный кликъ, «веселый шумъ, и всякое изъявленіе *отличнаго* удо- «вольствія; но какъ у насъ, и во всякомъ благо- «устроенномъ правленіи (развѣ *мы* — правленіе?), «непозволительны въ театрѣ ни радостное вос- «клицаніе, ни радостный кликъ, ни веселый шумъ, то «мы просто скажемъ, что *Аплодисментъ* есть одо- «браніе, *оказываемое* зрителемъ актеру или автору «*посредствомъ рукоплесканія*, то есть *біеніемъ ладо- «ни объ ладонь!*» Не говоря о слогѣ, спрашиваемъ всѣхъ, посѣщающихъ театры обѣихъ столицъ: такой-ли Лапрапскій монастырь, такую-ли пантомимную бесѣду находимъ мы въ нашемъ партерѣ? И откуда получилъ извѣстіе Авторъ, что въ благоустроенныхъ государствахъ непозволительны въ театрѣ ни радостныя восклицанія, ни радостный кликъ, ни веселый шумъ? Напротивъ, и во Франціи, и въ Россіи, и вездѣ, громкія рукоплесканія сопровождаются обыкновенно крикомъ: *браво!* и разными привѣтливыми восклицаніями къ актерамъ, такъ что отъ нихъ иногда, какъ говорится, стонутъ театральныя стѣны. Правительство никогда не запрещаетъ веселиться и радоваться: веселитесь на здоровье! Скажемъ за тайну Автору, что оно именно для этого устроиваетъ и театры. Наблюдается одно условіе всякаго собранія порядочныхъ людей: не выходить изъ границъ благопристойности и приличія. Желая добра Автору, совѣтуемъ ему сдѣлать со своимъ манускриптомъ то, что, говорятъ, хотѣлъ сдѣлать Виргилій съ рукописью своей Энеиды. — *Театральные Анекдоты*. . . Поща-

дите, Г-нъ Переводчикъ Анекдотовъ, Французскіе подлинники оныхъ, читателей, и рецензента.

Изданіе сего Альманаха весьма хорошо. Тоже должно было сказать объ изданіи *Подснѣжника*, но это пропущено нами единственно по ошибкѣ. Въ Русскихъ книгахъ достоинство изданія, не часто встрѣчаемое, должно быть замѣчаемо. Прибавимъ, что отсутствіе типографической роскоши особенно непріятно въ альманахахъ, многими покупаемыхъ для подарка дамамъ. Портретъ Г-на Карамзина, приложенный къ *Букету*, сходенъ съ подлинникомъ своимъ и выгравированъ прекрасно.

— *Стихотворенія Барона Дельвига.* СПб. 1829 г., въ т. Деп. Народн. Просв., in 8, IV и 173 стр.

Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ Телеграфа мы помѣстимъ разборъ сихъ прелестныхъ стихотвореній. Теперь сдѣлаемъ только библіографическую замѣтку. На обертѣ сей книги напечатано: *Цѣна 10 рублей, съ пересылкою 11 рублей.* Конечно, всякій воленъ назначать своему труду цѣну; но и мы вправѣ сказать, что книгу, въ 10 съ небольшимъ листовъ, безъ гравюръ, напечатанную такимъ образомъ, что на многихъ страницахъ пришлось по четыре и даже по два стиха, такую книжечку продавать по 10 рублей—не сообразно ни съ чѣмъ! Самъ владѣлецъ ея ошибется въ разсчетѣ, ибо положи онъ свою книгу по 5 рублей за экземпляръ, и, мы увѣрены, ея разошлось-бы вдвое болѣе, нежели при 10 рублевой цѣнѣ. Дорогую цѣну надобно полагать за плохія книги, а Сочиненія Барона

Дельвига вознаградили-бы цѣну многочисленностью читателей. За чѣмъ Авторъ не поддержалъ самымъ дѣломъ своего эпиграфа :

Das Lied, das aus der Kehle dringt,
Ist Lohn, der reichlich lohnet?

Авторы наши ссылаются на Байрона, который бралъ за свои сочиненія кучи золота; но онъ бралъ ихъ отъ книгопродавца, который назначалъ за произведенія Байрона обыкновенную цѣну, и заплаченная Автору сумма вознаграждалась для книгопродавца тысячами продаваемыхъ экземпляровъ. Ладвока заплатилъ Шатобріану за его сочиненія болѣе полумилліона франковъ, но продавалъ ихъ по $7\frac{1}{2}$ франковъ за толстый томъ превосходнаго изданія. Недавно за рукопись *Генриха III-го*, знаменитой драмы Дамаса, книгопродавецъ заплатилъ 9000 франковъ, но продаетъ печатные экземпляры оной по обыкновенной цѣнѣ. У насъ, напротивъ, гдѣ все дешевле, чѣмъ во Франціи, можно-ли налагать на книги огромную цѣну ? Скажутъ: у насъ мало читающихъ. Тѣмъ болѣе должно продавать книги дешево, чтобы число читающихъ увеличилось. Можемъ увѣрить Автора Купальницъ, что многіе, истинно уважающіе его люди, образованные юноши, которыхъ участіемъ онъ долженъ дорожить, *для которыхъ именно онъ пишетъ*, съ сожалѣніемъ разстаются съ его книгою, услышавъ отъ книгопродавца цѣну оной, ибо есть-ли возможность удѣлить на книгу *десять* рублей, если весь доходъ состоитъ, напримѣръ, изо ста рублей

въ мѣсяцъ? Авторы надѣются на достаточныхъ людей: надѣйтесь!

Упрекъ нашъ относится не къ однимъ Стихотвореніямъ Барона Дельвига, но ко всѣмъ несоразмѣрно дорого продаваемымъ книгамъ. Мы вступились за пользу Литтературы, бѣднѣющей читателями отъ излишней привязанности Авторовъ нашихъ—по крайней мѣрѣ не къ читателямъ!

Кс. П.

—*Господинъ Ботъ.* Соч. Пиго-ле-Брюня. Переводъ съ Французскаго Н. Левицкаго. СПб. 1829 г., въ т. А. Смирдина. 4 части, in 12, 240, 230, 240 и 253 стр.

Фамилія Г-на Переводчика затрудняетъ Библіографа. На заглавныхъ листкахъ 3-й и 4-й части, она напечатана такъ, какъ означено нами въ заглавіи, а въ Приношеніи, напечатанномъ при 4-й части, иначе. Вотъ для любопытныхъ вполнѣ сіе Приношеніе: « *Ея Превосходительству, Милостивой Государынѣ, Еленѣ Степановнѣ, высокопочтеннѣйшей супругѣ Г-на Тайнаго Совѣтника, Сенатора, и ордена Св. Анны 1-й и Св. Владиміра 2-й степени Кавалера, Павла Гавриловича Дивова, отъ Дѣйствит. Статск. Совѣтника Н. Левитскаго. Усерднѣйшее приношеніе.* » Просимъ угадать послѣ этого фамилію Г-на Переводчика: *Левицкій* или *Левитскій?* Это конечно недосмотръ; но недосмотровъ въ сей книгѣ *весьма не одинъ.* При первой и второй частяхъ нѣтъ заглавныхъ листковъ, и если-бы не благодѣтельныя слова: *конецъ первой, конецъ второй части,* то читатель не зналъ-бы, съ ко-

торой книжки ему начинать. Переводъ сего романа такъ дуренъ, какъ только возможно. Вообразите себѣ высочайшее незнаніе языковъ, и того, съ котораго переводятъ, и того, на который переводятъ, вообразите совершенное незнаніе литтературныхъ приличій, вообразите переводъ съ такими принадлежностями, и, навѣрное, Русскій *Ботъ* превзойдетъ ваши ожиданія. Это явленіе, достойное вниманія въ наше время. Списываемъ, для образчика, первую страницу четвертой части: «Софія, *не смотря на смущеніе своихъ чувствъ*, была способна къ размышленію. Непредвидѣнное происшествіе (?) могло перемѣнить образъ мыслей ея отца, и сквозь слезы она въ будущемъ усматривала благополучіе (?!). Карлъ, *горячій*, *стремительный*, не иное что видѣлъ, какъ только препятствія (!). Его возвышенное воображеніе представляло ему *оныя* непреодолимыми, и Г-нъ Бошъ, *пошедши* къ нему, *увидѣлъ* напжалостнѣйшее зрѣлище: племянникъ его былъ *присматриваемъ* въ безпамятствѣ, *не узнающій* ничего окружающаго *его*, даже *своего* дяди, *коего* одинъ голосъ заставлялъ *его* прежде дрожать, и который теперь *толь* ему любезенъ (??).» Бѣдный Пиго-Лебрёнь!

Гг. Петербургскіе журналисты часто, и по дѣломъ, нападаютъ на Московскихъ Переводчиковъ. Мы почитаемъ нападеніе на писателей *такого-то* именно города (какъ будто приписныхъ къ нему!), слишкомъ недальновиднымъ: дурныхъ писателей, такъ-же какъ и разныхъ родовъ дурнаго, столькоже въ Петербургѣ, какъ и въ Москвѣ. Обличайте дурнаго Автора или Переводчика *вездѣ*, не спра-

шивая о его родѣ и племени. Какое намъ дѣло, кто онъ и гдѣ живетъ? Мы судимъ о книгѣ, а не о человѣкѣ. Вотъ, напримѣръ, и Петербургская книга, а недостатки ея напоминаютъ Гренландію. Видно, что великолѣпныя стѣны, памятники и просвѣщеніе Петербурга не научаютъ порядочно писать.

— *Два года въ Константинополѣ и Морев* (1825—1826), или историческіе очерки Махмуда, Янычаръ, новыхъ войскъ, Ибрагима Паши, Солимана Бея, и проч. Соч. К. Д. Перевелъ съ Французскаго А. Очкинъ. *Изданіе второе, исправленное.* СПб. 1829 г., въ т. Ив. Глазунова, gr. in 8. IV и 213 стр., съ 16-ю раскрашенными картинками.

Книга сія сдѣлалась столь извѣстна своими достоинствами, что мы почитаемъ ненужнымъ прибавлять что либо къ извѣстію о ней, помѣщенному въ 23-й книжкѣ М. Телеграфа на 1828-й годъ. Необыкновенный успѣхъ перваго изданія Русскаго перевода сей книги, обѣщаетъ и *второму* благопріятную будущность.

— *Спасаемая Греція*, или картина военныхъ дѣйствій Россіянъ противъ Турокъ, въ 1827 и 1828-мъ годахъ. Съ приложеніемъ оффиціяльныхъ актовъ, партикулярныхъ писемъ и военныхъ анекдотовъ. Съ гравированными портретами и картинками. 2 ч. СПб. 1829 г., въ т. Ивана Байкова, in 8, 58, XX и 262, XXX стр.

Книга, весьма хорошо составленная и красиво изданная. Въ ней собраны всѣ оффиціяльныя, въ газетахъ напечатанныя, статьи, касательно нынѣшней войны съ Турками, начиная отъ Лондон-

скаго договора 24 Іюня 1827 года, до окончанія прошлогодней кампаніи. Кому не любопытно повторить въ памяти своей описаніе сихъ великихъ событій? Сверхъ того, книга сія послужитъ превосходнымъ матеріяломъ для Историка. Какъ жаль, что мы не имѣемъ подобнаго сборника объ отечественной войнѣ 1812 года! Портреты: Фельдмаршала Графа Вингенштейна и Героя Эриванскаго, приложенные къ сей книгѣ, очень хороши. Картинки, изображающія переправу Государя Императора черезъ Дунай и Русскій лагерь при Шумлѣ, также достойны вниманія.

— *Краткая Всемірная Исторія.* М. 1829 г., въ т. Университетской, in 8, 187 стр.

Кажется, это переводъ, или сокращеніе Пелицевой Всеобщей Исторіи, хотя Издатель нигдѣ о томъ не упоминаетъ. Не имѣя подъ рукою подлинника, и давно читавъ оный, не можемъ сказать, какъ пользовался имъ Русскій Издатель, но, судя по тому, что̀ передъ нашими глазами, рекомендуемъ сію книгу наставникамъ юношества. Послѣ *Введенія*, занимающаго 46 страницъ, исторія въ сей книгѣ заключается въ *четырехъ періодахъ*: 1-й, отъ основанія древнѣйшихъ государствъ до Кира Персидскаго; 2-й, отъ Кира до Александра Македонскаго; 3-й, отъ Александра до единодержавія въ Римѣ Октавія; 4-й, отъ самодержавія Августа до разрушенія Западной Римской Имперіи. Слѣдственно въ сей части только оканчивается Древняя Исторія. Сождавъ появленія слѣдующихъ частей, которыя должны оправдать названіе сей

Исторіи *Всемірною*, мы постараемся изложить мысли наши о схоластическихъ сборникахъ, издаваемыхъ подъ именемъ Исторій. Книга, о которой извѣщаемъ, можетъ служить пособіемъ для учителей, но, по краткости своей и по формѣ, она едва-ли удобна для учениковъ: это одни указанія на главныя историческія точки. Почитаемъ весьма полезными приложенныя къ ней названія хорошихъ и отличныхъ книгъ по разнымъ частямъ Исторіи.

— *Наставленіе къ выдѣлыванію хорошаго домашняго уксуса.* Сочиненіе У. СПб. 1829 г., въ ш. Имп. Восп. Дома, in 12, 26 стр.

Насъ увѣрялъ одинъ опытный Технологъ, что книжка сія дѣйствительно можетъ быть полезна въ домашнемъ хозяйствѣ. По наставленію Автора сдѣланный уксусъ будетъ хорошъ, но нѣсколько дорогъ; есть средства дѣлать уксусъ весьма добротный, но гораздо дешевѣйшій. — Дешевизна и доброта: вотъ истинная тайна всякаго хорошаго заводчика и фабриканта.

СМѢСЬ.

Русскій Театръ.

Молодость Генриха V-го, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ; *Полифемъ* или торжество Галатеи, балетъ въ 2-хъ дѣйствіяхъ; *Дѣдушка-женихъ*, водевиль въ 1-мъ дѣйствіи (бенефисъ Г-на Шольца, Капельмейстера Императорскаго Театра).

Пословица: нѣтъ худа безъ добра, весьма утѣши-

тельна для рода смертныхъ; но весьма затруднительно то, что нѣтъ добра безъ примѣси зла, или по крайней мѣрѣ — безъ неудобствъ. Большой Петровскій театръ можно смѣло назвать однимъ изъ лучшихъ произведеній зодчества. Обширность сцены, великолѣпіе и удобное расположеніе залы для зрителей — все это превосходно и даже напоминаетъ знаменитые памятники древнихъ! Но для Москвы все это очень неудобно. Артисты здѣшней труппы не могутъ, подобно древнимъ актерамъ, прикладывать ко рту мѣдныя воронки, для того, чтобы голосъ ихъ былъ слышимъ на такомъ пространствѣ, а публика наша не можетъ возить съ собою въ Театръ слуховыя трубы, для того чтобы понять кое что изъ комедій и водевилей, представляемыхъ въ столь огромномъ зданіи. Если-бы мы имѣли большую Оперу — дѣло другое! Тогда и Большой театръ былъ бы въ полномъ смыслѣ хорошъ и удобенъ. Но такъ какъ на сей великолѣпной сценѣ, мы видимъ только неизбѣжное Чванство Транжирина, Три дѣла, превозносимаго и превесьма хвалимаго Ѳедора Григорьевича Волкова — то мудрено ли, что жители Столицы отказываютъ себѣ въ удовольствіи посѣщать Русскій Театръ? Къ сей скудости нашего репертуара, должно прибавить и то, что кромѣ комедій: Аристофанъ и Благородный театръ, и Оперы Панъ Твардовскій, мы не видѣли въ теченіе трехъ лѣтъ другихъ первыхъ представленій *для зрителей*. Всѣ новыя пьесы даются въ пользу бенефиціянтовъ, которые никакъ не согласятся пожертвовать своими выгодами и играть на тѣсномъ, неудобномъ Маломъ театрѣ. Отъ сего

происходитъ то, что многія очень хорошія пьесы теряютъ весь эффектъ на сценѣ, имѣющей двадцать семь аршинъ въ ширину и двадцать два въ вышину!!... Это самое и случилось съ прекрасною комедіею: *Молодость Генриха* Уго, которая донынѣ доставляетъ большое удовольствіе Парижской публикѣ. Эта комедія была разыграна лучшими нашими актерами, (*) и со всѣмъ тѣмъ, три четверти зрителей не могли замѣтить ни искусной игры артистовъ, ни замысловатыхъ мѣстъ, коими изобилуетъ сіе произведеніе Дюваля... Небольшой и хорошо устроенный театръ, на подобіе С. Петербургскаго Малаго — необходимъ для Москвы.

Теперь повторимъ еще разъ: нѣтъ худа безъ добра! Въ тотъ же день бенефиса Г-на *Шольца*, публика съ удовольствіемъ смотрѣла на новый, прекрасный балетъ Г-жи *Гюллень*, обставленный съ великолѣпіемъ, приличнымъ Императорскому Театру. Декораціи, машины, костюмы — были превосходны. Объ искуствѣ нашей многочисленной балетной труппы нечего и говорить. Но главную прелесть сего зрѣлища составляло мастерство, съ коимъ былъ придуманъ, сочиненъ и поставленъ балетъ Полифемъ. Содержаніе онаго очень просто и всѣмъ извѣстно

(*) Въ этой комедіи играли: *Г-жи Львова-Синецкая*, *Борисова* и *Златопольская*, Гг. *Моталовъ*, *Щепкинъ* и *Сибуровъ*. Кажется, можно ручаться, что подобное сему собраніе артистовъ съумѣло-бы разыграть хорошую пьесу!

изъ Миѳологіи (*). Изобрѣтательный умъ и пылкое воображеніе Гжи Гюллень украсили его — если смѣемъ такъ выразиться — всѣми хитростями танцовальнаго искуства. Граціозныя положенія, прелестныя группы, игривыя пляски, уподобляли сей балетъ картинѣ Албана, прозваннаго живописцемъ Грацій. Въ семъ случаѣ обширность театра много способствовала и даже была необходима для удовлетворительнаго выполненія сего зрѣлища. Вызовъ на сцену сочинительницы Балета, былъ яснымъ доказательствомъ удовольствія публики. Музыка, вся вновь сочиненная Г. Шольцомъ, была такъ-же прелестна, какъ и самый балетъ. Москва можетъ поблагодарить этого искуснаго и трудолюбиваго Капельмейстера: не говоря о множествѣ небольшихъ

(*) Гигантъ Полифемъ держитъ во владѣніяхъ своихъ юную Нимфу Галатею, которую, по обыкновенію всѣхъ Театральныхъ Опекуновъ, прочитъ за себя. Богъ любви, несогласный на столь неравный бракъ прелестной Нимфы съ безобразнымъ, одноглазымъ исполиномъ, приводитъ къ Галатеѣ пастуха Ациса, который, съ помощію Амура, преодолѣваетъ всѣ препятствія и получаетъ руку красавицы. Казалось-бы, что пастухъ не слишкомъ выгодная партія для такой красавицы, у коей находится въ услуженіи цѣлое сонмище Игръ, Амуровъ, Смѣховъ и даже Тритоновъ. Но — видно, что въ старину были не такъ разборчивы, какъ нынѣ, и бракъ состоялся тѣмъ скорѣе, что сама Венера была посаженою матерью у бѣднаго Ациса; и, посадивши юную чету на облако, увезла къ себѣ.

оперъ, водевилей и мелодрамъ, имъ написанныхъ, Полифемъ есть уже девятый балетъ, имъ сочиненный. У насъ не рѣдко, или лучше сказать, слишкомъ часто вопіютъ на щедрость Рускихъ къ иностранцамъ, пріѣзжающимъ въ наше отечество. Не обязываетъ-ли насъ справедливость признаться въ томъ, что иностранцы не даромъ берутъ большую плату за свои труды? Не выходя изъ Московскаго Театра, представимъ доказательство вышесказаннаго. Гг. *Ришарды* и Гжа *Гюллень* получаютъ огромное жалованье — за свои таланты. Но сверхъ сего не они-ли образовали у насъ такую искусную балетную труппу? Не они ли въ каждомъ спектаклѣ показываютъ собою примѣры рачительнаго исполненія своей обязанности и вниманія къ своему искуству, которое такъ желательно видѣть у всѣхъ Русскихъ артистовъ? Принуждалъ-ли кто Гна Шольца писать музыку, а Гжу Гюллень сочинять балеты? Какую другую плату, кромѣ жалованья, получаютъ они за сіи труды? Что-же ихъ къ сему побуждаетъ? Отвѣтъ всегда одинъ и тотъ-же: заботливость о славѣ и любовь къ своему искуству: два чувства, по несчастію весьма рѣдко встрѣчаемыя у нашихъ соотечественныхъ артистовъ.

Въ заключеніе спектакля представленъ былъ въ первый разъ: *Дѣдушка-женихъ*, водевиль, передѣланный съ Французскаго Г. *Ленскимъ*, неутомимымъ поставщикомъ водевильныхъ изящностей. Разсказываютъ, что въ старые годы, во Франціи, когда вышелъ въ свѣтъ романъ: *Нума Помпилій*, нѣкто изъ Версальскихъ щеголей засталъ одну даму, занятую чтеніемъ сего произведенія чопорнаго Фло-

ріана. Читательница, сказавши что книга ей нравится, спросила у посѣтителя: извѣстенъ ли ему этотъ романъ? — Само собою разумѣется, что отвѣтъ былъ: давно читалъ! — Любопытно знать, сказала дама, чѣмъ это кончится? — О! отвѣчалъ высокоученый франтъ, кончится тѣмъ же, чѣмъ и всѣ другіеро маны. Какъ водится, *Помпилій* женится на *Нумѣ*, вотъ и все! — Въ представленіи вышеупомянутаго водевиля, когда дѣдушка, еще въ половинѣ пьесы, предваритѣльно изъявилъ свое согласіе на женитьбу внука, многіе изъ зрителей подумали, что водевиль приходитъ къ окончанію, и что Помпилій вѣрно женится на Нумѣ, слѣдовательно и смотрѣть нечего. Всѣ начали вставать со своихъ мѣстъ и выходить въ корридоры, съ такимъ шумомъ, что не возможно было дослушать пьесу, и сихъ ради причинъ мы о достоинствѣ оной ничего сказать не можемъ.

В. У.

ЗАМѢЧАНІЕ.

Н. И. Борхардтъ, будучи корреспондентомъ многихъ Нѣмецкихъ газетъ и журналовъ, просилъ насъ извѣстить публику, что статья о Телеграфѣ, переведенная въ *Галатею* (№ XI, стран. 261) изъ 174 № *Вѣнскаго моднаго журнала*, писана не имъ, но доставлена къ Издателю упомянутаго Нѣмецкаго журнала изъ Москвы отъ посторонней особы. Какъ литтераторъ благородно-мыслящій и корреспондентъ добросовѣстный, Гнъ Борхардтъ не хочетъ, чтобы кто нибудь почелъ его авторомъ статейки,

писанной съ нарушеніемъ всѣхъ правилъ литературной совѣсти и общественной вѣжливости. Въ прошломъ году, въ Вѣнскомъ модномъ журналѣ всего напечатано было статей Гна Борхардта только двѣ: Sommerleben in Moskwa и Apotheose des Jocko.

Въ № XVII Галатеи (стран. 53) опять переведена была статья съ Нѣмецкаго, взятая изъ Zeitung für die elegante Welt, въ которой Сочинитель передаетъ Нѣмецкой публикѣ ошибочныя извѣстія о Русской Литературѣ. Сія статья доставлена къ Издателю Нѣмецкой газеты неизвѣстно отъ кого, и въ прошломъ году въ Zeitung für die elegante Welt ни одной строчки отъ Гна Борхардта послано не было.

Литературные лазутчики говорятъ, что будто одна рука писала и *Нѣмецкій оригиналъ* статьи о Телеграфѣ, за которую съ такою жалостливою поспѣшностью уцѣпилась Галатея, и *Русскій переводъ* сей статейки. Можетъ быть! Мало-ли есть людей, которые сочиняютъ *чужія* мазурки и кропаютъ въ тоже время статейки для Русскихъ и Нѣмецкихъ журналовъ. Улика въ музыкальномъ хищеніи можетъ заставить такого мастера взяться за ремесло критика. Впрочемъ, Гда Издатели Галатеи, Дамскаго Журнала и Славянина могутъ писать и переводить о Телеграфѣ что угодно: отвѣта имъ не будетъ. Съ сожалѣніемъ видя, что Гнъ Раичъ удачно старается быть Московскимъ Г-мъ Воейковымъ, Издатель Телеграфа искренно жалѣетъ о немъ, и не хочетъ входить ни въ какія пренія съ Галатеею и двумя ея сотоварищами.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Le rose vif était, au dernier concert du Vauxhall, la couleur dominante des chapeaux : il y en avait de moire blanche, d'autres de crêpe blanc, ornés, sur la passe et sous la passe, de rubans de gaze satinés bleu sur bleu ; mais les chapeaux les plus nouveaux étaient couleur chamois-rosé, abricot-rosé, saumon.

Les modistes ne peuvent suffire aux commandes de chapeaux et de capotes en tissu de paille formant des raies ou des quadrilles. Une rosette en ruban de gaze fixe sur ces chapeaux un bouquet à la jardinière en plumes.

Quelques capotes couleur de rose sont entièrement composées de rubans de gaze à raies satinées, cousus bord à bord.

Parmi les ornemens des chapeaux on distingue le laurier à feuillage vert-tremble sans fleurs ; le tuhya à pomme ou fleurs de fantaisie. Nous avons entendu nommer *casvarina* une fleur de fantaisie qui a du rapport avec la tulipe, et du calice de laquelle sort comme une houppe.

Nous avons vu sur un chapeau de crêpe-crêpé, une branche de rosier, dont les roses étaient moitié batiste rose, et moitié marabout blanc.

En général la passe des chapeaux de paille de riz et celle des chapeaux de paille d'Italie sont moins grandes que l'été dernier : cependant on met dessus une fleur d'un très-grand

(*) До 1 Мая (н. с.) 1829 года.

volume, celle du nymphea, par exemple, ou une longue branche de pin, de maronnier, de catalpa.

Il faut mettre le vert au nombre des couleurs à la mode, et, en première ligne, le *vert des-Indes*, plus franc, plus vif que le vert-anglais. On garnit de rubans vert-des-Indes les chapeaux chamois-rosé.

Les gros de Napies, pour robes habillées, couleur vert-des-Indes, sont moirés.

Une des couleurs foncées, en grande vogue, porte le nom de *sanglier*; c'est un gris brun.

Il y a des rubans de gaze satinée à mille raies, d'autres à fleurs: ceux où les fleurs sont de la même couleur que le fond, se nomment rubans *façon de blonde*. Les rubans où les fleurs sont *au coloris*, c'est-à-dire représentées avec leurs couleurs naturelles et le feuillage vert, portent le nom de rubans *printanniers*.

Un beau-fils fait monter sa cravate très-haut, et la serre très-peu. Cette manière de la porter, s'appelle *en cataplasme*.

Les pantalons à la mode se font en dauphine, espèce de casimir très-fin, gris perle.

Les redingotes de drap œil de corbeau ont un collet pareil, très-large, un seul rang de boutons, et la taille basse et étroite.

Головные уборы. Яркій розовый цвѣтъ былъ главнымъ цвѣтомъ шляпокъ въ послѣднемъ воксальномъ концертѣ. Кромѣ розовыхъ, замѣчены еще шляпки: изъ бѣлой морелевой матеріи; бѣлыя креповыя, убранныя, на поляхъ и подъ полями, газовыми атласистыми лентами, голубыми на голубомъ; но самыя новыя шляпки были цвѣта серны-розоваго, абрикосоваго-розоваго и цвѣта семги.— Модистки

не успѣваютъ надѣлаться шляпокъ и капотовъ соломенныхъ, полосатыхъ и съ квадратами; розетка изъ газовыхъ лентъ придерживаетъ на такой шляпкѣ букетъ перьевъ à la jardinière.— Капоты розоваго цвѣта дѣлаются изъ газовыхъ лентъ, съ ашласистыми полосками, сшитыми вмѣстѣ, составляющихъ такимъ образомъ цѣльную матерію (и въ Москву привозятъ теперь столь широкія ленты, что сшивая ихъ по двѣ вмѣстѣ, можно употреблять вмѣсто матерій).— Вотъ замѣчательнѣйшіе цвѣты или растенія для уборки шляпокъ: лавръ, безъ цвѣтовъ, съ листьями зелено-осиноваго цвѣта; *тюгіа* съ плодами или цвѣтами выдуманными. Выдуманъ еще новый цвѣтокъ: *касварина*, похожій на тюльпанъ, у котораго въ чашечкѣ находится родъ кисти.— На крепъ-креповой шляпкѣ замѣтили вѣтку розъ, сдѣланную на половину изъ розоваго батиста, на половину изъ бѣлаго марабу.— Вообще поля соломенныхъ шляпокъ бѣлыхъ и Итальянскихъ, нынѣшній годъ гораздо менѣе огромны, нежели въ прошломъ году. Но уборка большими цвѣтами и большими растеніями, какъ-то: кувшинчиками, длинными вѣтками сосны, каштанника, катальпы, остается по прежнему.

Модные уборы. Къ лучшимъ модными цвѣтамъ присовокупить должно оттѣнокъ зеленаго цвѣта, называемый vert-des-Indes: онъ ярче и живѣе оттѣнка vert-anglais. Лентами сего оттѣнка убираютъ шляпки, цвѣта серны-розоваго.

Гроденапли для нарядныхъ платьевъ зеленаго цвѣта, vert-des Indes, бываютъ морелевые (объяринные).

Еще одинъ изъ густыхъ цвѣтовъ, называемый *кабаньимъ*, въ большой модѣ: онъ сѣро-темный.

Есть ленты газовыя, атласистыя, со множествомъ полосокъ; другія съ цвѣтами. Тѣ, на которыхъ цвѣточки одинаковаго цвѣта съ полемъ ленты, называются лентами *на блондовый фасонъ*; ленты, на которыхъ рисунки или полоски цвѣтные, то есть, цвѣты вышканы въ ихъ натуральномъ цвѣтѣ и съ зелеными листками, называются rubans printanniers.

Мужскія моды. Щеголи подвязываютъ галстухи весьма высоко и не туго; такой манеръ подвязывать галстухъ называется en cataplasme.— Модные панталоны дѣлаютъ изъ *дофина*: это родъ тонкаго казимира, сѣро-перловаго цвѣта.— Суконные сюртуки, цвѣта вороньяго глаза, дѣлаются съ такимъ-же суконнымъ воротникомъ, широкимъ, съ однимъ рядомъ пуговицъ, и съ таліею низкою и узкою.

ПАРИЖСКІЯ ВѢСТИ.

Московскія щеголихи могутъ порадоваться, если только чужая неудача есть утѣшеніе при своей неудачѣ: *Лоншанское* гулянье въ Парижѣ было весьма плохо, по причинѣ дурной погоды. Наше гулянье подъ Новинскимъ совсѣмъ было испорчено непогодою. По крайней мѣрѣ, теперь Москва не позавидуетъ Парижу, узнавши, что не въ одной Москвѣ Май *смотритъ Сентябремъ*.

Мы слышимъ жалобы, что Русскіе журналисты *иногда* ошибаются въ переводахъ модныхъ названій ленточекъ, матерій шляпокъ, цвѣтовъ, и на грубомъ Русскомъ языкѣ не могутъ выразить всѣхъ тонкостей, какія изобрѣтаетъ умъ Французскихъ

щеголихъ, щеголей, ресторатёровъ, и проч. и проч. Просимъ строгихъ критиковъ попробовать силъ своихъ въ переводѣ нѣсколькихъ строчекъ. Вотъ описаніе кушаньевъ, которыя поданы были на одномъ щегольскомъ обѣдѣ: Filets de saumon sautés, *à la chirac.* Attelets de filets de carrelet. Salade de filets de brochet. Filets de vive à la sauce verte. Filets de merlan, panés et grillés. Filets de sole *à la ravigotte.* Des pâtes d'Italie à la purée de carottes, des navets de Freneuse glacés au sucre, des pains *à la duchesse* (des groseilles de Bar, gelée de pommes de Rouen, ou toute autre confiture); des croquettes d'œufs *à la reine*; une brioche au fromage de Parmesan, et un baba (espèce de brioche au safran et aux raisins secs)

Въ Парижѣ изобрѣли бильярдъ, который складывается и раскладывается, какъ простой складной столъ: въ 10 минутъ можете сложить его и поставить снова. Важное удобство для людей, которые не имѣютъ особой комнаты бильярдной, и лѣнятся ходить гулять.

Вотъ простые щегольскіе костюмы и экипажъ для прогулки: колясочка, или фаэтонъ, запряженный двумя не-парными лошадьми. Мужчина, въ сюртучкѣ, совершенно застегнутомъ, въ мериносовомъ пунцовомъ галстухѣ, панталонахъ *дофиновыхъ*, цвѣта серны, самъ правитъ. Дама, въ шляпкѣ-капотѣ изъ Русскаго атласа, или крепъ-креповой убранной сиренью; въ платьѣ мериносовомъ или изъ Норвичскаго крепа, цвѣта vert-anglais, въ полосатомъ манто, съ длиннымъ воротникомъ.— Назади сидитъ слуга, въ бѣломъ сюртукѣ, съ маленькимъ воротникомъ. Подлѣ него— ce qui serait de la dernière inconvenance si la mode ne l'autorisait— садится щеголь-прія-

шель, въ сюртучкѣ, и, облокотясь на стѣнку фаэтона, говоритъ съ дамою.

Свадебная корзинка (corbeille de mariage), то есть подарки, которые женихъ подноситъ невѣстѣ, всегда была предметомъ особливыхъ заботъ, и всегда строго слѣдовало при этомъ наблюдать законы моды, чтобы жениху не показаться незнающимъ приличій высокаго тона. Нынѣ, прежде всего дѣло въ шаляхъ; ихъ должно быть *четыре*: одна длинная и, кромѣ букетовъ, съ двумя бордюрами; другая длинная-же, черная; третья квадратная, съ цвѣтными угольниками и съ розетомъ на срединѣ: она стоитъ тысячи двѣ-три франковъ; четвертая не важна: тысячи въ полторы франковъ, полосатая, отъ чего и называютъ ее *лошадиная попона* (couverture de cheval).

Щегольскія столовыя комнаты обиваютъ иногда обоями бумажными (en papier-agathe).

Дамы вышиваютъ на длинной узкой полосѣ канвы крупные цвѣты, особливо розы, и такія полосы служатъ снурками для звонковъ; но въ богатыхъ домахъ для звонковъ вѣшаютъ къ стѣнѣ двѣ позолоченныя цѣпочки, между которыми обыкновенно ставится зеркало.

Щеголи выдумали новый родъ галопа въ верховой ѣздѣ, и назвали его galop de bois de Boulogne (*галопъ Булоньскаго лѣса*); при этомъ галопѣ, жокей скачетъ большимъ тротомъ, а когда щеголь самъ поѣдетъ тротомъ, жокей долженъ скакать малымъ галопомъ.

На приложенныхъ картинкахъ:

1. *Дама.* Креповый шокъ, съ опкрышымъ верхомъ. Креповое платье и рукава, называемые *слоновыми ушами.*

2. *Мужчина.* Фракъ суконный; жилетъ атласный, и сверхъ его другой изъ шелковаго пике. Казимировые панталоны.— Суконный сюршукъ съ шалью, мягкіе сапоги, атласный галстухъ.